МКУК ЦБС Октябрьского района

ЦРБ им. Л. Н. Толстого

Методико-информационный отдел

С книгой осень ярче

Сборник материалов о VIII Международном фестивале «Книжная Сибирь»

Составила: Фомичева И. Б.

Новосибирск

2022

Оглавление

От составителя 3

События и люди 5

Приложения 13

Победители конкурса «Книга года: Сибирь — Евразия» 13

Светлана Зорина Книжные люди. Кто создает, продаёт, продвигает книги в России 17

Игорь Маранин Тайны Оби и легенды Иртыша 25

Станислав Гольдфарб Занимательные истории из истории Сибири 34

Станислав Гольдфарб Непрочитанный Исаак: жизнь и любовь революционера-социалиста, писателя Гольдберга 120

«Книжная Сибирь – 2022» в фотографиях 216

От составителя

16-18 сентября в рамках реализации Национального проекта «Культура» в ГПНТБ СО РАН прошел 8-й Международный фестиваль «Книжная Сибирь-2022». Организаторами выступили областная общественная организация «Новосибирское библиотечное общество», Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирская государственная областная научная библиотека, Новосибирская областная детская библиотека им. А. М. Горького. Мероприятие было приурочено к 85-летнему юбилею Новосибирской области и прошло при поддержке министерства культуры Новосибирской области.

Программа «Книжной Сибири» включала книжную выставку-ярмарку, региональный книжный форум, межрегиональный конкурс «Книга Года: Сибирь – Евразия», региональный Фестиваль детской книги. На фестивале 80 издательств разного масштаба представили свои новинки, а 50 писателей и поэтов делились с читателями секретами своего мастерства и раздавали автографы.

Всего за три дня работы фестиваля более 8 тысяч человек посетили 120 мероприятий, побывав на круглых столах, презентациях, мастер-классах и встречах с ведущими российскими писателями. Организаторы пригласили москвичей: прозаика Александра Снегирева, поэта Виталия Пуханова и авторов детских бестселлеров Дмитрия Емеца и Ладу Кутузову, переводчика и литературного критика Михаила Визеля. В гостях у новосибирцев побывали иркутский писатель, автор научно-популярных книг Станислав Гольдфарб, литературовед из Санкт-Петербурга Алексей Конаков, писатели из Казахстана Яна Абдеева и Ирина Каланчина, составители фэнзина «Фантастика 42» кемеровчане Александр Мухарёв и Ксения Крутская. Традиционно было много новосибирских авторов: Михаил Щукин, Игорь Маранин, Владимир Шамов, Анастасия Безлюдная, Евгений Мартышев и др. Бывший директор новосибирского краеведческого музея Андрей Шаповалов представил свой исторический детектив «Предсказание на меди», посвященный истории Сузунского монетного двора в XIX веке. Рок-фотограф Михаил Ванеев рассказал про историю создания фотоальбома «Правда о Nazareth»: с музыкантами шотландской рок-группы он проехал в российских турах в 2008-2019 годах и создал тысячи уникальных фотографий коллектива.

Одним из самых ожидаемых событий «Книжной Сибири» стала церемония награждения победителей VI межрегионального конкурса «Книга года: Сибирь – Евразия – 2022». В этом году в конкурсе принимали участие более 60 издательств со 173 книгами.

По результатам голосования победителями стали: в номинации «Лучшая научная книга» монография И. Дуракова «На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Об-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы», в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» – книга сказов «Сказочный Сахалин», в номинации «Лучшая книга по искусству, фотоиздание» – литературно-художественное издание «Галерея русской исторической живописи» Владимира Большакова, в номинации «Лучшая краеведческая книга» – серия книг «Библиотека ярославской семьи». Победителем интернет-голосования стало детское иллюстрированное издание «Мы с папой заодно!» К. Валаханович. Обладателем Гран-при стала Национальная издательская компания «Айар» из Якутска. Эксперты отметили высокое полиграфическое искусство фотоальбома «Республика Саха (Якутия). 100». Полный список победителей можно посмотреть в Приложении и на сайте фестиваля по ссылке https://www.bibliosib.ru/news/itogi-vi-mezhregionalnogo-konkursa-kniga-goda-sibir-evraziya-2022

В сборнике «С книгой осень ярче» более подробно рассказано о некоторых интересных событиях фестиваля. В приложении размещены тексты выступления главного редактора журнала «Книжная индустрия» С. Ю. Зориной «Книжные люди. Кто создаёт, продвигает и продвигает книги в России» и презентации книги писателя Ю. И. Маранина «Тайны Оби и легенды Иркутска». Выражаем признательность С. Ю. Зориной и Ю. М. Маранину за разрешение разместить тексты в сборнике на сайте библиотеки.

Писатель, историк, доктор исторических наук, профессор ИГУ С. И. Гольдфарб предоставил подробные дополнительные материалы о героях своих выступлений: иркутском генерал-губернаторе А. Д. Горемыкине и зачинателе советской сибирской литературы, талантливом писателе И. Г. Гольдберге, судьба которого была связана с литературным Новосибирском. Мы благодарим Станислава Иосифовича за уникальную информацию, открывшую нам неизвестные страницы истории Сибирского края.

Сборник будет интересен самому широкому кругу пользователей для познавательного чтения, он откроет читателям имена выдающихся писателей и деятелей прошлого и современного времени.

События и люди

Расскажем о некоторых ярких событиях фестиваля более подробно.

Первый день работы фестиваля порадовал встречей со **Светланой Зориной**, автором книги «**Книжные люди. Кто создает, продает, продвигает книги в России**». Год назад на «Книжной Сибири» она стала победителем в номинации Лучшее издание по книговедению и библиотековедению». Кстати, в этом году на московской международной книжной ярмарке «Книга года – 2022» «Книжные люди» получили специальный диплом в номинации HUMANITAS за увлекательную экскурсию в издательское закулисье. В журнале «Книжная индустрия», созданном Зориной в 2008 году, она много лет вела рубрику «Личности» с целью рассказать про человека книги как про личность: чем он живет и интересуется помимо работы. Увлеченных людей в книжной индустрии много и Светлане Юрьевне хотелось познакомить читателей с самыми знаковыми, ключевыми фигурами книжного мира России. Выросшая из колонки книга построена в формате интервью, это позволяет непринужденно и неформально показать людей, которые благодаря энтузиазму и невероятной увлеченности, любви к своему делу создают замечательные книги: Олега Новикова – создателя империи Эксмо-АСТ, Павла Арсеньева, сделавшим с нуля лучшую в России типографию Парето, редактора Елену Шубину, благодаря которой зажглись звезды Евгения Водолазкина, Гузель Яхиной и многих других современных авторов. Книгу можно также назвать путеводителем по внутренней «кухне» издательств, так как герои интервью делятся секретами того, как создаются проекты и что нужно для того, чтобы книга стала успешной. Интересная информация будет особенно полезна тем, кто пишет книги и только собирается их издавать.

Присутствовавший на лекции соавтор идеи книги, издатель **Георгий Гупало** подтвердил, что за каждой книгой скрыт коллективный труд редактора, корректора, художника и других специалистов. Они в какой-то степени являются незаметными соавторами книги. Действительно, чтобы получился законченный книжный шедевр, нужна командная работа увлеченных людей. Кроме того, книга показывает пример жизни достойных людей, а ведь еще древние мужи всегда советовали читать про героев прошлого. В «Книжных людях» можно познакомиться с героями настоящего времени.

Лекция спикеров незаметно переросла в диалог, поскольку заинтересованная аудитория задавала множество вопросов: что нужно сделать для развития книжного рынка, есть ли в издательском деле цензура, как издать детскую книгу и т.д. По мнению Светланы Юрьевны, необходимо расширять сеть книжных магазинов, на регулярной основе увеличивать комплектование фонда библиотек, вдумчиво подходить к анализу и критериям того, что издавать. Георгий Гупало добавил, что в первую очередь необходимо разбудить в людях интерес к окружающему миру, к познанию и чтению, чтобы люди говорили: «Я хочу прочитать эту книгу». И в этом большая задача для людей, которые связаны с книгой – издателей, книготорговцев, библиотекарей и всех тех людей, кто любит книгу. «Мы мало интересуемся новым. И если мы будем больше популяризировать книгу, чтобы люди больше интересовались миром вокруг, поверьте, ситуация переменится. А дальше уже появятся и новые магазины, и новые библиотеки. Потому что сейчас такая ситуация, что можно построить самую огромную библиотеку в центре города, но в нее не будут ходить», – сказал Георгий Михайлович.

Книга Светланы Зориной, изданная тиражом 1 тыс. экземпляров, уже стала библиографической редкостью, но все желающие могут прочитать ее в электронном варианте на ЛитРес. https://www.litres.ru/svetlana-zorina-3121/knizhnye-ludi-kto-sozdaet-prodaet-prodvigaet-knigi-v/

Одним из запоминающихся событий программы первого дня фестиваля стала презентация собрания сочинений **Михаила Николаевича Щукина**, известного сибирского писателя и главного редактора журнала «Сибирские огни». В крупнейшем российском историческом издательстве «Вече» в течение этого года должны выйти все 12 томов собрания сочинений писателя. Генеральный директор издательства «Вече» **Леонид Леонидович Палько** рассказал о многолетнем творческом сотрудничестве с автором, а Михаил Николаевич с юмором отвечал на задаваемые вопросы, что создавало особенную атмосферу встречи. Любимого сибирского классика тепло поздравили читатели и коллеги, а библиотекари очень удачно поучаствовали в викторине и получили в награду за правильные ответы сертификаты от книготорговой компании «Библионик».

Известный новосибирский краевед, писатель, поэт, историк **Игорь Юрьевич Маранин** представил новую книгу «**Тайны Оби и легенды Иртыша**», написанную в соавторстве с омским писателем **Александром Тихоновым**. Многие истории, легенды и байки городов и деревень Обь-

Иртышского бассейна сложились на основе реальных событий далекого прошлого. Игорь Юрьевич сказал, что чем больше он читал старые газеты и журналы, воспоминаний, путевых заметок, общался с людьми из прошлого, которые рассказывали какие-то свои воспоминания, тем больше убеждался в том, что об этом нужно написать книгу. Однажды будущие соавторы поспорили: какая река важнее, чьи мифы необычнее и интереснее – иртышские или обские? Путешествуя по рекам, продвигаясь от одного города и села к другому, каждый из них заполнял свой путевой дневник и вёл блог. И теперь, прочитав увлекательную книгу, возникшую в результате краеведческого батла, читатель может узнать о том, почему, присягая царю, давали клятву на медвежьей лапе, как из Барнаула доставили девятнадцати тонную Колыванскую вазу из зеленой яшмы в петербургский Эрмитаж, как поднимали затонувшие пароходы со дна Оби и о многом другом.

Новосибирский писатель, литературовед и критик **Владимир Яранцев** представил книгу «**Николай Яновский: человек эпохи "Сибирских огней"**», вышедшую в рамках проекта «Библиотека Сибирской литературы» в издательстве «Свиньин и сыновья». В биографии историка сибирской литературы Н. Н. Яновского (1914-1990) рассказывается о его подвижническом труде, отстаивании серьезного вклада писателей-сибиряков в сокровищницу общероссийской культуры, раскрывается общая картина развития сибирской литературы. Поскольку сохранилась обширная переписка литератора с Виктором Астафьевым, Игорем Золотусским и другими писателями, книга дает возможность познакомиться со многими уникальными письмами и архивными документами. Повесть-исследование стала победителем в конкурсе «Книга года: Сибирь – Евразия – 2022» в номинации «Лучшее издание нон-фикшн».

На сайте журнала «Сибирские огни» можно прочитать произведения одного из интереснейших прозаиков в литературе Сибири первой половины XX века Исаака Гольдберга. Подробнее познакомиться с удивительным человеком, социалистом-революционером и иркутским писателем можно было на презентации книги «**Непрочитанный Исаак: жизнь и любовь революционера-социалиста, писателя Исаака**

Гольдберга». Как один из зачинателей сибирской художественной литературы, Исаак Григорьевич был связан определенными связями с Новониколаевском, и, за неимением места в гостиницах, даже ночевал на столе у известного сибирского писателя Владимира Зазубрина. Его «Тунгусские рассказы» произведи фурор среди читающей публики, а роман «Поэма о фарфоровой чашке» (1930) А. М. Горький считал одной из лучших книг о социалистическом строительстве в советской литературе. По словам автора книги «Непрочитанный Исаак», писателя, историка, доктора исторических наук, профессора ИГУ **Станислава Иосифовича Гольдфарба**, «жизнь этого человека, прекрасного писателя, от начала и до конца была трагической. В зените литературной славы он попал под жернова репрессий конца 1930-х». Книга создавалась по крупицам и большую ее часть составляют чудом сохранившиеся письма революционера к возлюбленной Анне Кроль, дочери политического ссыльного. Он написал ей более полутора тысяч писем о любви и литературных событиях. Позднее Анна была участницей французского Сопротивления, прошла Освенцим и осталась в истории как одна из создательниц индустрии красоты в Париже.

Еще дважды собиралась заинтересованная аудитория на лекции Станислава Иосифовича, чтобы прослушать про «Иркутское время Юрия Левитанского» и узнать «Занимательные истории из истории Сибири». Ушедший на фронт добровольцем из Москвы, Ю. Левитанский после демобилизации оказался в далеком сибирском городе, с середины 1940-х до середины 1950-х жил в Иркутске, где обрел семейный очаг и вошел в литературную творческую среду, опубликовав несколько книг. Попытка вернуться в Москву удалась ему только в 1955 году, когда поэт поступил на Высшие литературные курсы и покинул Иркутск. Тогда открылась новая страница жизни, но далекая Сибирь осталась с ним навсегда. Из второй лекции слушатели узнали о понятии «иркутскость», о том, чем запомнились воеводы XVI века, какими указами вошел в сибирскую историю генерал-губернатор Восточной Сибири Н. П. Синельников, и с каким риском действовала железнодорожная ледовая дорога через Байкал во время русско-японской войны.

Несколько раз гости фестиваля собирались на встречу с **Алексеем Конаковым**, литературоведом, поэтом, автором книги «Вторая вненаходимая. Очерки неофициальной литературы СССР». Из лекции «Евгений Харитонов: подпольное письмо в эпоху брежневского застоя» можно было узнать о судьбе новосибирского поэта, одного из самых выдающихся (и самых неизвестных) авторов XX века. Спикер рассказал об

уникальной стилистике харитоновского письма, о том, на каких основаниях она строилась, какими семейными обстоятельствами определялась, к каким результатам приводила. На последующих двух встречах – «Unbelievable studies No.1. «Что такое советское невероятное» и о чем оно может рассказать?» и «Unbelievable studies No.2. Неофициальная советская литература и дискурс о «невероятном», гость из Санкт-Петербурга рассказал об исследовательской области, связанной с массовым вниманием советских людей к телепатии, йоге, «заряженной воде», поискам снежного человека, Бермудском треугольнике, наблюдениям неопознанных летающих объектов и другим необъяснимым явлениям. Споры порождали журнальные статьи и научно-популярные очерки, фантастические рассказы и выступления крупных ученых. Сейчас этот массив стал материалом для исторического исследования и особым литературным жанром. Через удивительные истории и курьезные увлечения людей можно получить представление о массовой популярной культуре периода позднего социализма. Хотя решающую роль в формировании дискурса о «невероятном» играли научные работники и технические специалисты, сам дискурс был открытым и публичным. Научно-популярные журналы превратились в один огромный твиттер, куда писала техническая интеллигенция, и где соседствовали строгие статьи ученых и смелые гипотезы рядовых читателей.

Рассказ о невероятной народной фантазии, нашедшей отражение в анекдотах, прозвучал на лекции «**Русский анекдот в XX и XXI веках**», которую прочитал доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН **Алексей Шмелев**. Он рассказал о том, как появился и трансформировался русский анекдот, в чем заключается умение понимать и самому рассказывать анекдоты и почему оно не сводится к знанию русского словаря и грамматики. Он объяснил, зачем нужен метатекстовый ввод и чем характеризуются этнические стереотипы героев анекдотов, какую роль играют интонация, мимика и жестикуляция рассказчика. Особенно интересно было узнать приемы того, как герои фильмов становятся любимыми народными персонажами анекдотов. Приводя в качестве подтверждения тезисов яркие примеры, Алексей Дмитриевич не раз заставлял аудиторию от души смеяться над анекдотами, а в завершении лекции посоветовал прочитать свою книгу «Русский анекдот: текст и речевой жанр» (2002).

Одним из самых уникальных событий прошедшей «Книжной Сибири» стал Праздник культуры народов Новосибирской области, во время которого

выступали фольклорные коллективы «Венец» и «Балаганъ», прошла мультимедийная лекция-презентация «Мир православия в сибирских фольклорных традициях», мастер-класс по изготовлению народной тряпичной куклы «Игровая кукла из Сергиева Посада», презентации интересных книг. Интересно, что поддержать авторов, рассказывающих о сборнике стихотворений «**Ширь да высь колокольная**», пришли звонари из Сибирского центра колокольного искусства при храме Михаила Архангела в Новосибирске. После каждого выступления разносились необыкновенные звуки колокольного перезвона, а от желающих сфотографироваться потом с преподавателем школы звонарей и автором стихотворения «Черемуховый звон» Алексеем Талашкиным и его коллегами просто не было отбоя.

Активным вниманием посетителей пользовался VI Фестиваль детской книги «**Читающее детство**», в рамках которого для маленьких и взрослых посетителей ярмарки прошло более 60 мероприятий. Юных читателей ждали творческие встречи с детскими писателями, презентации детских книг, мастер-классы, чтение сказок и другие активности. В этом году гостями стали прославленные авторы детских бестселлеров **Дмитрий Емец** и **Лада Кутузова**. Популярный автор книг про Таню Гроттер, Мефодия Буслаева и других фантастических персонажей, при полном аншлаге провел несколько творческих встреч с юными читателями, на которых рассказал о самых первых книгах, о возможном продолжении Тани Гроттер и представил свою новую работу «Моя большая семья». Мечтающим стать писателями он посоветовал не начинать писать большие произведения, которые не будут завершены. «Пишите столько, сколько у вас получается, редактируйте и помните, что у каждого есть возможность остаться в вечности, если он будет писать в каком-то смысле о самом себе». На автограф-сессии Дмитрий раскрывал книгу, на странице обводил ручкой ладонь и внутри контура писал каждому своему фанату добрые слова и пожелания.

Лада Кутузова – финалист и победитель многих литературных премий по детской литературе, а также самой значимой российской премии в области детской литературы – премии имени Э. Успенского «Большая сказка» (2020) представила книги «Звезда имени тебя», «Темногорье. Плацкартный билет», а также рассказала о том, чем отличается тёмное фэнтези от обычного, почему так важно было персонажам пройти испытание, своеобразную инициацию, после которой они становятся взрослыми и ответственными за свои поступки.

Редактор-составитель серии детских книг «Ласка-Пресс» ИД «Городец», переводчик с итальянского и английского **Михаил Визель** представил свою повесть-комикс для подростков «**Воксрекордер инженера Термена**» (художник книги Алексей Капнинский). С помощью невероятного изобретения главные герои повести восьмиклассники Рита и Вовка попали в прошлое и стали свидетелями событий в Немецкой слободе. М. Визель также презентовал слушателям переведенную им детскую поэму итальянского поэта Джанлуки Капоразо «**Земные, морские и лунные приключения барона Мюнхаузена**», тираж которой разошелся на фестивале за несколько часов.

Алена Кропачева, сценарист и редактор книг и журналов о Смешариках представила свою книгу «**Будь здоров! Уроки эпидемиологии для детей**» – один из лучших способов рассказать ребенку о вирусах, бактериях, эпидемиях и основах здорового образа жизни. Книга стала лауреатом специального приза премии «Книга года – 2021» в номинации «Детям XXI века» и рассказ автора о героях книги вызвал живую реакцию маленьких зрителей.

Рядом с детской сценой, в уютной атмосфере, созданной с помощью пуфиков, подушек и мягких игрушек, можно было послушать сказки народов Новосибирской области в исполнении актёров новосибирских театров или почитать приглянувшуюся книгу. С большим успехом прошел мастер-класс для ребят по созданию личного книжного знака «**Путешествие в мир экслибриса**». И, конечно, нельзя было пропустить встречи с новосибирскими художниками-графиками и иллюстраторами детских книг **Любовью Лазаревой** и **Ириной Галкиной**, послушать их рассказы и посмотреть выставки репродукций. Любовь Павловна проиллюстрировала более 200 книг: произведения Агнии Барто, Джанни Родари, Яна Ларри, Владимира Шамова, Таисьи Пьянковой.

На презентации проекта Новосибирской областной детской библиотеки им. А. М. Горького «Книга глазами художника» она рассказала о своей работе над книгой стихотворений Корнея Чуковского, а дети с удовольствием прочитали самые любимые произведения классика детской литературы. Позднее на детской сцене состоялась роскошная презентация книги «**Царь-птица Чарана. Цыганские сказки**» **Хали Кулешовой** и **Лилит Мазикиной** (2022), прекрасно проиллюстрированной **Любовью Лазаревой** с особым вниманием к деталям цыганского быта и костюма. К восторгу аудитории чтение сказок неоднократно прерывалось

зажигательными танцами в исполнении студентов Новосибирского областного колледжа культуры и искусств.

Ирина Галкина поделилась историей о том, как создавались иллюстрации к «**Легенде о храбром богатыре Узоне и его возлюбленной Наюн**» Марины Бабанской (2016) и «**Игре в камешки**» Марии Федотовой (2019), «**Совиному волку**» Анастасии Строкиной (2017). Открытки с изображением нежных корякских красавиц получили самые активные участники встречи. По ссылке можно более подробнее познакомиться с творчеством Ирины Галкиной https://vk.com/irgastudio

Итак, за три дня работы ярмарки все ценители литературы со значительными скидками приобрели хорошие книги, пообщались с любимыми авторами и получили ответы на интересующие их вопросы, услышали актерское чтение сказок народов новосибирской области, посетили множество разнообразных мероприятий, сделали в фотозонах памятные фотографии.

Кстати, последний день работы фестиваля совпал с закрытием мотосезона новосибирскими байкерами и на площади Пименова перед ГПНТБ СО РАН красовались самые разнообразные байки. Посетители фестиваля могли по дороге на фестиваль полюбоваться мототехникой, а байкеры торопились к стендам издательств и потом уходили с книжными «трофеями».

Праздник книги, самое яркое событие культурной осени Новосибирска, прошел успешно! Зарядившиеся интеллектуальными впечатлениями и позитивными эмоциями на год вперед, новосибирцы будут вспоминать любимые моменты фестиваля и ждать следующую «Книжную Сибирь».

Приложения

Приложение 1

Победители конкурса «Книга года: Сибирь — Евразия»

В 2022 году победителями в номинациях стали:

- «**Лучшая научная книга**» – монография «**На заре металлургии: Бронзолитейное производство населения Обь-Иртышской лесостепи в эпоху ранней бронзы**», автор Игорь Дураков, ответственный редактор Вячеслав Молодин, Институт археологии и этнографии СО РАН
- «**Лучшее издание духовной и историко-религиозной литературы**» – книга «**Не от мира сего**», автор Ирина Антонова, Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева
- «**Лучшая учебная книга**» – учебное пособие «**Одун букварь. Букварь лесного юкагирского языка**», авторы Любовь Дёмина, Прасковья Прокопьева, Александра Прокопьева, Алёна Миронова, Национальная издательская компания «Айар», город Якутск
- «**Лучшая краеведческая книга**» – серия книг «**Библиотека ярославской семьи**», главный редактор Виталий Горошников, арт-холдинг «Медиарост», город Рыбинск, Ярославская область
- «**Лучшее издание нон-фикшн**» – повесть-исследование «**Человек эпохи «Сибирских огней**» о Николае Николаевиче Яновском, автор Владимир Яранцев, издательство «Свиньин и сыновья»
- «**Лучшее издание по книговедению и библиотековедению**» — научное издание в 2-х томах «**20 Ежегодных докладов Международного форума «Крым**», автор - доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии Образования Яков Леонидович Шрайберг. ГПНТБ России, город Москва
- «**Лучшее издание, вносящее вклад в развитие евразийского межкультурного сотрудничества**» — книга «**Саха — алмаз Сибири**», автор Георгий Гупало, национальная издательская компания «Айар», город Якутск

- «**Лучшая книга по искусству, фотоиздание**» – литературно-художественное издание «**Галерея русской исторической живописи**», автор Владимир Большаков, Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска»
- «**Лучшее издание художественной литературы**» –

книга стихов «**Парк**», редактор-составитель Антон Метельков, издательско-копировальный отдел НГОНБ

- «**Лучшая книга для детей и юношества**» – книга сказок «**Сказочный Сахалин**», редактор Александра Агафонова, издательство «Пресс Код» (PressPass), город Москва

Победитель интернет-голосования — детское иллюстрированное издание «**Мы с папой заодно!**» Ксении Валаханович от издательства «ЭНАС – КНИГА».

Специальные призы

Обладателем спецприза в номинации «**Лучшая научная книга**» в связи с 65-летием СО РАН стало научное издание «**Их именами названы институты Новосибирского научного центра**», авторы: Наталья Куперштох, Ирина Крайнева, ответственный редактор академик РАН Василий Фомин, Сибирское отделение РАН.

Обладетелем спецприза в номинации «**Лучшая краеведческая книга**» стало издательство **ТОО** «**Восточно-Казахстанская полиграфическая компания Арго**».

Спецприз в номинации «**Лучшее издание художественной литературы**» получил **Юрий Михайлович Ключников** за верность поэтическому слову; за вклад в сибирскую литературу, расширение её творческих горизонтов, способствующее сближению народов и континентов. А в номинации «**Лучшая книга для детей и юношества**» – Издательство «**Союз писателей**», город Новокузнецк.

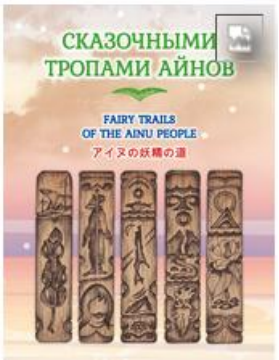
Призеры:

1. «**Лучшая научная книга**» – монография «**Изваян от меди…**»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы» от издательства Института археологии и этнографии СО РАН; **мифологический словарь алтайцев** от Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук; научное издание «**Урбанизация и характер заселения территории Северо-Востока СССР (1932–1940**)» от издательства «Кордис», Санкт-Петербург; издания 2021 – 2022 гг. по экономике Сибири от издательства Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.
2. «**Лучшее издание духовной и историко-религиозной литературы**» – книга «**Прорывающий горизонты. К портрету русского путешественника протоиерея Федора Конюхова**» от Тюменского регионального общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска»; сборник стихов «**Ширь да высь**

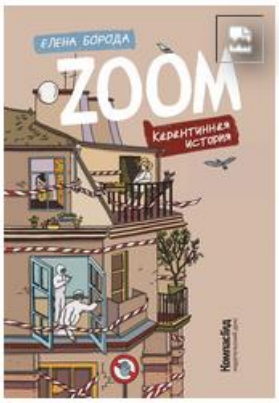
колокольная…» от Сибирского государственного университета водного транспорта.

3. «**Лучшая учебная книга**» – монография «**СЕТЬ 2030: архитектура, технологии, услуги**» от Издательско-книготоргового центра «Колос-С»; учебно-методическое пособие «**Основы бурения нефтяных и газовых скважин**» от Новосибирского государственного университета.

4. «**Лучшая краеведческая книга**» – книга «**Тайны Оби и легенды Иртыша». Мифы, легенды и байки с берегов больших и малых рек Западной Сибири**», от издательства «Свиньин и сыновья»; **Этноатлас Хабаровского края** от Дальневосточной государственной научной библиотеки; издательский проект в 3 томах «**Горизонты А.М. Брехунцова**» от Издательства «ГЕОДАТА».
5. «**Лучшее издание нон-фикшн**» – иллюстрированное издание «**Тихий. Океан цивилизаций**» от издательства «Паулсен»; повесть-иллюстрация «**Капитан и ледокол**» от Издательства «РуДа».
6. «**Лучшее издание по книговедению и библиотековедению**» – монография «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. 1992–2017 гг.» (Том 6, часть 1) от ГПНТБ СО РАН; сборник «Формирование, учет, изучение, обеспечение физического сохранения и безопасности фондов ГПНТБ СО РАН, включая оцифровку фондов» от ГПНТБ СО РАН.
7. «**Лучшее издание, вносящее вклад в развитие евразийского межкультурного сотрудничества**» — книга «**Сказочными тропами айнов**» от Южно-Сахалинской Центральной городской библиотеки им. О. П. Кузнецова; монография «**Университет и город: диалог в постиндустриальном дискурсе на примере России и Франции**» от региональной общественной культурно-просветительской организация «Альянс Франсез-Новосибирск».



8. «**Лучшая книга по искусству, фотоиздание**» – тома «**Дальний Восток**» и «**Сибирь**» серии фотоальбомов «Россия: визуальный код» от Арт-холдинга «Медиарост»; художественно-географический фотоальбом «**Совершенство...**» от Издательства «Историческое наследие Сибири».
9. «**Лучшее издание художественной литературы**» — многотомник «**Вечерние часы, или древние сказки славян древлянских**» от издательства «Роща»; литературно-художественное издание



«**Время лимитрофов**» от издательства «Вече»; серия книг «**Литературное наследие Алтая**» от Алтайской краевой универсальной научной библиотеки имени В. Я. Шишкова.

10. «**Лучшая книга для детей и юношества**» – книга «**Zoom. Карантинная история**» от издательства «КомпасГид»; литературно-художественное издание «**Всем выйти из кадра!**» от Издательства «Абрикос».

Источник:

Итоги VI межрегионального конкурса «Книга года: Сибирь – Евразия – 2022» : КНИЖНАЯ СИБИРЬ Международный фестиваль : сайт. – URL.: https://www.bibliosib.ru/news/itogi-vi-mezhregionalnogo-konkursa-kniga-goda-sibir-evraziya-2022 (дата обращения 10.10.2022)

Приложение 2

Светлана Зорина

Книжные люди. Кто создает, продаёт, продвигает книги в России

Открывая встречу, Светлана Юрьевна сказала, что представит книгу «Книжные люди. Кто создаёт, продаёт, продвигает книги в России» вместе с полноправным соавтором идеи, очень хорошим издателем Георгием Гупало. А для начала рассказала о том, как все начиналось. Светлана Юрьевна работает в книжной отрасли с 1998 года, свой путь она начинала с должности пресс-атташе в издательстве «Просвещение». Потом работала в издательстве «КноРус», где стала выпускать «Книготорговую газету». В 2008 году на смену газеты пришел журнал «Книжная индустрия», который был создан и реализован С.Ю. Зориной и ее командой с нуля (в этом году ему исполнилось 14 лет). Это бизнес-издание посвящено аналитике книжного рынка, рассказу о российских издателях и книгораспространителях, о библиотеках. В нем освещаются самые актуальные события, происходящие в книжной отрасли России и за ее пределами. В рубрике «За рубежом» рассказывается о книжных рынках зарубежных стран. Всегда важно рассматривать книжную индустрию в общемировом контексте, понимать тенденции, что и как происходит.

В 2012 году в одном из разговоров с Георгием Гупало пришла мысль, что хорошо было бы выйти за пределы бизнес-пространства. Да, бизнес – это важно и интересно, но захотелось рассказать о людях книги, о том, кто создает, продает и продвигает книги в России. Так в журнале родилась рубрика «Личности», задачей которой было рассказать о человеке книги: чем он живет, чем увлекается, что его волнует не только в сфере книгоиздания, а

шире, в сфере культуры, как он любит проводить свободное время, как отдыхает. Одним словом, через интервью раскрыть личности книжной индустрии. Впоследствии из материалов рубрики родилась книга.

Светлана Юрьевна призналась, что является поклонницей творчества Евгения Германовича Водолазкина и напомнила его слова по поводу личности, с которыми она согласна: «Мне всегда интересна личность. В центре настоящей литературы человек, а не общество. Литература напоминает личности о том, что Богом было создано не человечество, а человек, а также о том, что конечный ответ человека будет персональным. Это ни в коем случае не противопоставление личного общественному, а четкое осознание того, что только персональная работа способна привести к социально значимым результатам».

Действительно, человек как личность виден в результатах, в том, что он сделал. И это прежде всего интересовало ее при выборе того или иного героя. В книжной индустрии трудится много людей, но ей хотелось познакомить читателей с самыми знаковыми, ключевыми фигурами книжного мира России. В книге собраны интервью с издателями, редакторами, художниками книги, журналистами, книготорговцами, полиграфистами, библиотекарями, общественными деятелями.

Кстати, тираж уже разошелся, уже сейчас книгу невозможно купить, она стала редкостью. И все ждут продолжения, новых интервью с представителями книжной отрасли. Книга «Книжные люди» – это одна из форм познания истории российского книжного дела через личности, через живые истории людей, через историю их деятельности и достижений. Например, **Олегу Новикову** удалось создать большую империю, которая сегодня называется издательская группа «Эксмо-АСТ», сеть магазинов «Читай город – Буквоед» и полиграфические компании «Парето-Принт», Тверской полиграфкомбинат. **Сергей Макаренков** выдающийся издатель, создатель одного из первых на постсоветском пространстве издательств – «Рипол классик». **Алексей Ильин** из брокеров пришел в книгоиздание и построил очень успешную издательскую компанию «Альпина», фактически сформировал рынок деловой литературы в России.

Елена Шубина одной из первых поняла новую роль редактора в современном издательском мире. Редактор является и менеджером всего процесса, и книжным продюсером. Удивительное чутье издателя, литературный вкус позволяют Елене Даниловне открывать новые талантливые имена российских писателей широкому кругу читателей. И не

просто открывать, а создавать книги-события, которые еще и становятся коммерчески успешными.

Выдающийся художник книги **Андрей Бондаренко** оформил около 7000 книг. В его исполнении макет, шрифт, обложка — это элементы произведения искусства. Он досконально прочитывает и перечитывает книги, прежде чем начать работать, его оформление всегда концептуально. Язык и художественные образы создают мир, описывают его. Запечатленные в Книге, они становятся частью вечности.

Павел Арсеньев построил одну из лучших не только в России, но и в Европе типографию «Парето-Принт». Фактически за 2 года в чистом поле на участке в 2 гектара земли он организовал современное полиграфическое производство книг.

Это истории успеха личностей, благодаря уникальным способностям которых, энтузиазму и любви к своему делу, удалось добиться удивительных результатов.

Светлана Зорина отметила, что работа над книгой стала еще и межиздательским проектом: редактуру и верстку делали в АСТ, а макет книги и оформление придумал талантливый дизайнер из «Альпины» Денис Изотов. Светлана Юрьевна выразила благодарности Елене Шубиной, Ольге Аминовой и Ирине Кравцовой, тем редакторам и издателям, которые помогали ей советами. Например, очень долго рождалось название книжки. И как-то в процессе общения и диалога сложился пазл – «Книжные люди, кто создает, продает, продвигает книги в России». Даже название стало результатом командной работы потрясающих, увлеченных книжным делом людей.

Георгий Гупало отметил, что часто как-то несправедливо бывает: например, засветился на экране какой-то актер и у него тысяча интервьюеров спрашивают, что он любит и как отдыхает. Человек еще не состоялся как личность, просто где-то снялся и уже стал звездой, а о нем все разговоры. А есть люди, о которых мы ничего не знаем, например, очень хороший какой-нибудь врач. Он пришел, сделал операцию, выполнил то, что был должен, огромное количество людей спас, и мы ничего про него не знаем. А ведь бывает, что это еще и личность, человек интересный, например, Антон Павлович Чехов. Из врача появился великий, всемирно известный любимый писатель, властитель дум.

Точно так же бывает с издателями. Издателей практически никто не знает и это страшно несправедливо. Потому что среди издателей, и вообще книжных людей, очень много интереснейших, необыкновенных личностей Например, приехавший на «Книжную Сибирь» Леонид Леонидович Палько, еще и охотник-ученый. Он интересуется природой, знает, когда можно и когда нельзя охотиться, когда надо помогать и спасать зверей, а когда можно какое-то количество подсократить. Это человек, который очень многим увлекается, он действительно, интереснейший, необыкновенный человек. Или вот тот же Павел Арсеньев, о котором сегодня уже было сказано. Представляете: в чистом поле он создал производство, и не просто производство, а лучшую в стране типографию. Это ведь действительно очень круто. А при этом человек еще фантастический бегун на лыжах: он все знает об этом, увлекается этим, все время в спортивном заряде. Причем такое ощущение, что если его пустить на олимпиаду, он наверняка еще и олимпийское золото России принесет, не только лучшую типографию может построить.

За каждой книжкой на полках скрываются издатели. Вот книжка видна, писатель понятен, его мысль понятна. А ведь далеко не всегда в книжке то, что принес писатель издательству. Потому что издательство – труд коллективный и там много людей работают: и редактора, и корректоры, и художники. И для того, чтобы получился полностью законченный образ книги, правильный образ всех героев и сюжет, очень часто приходится вмешиваться редакторам. Они являются в какой-то степени соавторами книги. Здесь несколько раз прозвучало имя Елены Шубиной, это действительно выдающийся издатель. Во многих московских магазинах есть полка «Издательство Елены Шубиной». Это всего-навсего редакция в издательстве АСТ, но редактор создал такое количество настоящих литературных шедевров, что её особым образом выделили, показали – «Редакция Елены Шубиной». Она фактически стала издателем и очень интересно как она сама влияет на то или другое произведение. Потому что – открою такую нашу тайную кухню – мы ее спрашиваем: «Ну а если автор категорически отказывается убивать героя или наоборот, оставлять его в живых, а Вы считаете, что нужно и непременно его грохнуть, что делать?» Она говорит: «Ругаемся, иногда несколько лет не разговариваем, а потом он приходит и говорит: «А Вы правы, действительно, надо сделать так-то и так-то». Вот это и есть настоящее искусство книги, когда все вместе складывается как пазл и получается шедевр. И как раз только благодаря

ярким личностям, благодаря интересным людям получаются настоящие хорошие книги.

Георгий Михайлович сделал отступление и напомнил об американском фильме «Крестный отец», одном из шедевров мирового кинематографа. Сейчас компания Paramount выпустила художественный фильм о фильме, построенный на основе документального. Они рассказали о том, как снимался «Крестный отец». И этот сериал (10 серий) смотрится ничуть не хуже «Крестного отца». Американцы умеют рассказать о себе хорошо. А мы очень часто своих людей при жизни как бы и не замечаем. И эта книга – попытка исправить положение дел.

Потому что нам нужно больше рассказывать о про достойных людей. Надо учиться у великих, у тех, кто уже достиг чего-то хорошего. Древние мужи всегда советовали читать про героев прошлого. И здесь точно также, из книги можно узнать про героев настоящего. Они есть, и нам есть чем гордиться. У нас есть много хороших книжек. Может быть, мы и отстаем от всей остальной Европы в книжном деле, но по количеству наименований мы входим в пятерку самых развитых стран. У нас очень много наименований книг и есть среди них совершенно роскошные. И тем, как они сделаны, как оформлены, можно и должно гордиться. Одна из серьезных проблем в нашей стране – это то, что нет рекомендательных сервисов, которые позволяли бы узнать о хороших книгах. Есть Ассоциация книгоиздателей России и туда каждый год на конкурс присылают книги со всей страны, многие региональные издательства. Но открыть книгу для себя – это совсем не просто.

Светлана Юрьевна предложила перейти к беседе-диалогу и сразу же прозвучал вопрос: какие меры позволили бы преодолеть нам отставание от Европы?

Она ответила, что в первую очередь необходимо развить инфраструктуру книги и чтения. Россия находится на 5-м месте по книгоизданию, в прошлом году было выпущено 108 тысяч наименований книг. А по объему рынка мы занимаем 15-е место в мире, это очень небольшой объем. То есть возможности для развития рынка колоссальные, ведь у нас очень слабая сеть книжных магазинов – 5 тыс. книжных магазинов на всю Россию, притом, что половина этих книжных магазинов – это маленькие лавочки, по 20-25 м², которые тоже входят в статистику. А больших крупных магазинов около двух тысяч всего, этого мало.

Сейчас очень хорошо развивается интернет-торговля, в большей степени это Москва и Петербург, в регионы не так быстро доходят книги, а это тоже очень важный фактор развития рынка. Электронная книга хорошо развивается, порядка 12% занимает доля электронной книги в России. Это хороший показатель, но вот сейчас с рынка ушел Storytel и остается практически один Литрес. На рынке, чтобы он развивался, нужна конкуренция, монополист – это всегда плохо. Поэтому нужно инфраструктурно развивать отрасль, нужно увеличивать комплектование фондов библиотек, потому что сегодня это ничтожно маленькие цифры. Хорошо, что возобновили библиотечные трансферты на комплектование, в 2021 году на комплектование было выделено 550 млн. Был очень большой перерыв, когда вообще не выделялось средств на комплектование фонда, а нужно делать это регулярно и на постоянной основе, увеличивая бюджеты. Библиотеки должны составлять очень существенный объем книжного рынка. Сегодня он очень маленький в общем объеме книжного рынка. И, конечно же, нужно увеличивать тиражи книг, чтобы увеличивать доступность книги.

Книги становятся очень дорогими, потому что больше половины всех напечатанных книг у нас выходят тиражом до 500 экземпляров, они становятся малотиражными изданиями. Книг тиражом до 3-5 тысяч всего 30%, то есть у нас книга становится для населения очень дорогой и малодоступной. Все многообразие, которое есть в Москве, в Санкт-Петербурге, далеко не так доступно в регионах, к большому сожалению. Поэтому нужны очень серьезные вложения в инфраструктуру книжной отрасли. И, конечно, нужно существенно сокращать количество наименований. У нас рынок перенасыщен книгами, очень много клонов, дубликатов, по одной и той же теме выходит десяток книг. Один издатель выпустил книгу по интересной теме и пошли десятки клонов этой книги, а нужно очень вдумчиво подходить к анализу и критериям того, что издавать. Наверное, не нужно 108 тысяч наименований книг. Пусть их будет меньше, но они будут более качественными и это будет тоже очень правильное решение.

Георгий Михайлович высказал свое мнение, что все эти инструменты позволяют решать проблему. Но проблема заключается еще и в другом. Например, все слышали про книгу «Код да Винчи». В Швеции, где 8 миллионов населения, тираж книги составил 1 миллион 200 тыс. экземпляров. В нашей стране самая-самая читаемая книга из выходивших в последние годы – это книжка отца Тихона Шевкунова «Несвятые святые». По разным оценкам у нее был тираж от 3 до 5 млн. Это большой тираж и

книга прекрасная, но на 145 млн населения этого мало. Это говорит о том, что 140 млн человек в нашей стране не держало в руках эту книжку. Потому что нет интереса. У нас нет ни к чему интереса. Вот спрашиваем: «Хотите про муравьев?» – «Нет». «Хотите про велосипеды?» – «Нет». «Хотите про телевизор?» – «Нет». Нам ничего не интересно и это самая главная проблема. Разбудить интерес в людях, особенно в тех, кто интересуется книгами, кто хочет познать. Ведь интернет, все эти википедийные статьи дают только выжимку, верхний слой знаний. А внутрь можно погрузиться только тогда, когда ты прочитаешь статьи и книги ученых, когда полностью увидишь объем изучаемого предмета. А если нет интереса к этому, то как ты это сделаешь? И вот самая главная беда наша в том, что нам мало что интересно. Мы мало интересуемся жизнью вокруг. Почему в Швеции был такой огромный ажиотаж? Потому что люди начали говорить: «И я хочу почитать». Если мы, особенно те люди, которые связаны с книгой – издатели, библиотекари, книготорговцы, вообще просто люди, которые любят книгу, будем больше популяризировать книгу, чтобы люди больше интересовались миром вокруг, поверьте, ситуация переменится. А дальше уже появятся и библиотеки новые, и магазины, все появится. Потому что пока можно построить самую огромную библиотеку в центре города, но в нее не будут ходить.

На поступивший из зала вопрос о том, где можно издать стихотворения для детей, Георгий Михайлович ответил, что для него, как издателя детской научно-популярной литературы, это больная тема. Потому что поэзия «не идет совсем». И если лежит две книжки, на одной написано «Чуковский», на второй написано «Стрекозкин», возьмут Чуковского. Стрекозкин, может быть, даже лучше написал, но, к сожалению, люди приходят, говорят: «Кто такой Стрекозкин, я не знаю, Чуковский – бабушка моя росла на Чуковском, пускай и внуки мои растут на Чуковском». Корней Иванович – великий, это действительно так. Но вот представьте себе, если бы в Англии пришла Роулинг в издательство и предложила рукопись про Гарри Поттера, а ей ответили, что «не нужен нам Поттер, у нас есть Стивенсон, и ничего, кроме Стивенсона знать не желаем. Давайте сотни лет издавать этого Стивенсона». Это как раз продолжение мысли о том, что мы мало интересуемся новым. Поэтому детские стихи неизвестного автора издательство вряд ли будет издавать.

На вопрос аудитории, где можно приобрести «Книжных людей», Светлана Юрьевна посоветовала почитать книгу в электронном виде на ЛитРес или обратиться в ГПНТБ СО РАН, в другие библиотеки города.

Потому что тираж в тысячу экземпляров разошелся за несколько месяцев, и сейчас в книжных магазинах ее нет.

Прошедшая в теплой, дружеской обстановке встреча завершилась подписанием экземпляров «Книжных людей».

Приложение 3

Игорь Маранин

Тайны Оби и легенды Иртыша

Сегодня я хочу представить книгу «Тайны Оби и легенды Иртыша», написанную совместно с омским автором Александром Тихоновым.

Начну с небольшого вступления. За последние одиннадцать лет я написал по краеведению, истории и мифологии Сибири девять книг, к концу года выйдет десятая. И чем больше я погружался в прошлое, чем больше читал старые газеты и журналы, воспоминания, путевые заметки, чем больше общался с очевидцами тех или иных событий, тем больше убеждался в справедливости известной истины: «ничто не ново под луной». В оригинале она звучала как «ничто не ново под солнцем», а вообще эта фраза восходит к Библии, к книге Экклезиаста, в которой сказано так: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться. И нет ничего нового под Солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое». Но это было уже в веках, бывших прежде нас».

Ещё работая над книгой «Мифосибирск» (2011), я писал о бородатых стритрейсерах начала прошлого века – купцах, которые рассекали на лошадях по улицам Новониколаевска, пугая прохожих. С каждой последующей книгой я находил всё больше параллелей между прошлым и настоящим. Это удивительно, но все, что мы видим вокруг себя, в том или ином виде уже было в прошлом. Например, в этом здании много кулеров, для которых время от врмеени привозят на машинах пластиковые бочонки с водой. Но ведь и сто лет назад точно также водовозы развозили по частным домам и учреждениям бочки с водой! Водопровода в Новониколаевске не было и те, кто победнее, шли к Каменке или Оби, зачерпывали воду ведрами и носили вверх по склонам Каменки к себе домой. Ну а те, кто побогаче, нанимали водовоза, доставлявшего воду с водокачки. Вы мне скажете: «Насчет воды все понятно, а вот где вы найдете в прошлом Алиэкспресс или

Wildberries?» Вы удивитесь, но и это было! Во времена Советского Союза работала такая организация как «Товары-почтой» и каталогом этих самых товаров, рассылаемых покупателям у нее был весьма обширен. А если пойти еще дальше, открыть и полистать томскую газету «Сибирская жизнь» конца XIX века, то обязательно обнаружится объявление какого-нибудь жителя Варшавы или Вильно с предложением, например, выслать женские духи, одежду или какое-нибудь средство от тысячи болезней.

В 1990-е годы к нам пришли финансовые пирамиды, «дикий капитализм», и многим кажется, что раньше такое было совершенно невозможно. А вот и нет! Финансовые пирамиды были даже при советской власти, как это ни удивительно слышать. Только в Новосибирске было несколько подобных волн. Например, в 1959 году газета «Вечерний Новосибирск» опубликовала статью под названием «Простачки и аферисты», в которой говорится: «В редакцию принесли обычное письмо, только под копирку. Уважаемый товарищ, включаем Вас в международную игру». Автор письма взывает к Вашей честности и деловито предлагает получить 15 тысяч 625 рублей, ни больше не меньше. «Включаясь в игру, вы должны строго в трехдневный срок выслать 5 рублей по адресу № 1, а письмо переписать без изменений в пяти экземплярах. Эти 5 писем надо разослать 5 человекам, обязательно известных вам как честно относящихся к выполнению своих обязанностей». Дальше следовали ссылки на Чехословакию, где якобы родилась эта игра, ссылка на журнал «Смена», где якобы она описана, и наконец арифметические расчеты. По закону геометрической прогрессии вы должны были получить 3 тысячи 125 писем, в каждом из которых лежит заветная пятерка. Итого 15 тысяч 625 рублей. Неловко улыбаясь, Вы вертите в руках письмо. Честно говоря, все выглядит довольно подозрительно, но автор пишет так убедительно и есть список адресов. И потом, пять рублей не разорение, а вдруг все верно? Другие получат по 15 тысяч, а вы нет?»

В 1959 году в жульнические финансовые затеи были вовлечены сотни людей: работники обувного и мясоконсервного комбинатов, других промышленных предприятий Заельцовского района, служащие некоторых учреждений, в том числе и люди с высшим образованием. Районы Красного проспекта, улиц Плановой, Котовского и многих других, значатся в списках поставщиков денег счастливым аферистам. Эта волна схлынула, организаторов разоблачили, но в 1965 году местный журналист Быков опять был вынужден писать фельетон на эту же тему. В нем автор повторяет практически то же самое: «У нас в редакции за несколько дней накопились десятки фамилий участников этой нелепой затеи. Ожидают писем многие

жители улиц Новогодней, Ватутина, Костычева, Титова, Левого берега Каменки и ряда других. В переписку втянуты несколько общежитий, учреждений и школ». Вот она – классическая финансовая пирамида, имевшая место в советское время.

Своими корнями эта мошенническая схема уходит в средние века и начиналась она как вполне благопристойное занятие. Монахи некоторых монастырей придумали тогда следующее: чтобы просвещать народ, чтобы люди знали больше молитв, они рассылали им письма, в которых просили переписать молитвы 5-10 раз и разослать дальше. Но, говоря на религиозном языке, «дьявол все извращает», в результате благая идея выродилась в итоге в финансовые пирамиды.

Или взять такое явление из тех же 90-х годов, как сеансы Алана Чумака, помните как он «заряжал» банки с водой, поставленные перед телевизором? И это уже было раньше! В начале XX века в Сибири обосновался гипнотизер Лев Львович Оноре, который «заряжал» свои визитки. И сейчас мы уже переходим непосредственно к книге «Тайны Оби и легенды Иртыша», потому что история о докторе Оноре описана именно в ней.

Лев Львович лечил гипнозом от алкоголизма запойных пьяниц, которые стекались к нему со всей Сибири. Бывало, принимал в день до 180 человек. Доктор снимал барак, устанавливал там койки с матрасами, на которые укладывал посетителей – большими партиями. Заходила одна партия, он ее лечил, следом заходила другая, он лечил её – в общем, это был эдакий лечебный конвейер. К этим баракам, на северную окраину Барнаула, каждый день стекались десятки людей. Сначала Оноре принимал только запойных пьяниц, но потом расширил перечень болезней и стал лечить всех подряд. Так как на расспросы и диагностику у него времени не было, больные сами писали свои диагнозы на листках бумаги и крепили бумажки к спинкам коек. Когда все укладывались, в палату входил доктор Оноре и, переходя от одного посетителя к другому, бесконечно повторял: «Спать, спать, спать». Наверное, он действительно обладал каким-то гипнотическим даром, потому что немало людей засыпало. С другой стороны, люди, ослабленные длительными запоями, наверное, легко поддавались внушению. Пройдя

вдоль ряда коек, доктор разворачивался и шел обратно, читая рукописные диагнозы и «приказывая» болезням отступить, а заснувшим – вылечиться. Если в диагнозе было написано, например, «маюсь животом», он говорил: «живот излечится», если «болит голова» – «голова пройдет» и так далее. В третий раз доктор обходил своих пациентов, приказывая каждому: «просыпайся, просыпайся, просыпайся». В промежутках между переменами партий, как писали газеты, Оноре едва успевал напиться чаю и пообедать. Только за несколько месяцев – с марта по сентябрь – через его амбулаторию прошло 886 алкоголиков (говорили, что до 75% их переставали пить). Всего же он дал в Барнауле более 23 тысяч сеансов, излечивая истерию, неврастению, параличи и другие болезни. А потом Оноре уехал в Санкт-Петербург и открыл там лечебницу. В конце концов, столичные врачи подали на гипнотизера в суд. 12 ноября 1910 года суд Льва Львовича оправдал благодаря ловкости адвоката. Тот доказал, что Оноре исцеляет не гипнозом (лечить гипнозом в России было запрещено без диплома врача), а «внушением наяву», поэтому медицина здесь не причем, и никаких незаконных медицинских действий он не производил.

Что касается, чудодейственных визиток, то он выдавал их с собственноручной подписью в конвертах за отдельную плату. Концерт следовало открыть только в случае возвращения болезни. Журнал «Сибирский наблюдатель» писал: «Был случай, что один больной, получивший такую карточку, выйдя на улицу, не утерпел и, вынув из конверта ее, посмотрел и заснул стоя, собрав этим около себя любопытную толпу. Сон продолжался десять минут, по прошествии которых субъект проснулся и подвергся любопытным расспросам толпы».

Вот такая история о «Чумаке» начала прошлого столетия!

Работая над очередной книгой или статьей, я люблю сам погружаться в атмосферу прошлого и пытаюсь увести за собой будущего читателя. Дать ему почувствовать чужое время, совершить настоящее путешествие из настоящего в минувшее. Узнать как люди обходились без холодильников, как путешествовали по сибирскому тракту? Что им нужно было взять с собой на пароход? За какую цену можно было купить в вокзальном буфере продукты? Каким образом можно заработать денег? Наверное, от этого с течением времени мои книги жанрово менялись. Если «Мифосибирск» ещё был более или менее обычным сборником мифов и легенд, то чем дальше, тем больше я вырабатывал свой, особый жанр (как ни громко это прозвучит). Я в шутку называю этот жанр «документальной мифологией». Несколько

лет назад, сотрудничая с библиотекой имени Л. Н. Толстого, я сочинил для их сайта заметки под названием «Практическое руководство путешественнику во времени». В переработанном виде они тоже вошли в книгу «Тайны Оби и легенды Иртыша». Один из фрагментов – о путешествии по Сибирскому тракту – я вам сейчас зачитаю. «Из двадцать первого века поездка на лошадях по Сибирскому тракту – самой длинной гужевой дороге Евразии – кажется романтичной и полной поэтических впечатлений. Увы, это наивное представление! Не пройдёт и получаса, как ямы и колдобины отобьют нашему современнику все бока. Опытный путешественник прошлых столетий брал с собой подушки, перины и одеяло. Но и это спасало мало: ровные участки тракта были непродолжительны. Нередко, как писали в жалобах пассажиры, их везли через «грязи и болота великие». Зимой дорога становилась почти идеальной, зато приходилось обувать валенки и надевать две шубы: под низ короткий тулуп, а сверху могучую доху до пят. Представьте, что в таком виде придётся провести пару недель, а то и пару месяцев – и вас настоятельно потянет в тепло и уют железнодорожного вагона.

Почтовая станция, где меняют лошадей и можно переночевать, не принесёт спокойного сна и отдыха. Мягких кроватей с чистыми простынями там отродясь не бывало, а спать на лавке или на полу нашему современнику вряд ли понравится. Особенно когда с соседних лавок доносится могучий храп привыкших к неудобствам аборигенов.

Что следует взять с собой в путь? Еду! На станциях кормят, но где-нибудь в глуши можно застрять в ожидании своей очереди на несколько суток. При большом скоплении проезжего народа провизия у хозяев быстро закончится и придётся перебиваться одним кипятком, сожалея, что Момофуко Андо ещё не родился и не изобрел «Доширак». С собой берите вареное мясо, сыр, сухари, сахар, чай – с таким расчётом, что в день вы будете проезжать по десять вёрст и пока доберётесь до конечного пункта пути, могут пройти недели. Да, не забудьте сало! Не для еды: проезжающий обязан предоставить сало для подмазки колёс на станции. И, конечно, обменяйте рубли на старинные деньги – чем больше, тем лучше. За каждый перегон от станции до станции государство с вас возьмёт десять копеек, ямщик – полторы копейки за версту, станционный служитель – по двенадцать копеек за аренду повозки и подмазку колёс».

Если же ты путешествуешь на своих лошадях, то следи за ними пуще глаза, не то «коневые тати» очень скоро приберут их к своим рукам. И это

опять же параллель прошлого с настоящим: тогда уводили лошадей, сегодня угоняют машины. Причем лошадок в Сибири крали в совершенно фантастических количествах. «В 1898 году в Томской губернии было уведено 2157 лошадей в 583 селениях. Это официальная цифра, а неофициальная (когда жертвы не сообщали в полицию) была в несколько раз выше. С помощью полиции отыскивалось не более девяти лошадей из ста. Например, в Балаганском уезде за три года с 1898 по 1901 годы зарегистрировано 4655 украденных лошадей, разыскано и возвращено хозяевам 390». Главный практический совет путешественнику во времени, у которого угнали лошадь – идти в ближайшее село. «Поспрашивайте в ближайшем селе крестьян, они вам обязательно подскажут адресок, по которому сами выкупают лошадок у похитителей. Если вы путешествуете в 1904 – 1905 годах, то я подскажу тоже: отправляйтесь в Минусинский уезд на Канычинскую заимку к гражданину Узунову. Это главный коневай тать Сибири начала прошлого века, Мориарти сибирского разлива. Началось всё с того, что он собрал конкурентов по своему ремеслу и предложил воровать артелью. Образовалась большая шайка из местных народностей: по положению 1822 года о кражах инородцами подлежали ведению Словесной расправы (так назывались инородческие суды) и признавались не уголовными преступлениями, а гражданскими исками. Хотя эти суды и присуждали денежные взыскания в пользу потерпевших, но за отсутствием у инородцев имущества решения эти чаще всего оставались без исполнения.

Помимо конокрадов в подчинении Узунова были также пастухи, укрывавшие в табунах краденых лошадей как «пригульных». Посадить их было невозможно: мало ли откуда приблудилась та или иная кобыла? Ещё были соучастники в кражах, притонодержатели, свои люди в полиции и судах… Все эти нити сибирский Мориарти крепко держал в руках. На Коныченской заимке он лично принимал челобитчиков-потерпевших, выслушивал заявления, брал дары (водку и самогон), определял размер выкупа, брал деньги и указывал место, где можно получить своё движимое имущество назад».

Этот отрывок из книги «Тайны Оби и легенды Иртыша» – очередной пример погружения в прошлое. Но, конечно, я не забыл в ней и собственно о легендах и мифах, просто рассказываю их на фоне конкретной эпохи.

Хочу рассказать немного о своем соавторе – Александре Тихонове. В соавторстве я пишу часто. Когда-то моим первым партнером по написанию крупных произведений стала питерская писательница Оксана Аболина. Мы с

ней сочинили детектив и несколько фантастических повестей, одна из которых издана в издательстве «Свиньин и сыновья» и называется «Подмастерье».

Когда шла подготовка к изданию книги «Мифосибирск. Мифы, тайны, байки и реальные истории о Новосибирске», её редактором выступал Константин Александрович Осеев – замечательный человек и большой знаток истории. Для писателя огромная удача найти хорошего редактора. Константин Александрович (к сожалению, ныне покойный) был человеком уникальным. Во-первых, он обладал широчайшим кругозором и глубокой эрудицией. Вся его квартира была забита книгами! В молодости он поставил себе задачу, которой придерживался долгие годы – прочитывать в день одну книгу. Только представьте себе этот бешеный темп! Во-вторых, память у Осеев была феноменальная. Он помнил историю каждой приобретенной книги, а счёт их шел на тысячи. Конечно, мне доставляло огромное удовольствие с ним работать. Видимо, ему тоже, потому что когда закончилась работа над «Мифосибирском», мы не захотели прерывать интеллектуальное общение и договорились совместно написать цикл книг по истории Новосибирска. Рассчитывали на пять книг, но вышло две: «Город-вестерн» и «Город красного солнца», из которых я особенно люблю последнюю. Но, к сожалению, Константина Александровича не стало, и совместная работа прекратилась.

С Александром Тихоновым мы познакомились на семинаре молодых авторов, организованном журналом «Сибирские огни» в 2019 году, где я вёл секцию публицистики. Александр – автор молодой, но достаточно известный. Он живет в Омске, пишет фантастику и стихи, работает заведующим экскурсионным отделом Исторического парка «Россия – моя история». В декабре 2019 года Тихонов пригласил меня выступить с презентацией моих книг перед омскими читателями. Состоялось несколько встреч и немало знакомств с омичами, мы побывали на местном радио – и везде я встречал удивительно живой интерес к теме истории. И главный вопрос, который звучал на всех встречах, был следующим: почему столицу Сибири сто лет назад перенесли из Омска в Новосибирск? Я совершенно не ожидал, что тема соперничества наших городов жива! Александр целый день водил меня по омским улицам, показывая местные достопримечательности. И я понял, что в старый Омск нельзя не влюбиться. В “Городке нефтяников” – это такой омский микрорайон – мы зашли в пельменную перекусить. И там, за столом под горячие пельмешки, разговор сам собой перешел к теме: а почему бы нам не написать вместе книгу о легендах городов и деревень на

Оби и Иртыше? Книгу-путешествие по разным эпохам. Книгу-баттл омича и новосибирца в форме постов в социальных сетях с комментариями читателей.

Так появилась на свет книга «Тайны Оби и Иртыша». Первый фрагмент книги написал я. Вот он:

“Здравствуй, Саша!

Я на месте. Город Бийск, 1882 год.

Правильно ли я помню условия нашего спора? Ты утверждал (кажется, это было в буфете Омской научной библиотеки), что на самом деле Обь – приток Иртыша, а Омск – столица Сибири? Я с тобой не согласился, и ты решительно предложил: “Пойдём, выйдем!”. И долго водил меня по Омску, показывая достопримечательности. Вот тогда мы и договорились (кажется, это случилось в пельменной Городка нефтяников) устроить краеведческий батл. Ты отправишься в путешествие по Иртышу, а я – по Оби, чтобы выяснить, наконец, какая из рек главнее и чьи легенды интереснее.

Так вот, я на месте. В городе Бийске, примерно в одиннадцати верстах от стрелки Оби. Стрелка – это место слияния двух рек, Бии и Катуни: два потока соединяются вместе, образуя одну из величайших рек мира. Запись открываю для всех – пусть наш спор рассудят читатели. Вчера местный кайчи, играя на топшуре, спел мне заглавную легенду моего путешествия”.

А завершил книгу Тихонов такими словами:

“Стою на берегу Иртыша, в зябких осенних сумерках. Сколько времени прошло с момента нашего пари? Не спора, а именно пари. Часы? Дни? Столетия?

Мы не встретимся в финальной точке пути, потому что финальной точки нет. Вся жизнь – это и есть путь. Сквозь пространство и время. С каждой прочитанной книгой, архивным документом, с каждой заметкой в газете мы всё лучше понимаем этот путь и осмысливаем свою судьбу, судьбы живущих вокруг людей.

Отсюда, из Петропавловска, я направлюсь в Омск. А, может, окольными путями рвану на Алтай, где берёт своё начало Обь, и оттуда пройду твоим путём до Обской губы. Постою там, на берегу, где сейчас

стоишь ты. Или тебя занесёт судьба в Усть-Ишим и Муромцево. Может, в следующий раз мы увидимся в Большеречье, у вольера бегемота Кенига или на бульваре Драверта в Омске. И поймём друг друга с полуслова, ведь оба будем знать, что это бульвар Драверта.

Кажется, мы сделали главное – прошли своими дорогами и продолжаем путь, рассказывая о нём другим – кому, быть может, суждено пройти теми же тропами.

Если вдруг соберёшься в мои края, знай, что я рассказал лишь о малой части существующих легенд, прикоснулся далеко не ко всем тайнам. Например, говорят, что в селе Ингалы есть удивительное озеро. В годы Великой Отечественной войны оно высохло и люди смогли распахать его дно для посадки картофеля. А после Победы вода вернулась. Надо обязательно там побывать. Да, точно, я в Ингалы. До встречи”.

Приложение 4

Станислав Гольдфарб
Занимательные истории из истории Сибири

Иркутский военный генерал-губернатор

Александр Дмитриевич Горемыкин (1832-1904).

Жизнь любого человека увлекательный сюжет, в котором есть все: успехи и неудачи, боль и радость, потери и обретения. Как историк я абсолютно убежден, что жизнь каждого человека должна завершаться его жизнеописанием. Это необходимо для исторической памяти.

Рассказ про А. Д. Горемыкина ведёт нас в мой любимый XIX век, который не перестаёт удивлять открытиями и увлекательными историями. Это по-настоящему золотое время российской истории и человек, о котором я буду рассказывать, принадлежал именно этому времени. Его жизнь и дела пошли на благо государства, способствовали прогрессу. В своём времени он слыл реформатором, прислушивался к общественному мнению и по признанию многих знающих его людей, был очень полезен для огромной Сибири, занимавшей добрую часть Российской империи.

Наш герой – потомок старинного российского дворянского рода – перемещался по служебным делам из Европейский России в Крым, Царство Польское, в приграничную Подолию, Центральную Россию, Сибирь и, наконец, в северную столицу. Его военное звание – генерал от инфантерии – подчеркивает его доблесть и качество служения! Карьера генерала отмечена указами императоров и приказами министров, предписывавшими служить на благо Отечества. Так он и делал, везде служил как человек долга и подолгу – по многу лет. Иркутское генерал-губернаторство Горемыкин принял в

возрасте 57 годков, когда выслуживаться было уже поздновато. К тому времени у него имелся почти весь медальный и орденский набор Российской империи, а за последующие годы он добрал еще несколько знаков отличия высочайшей пробы. Так что, действительно, наш герой был человеком служилым и заслуженным.

Пехотный генерал прошел все ступеньки воинской карьеры, но достойно показал себя и на гражданских должностях. Он имел прекрасное образование, а принадлежность к старинному дворянскому роду сулила карьеру и прекрасное будущее, ибо с детства в нем воспитывалась любовь к царю и отечеству.

На мой взгляд, генерал был реформатором. Конечно, не уровня Сперанского, Аракчеева, Милютина, Витте и прочих известных чиновников минувших столетий. Он не присоединял территории к России, как граф Муравьев-Амурский, не принимал участия в отмене крепостного права, не совершал кругосветных плаваний, поскольку был пехотным командиром. Но! Горемыкин служил в элитных лейб-гвардейских частях, получал образование в кадетском корпусе, а свои военные знания углублял в Николаевской Академии Генерального Штаба. Он командовал дивизией, корпусом, разрешал земельный вопрос в Царстве Польском и возглавлял приграничную губернию, а затем управлял огромным Иркутским генерал-губернаторством, где столько всего умудрился сделать!

Генерал, хотя и не был реформатором в буквальном смысле этого слова, и преобразования совершал не общегосударственного масштаба, но все-таки был заметной фигурой своего времени и чиновником высокого ранга. Все 72 года его жизни и более полувека служения присяге и Отечеству – тому свидетельство. Мне кажется, что генерал Горемыкин – именно тот персонаж российской истории, который дает повод говорить о чиновнике хорошо. Как управленец, он своей ежедневной и многолетней работой достиг уровня, который позволял ему предугадывать государственные потребности всей

страны и конкретной территории. А. Д. Горемыкин заслуживает доброй памяти потомков. Он родился в 1832 году и ушел в мир иной в 1904 году. Соответственно, прожил 72 года жизни и уже более ста лет находится в забытьи. Это первая биография генерала, первый наиболее полный рассказ о его жизни и деятельности.

Генерал от инфантерии, Горемыкин именовался «Ваше высокопревосходительство». Такое обращение соответствовало статусу очень высокого ранга в российской управленческой иерархии. Александр Дмитриевич был из разряда карьерных генералов, стало быть, все чины, должности, звания и награды он получал за службу в императорской армии либо выполняя конкретные дела и поручения других военных начальников.

Стоит отметить, что в момент присвоения ему генеральского звания в 1867 году, во всей России их насчитывалось не так уж и много. Скажем, в 1864 году во всей огромной империи служило 351 генералов, а в 1874 – 594. Так что, надев в 35 лет генеральские эполеты, Горемыкин вполне мог считать себя избранным.

В имперской России в конце XIX – начале XX в. губерниями и областями руководили генерал-губернаторы и губернаторы. Первые управляли сразу несколькими территориями, и их еще называли «начальник края». Многие из них в недалеком прошлом занимали высокие посты в императорской армии или состояли на гражданской службе. Не секрет, что российское офицерство во все времена исправно поставляло своих представителей во власть, в том числе и для занятия гражданских должностей. Этому способствовало прекрасное образование, которое давали военные образовательные учреждения. И, конечно же, большой жизненный опыт.

Генерал-губернаторы занимались самыми разнообразными делами: строили флоты и поднимали города, творили большую политику с соседями,

осваивали морские пути, обустраивали территории, участвовали в общественной жизни, содействовали развитию культуры и образованию – открывали гимназии, училища, театры. И тем самым они входили в отечественную, а нередко и мировую историю. В исторической памяти можно было остаться и по-иному. Ведь попадались и те, кто главным образом жил для себя, нередко путая казну и собственный карман…

Оценивать деятельность руководителя в системе самодержавной власти крайне затруднительно. Сочинений, описывающих жизнь и деятельность чиновника даже высокого уровня «по горячим следам», крайне мало. Личного архива А.Д.Горемыкина нет. Оценочных суждений современников осталось не так уж и много. Личная переписка, рассеянная по различным архивам, не была активной. Генерал не оставил мемуаров, поскольку был не склонен к сочинительству. Семейный архив также не сложился, так как этому не способствовали частые переезды, а родные и близкие не отличались собиранием документов. Жаль, конечно, потому что история такой знатной семьи, истоки которой находятся в средневековой России, могла бы стать интересной и поучительной

Так что, говоря военным языком, начальная диспозиция нашего рассказа не такая уж и выгодная. Генерал возглавлял территорию, равную доброй половине государства, а деятельность его не изучена, биография не написана, историческая память едва теплится. И, что самое плохое, почти так же обстоят дела с биографиями большинства сибирских губернаторов, а значит и историями тех людей, которые помогали им управлять городами и весями, которые сами участвовали в выработке традиций, закладывали фундаменты будущих дел или, наоборот, препятствовали прогрессу.

За редким исключением, губернаторы и генерал-губернаторы были не столько политиками, сколько универсальными «хозяйственниками». Они должны были разбираться в работе волостного правления, мирового судьи, агрономическом календаре, ведении казначейских счетов, землеустройстве и

тому подобных реалиях. Как начальник края, губернатор отвечал за все, что происходило на вверенной ему территории!

Частенько Горемыкин действовал по-военному, выбирая наиболее короткий путь от задачи до цели. В мирной жизни «по военному» – не всегда значит «хорошо», поэтому какие-то его действия вызывали у окружающих протест и неприятие. Но история все расставляет по своим местам: плохо или хорошо получилось в итоге для всеобщего блага, и можно ли было поступить тогда по-другому. Например, так случилось с выбором направления железнодорожного пути Средне-Сибирской железной дороги, когда оказалось, что железная колея может пройти мимо Иркутска по северному маршруту Так было с привлечением к железнодорожным работам арестантов, так случилось с реформой землеустроения и с рядом других крупных преобразований в Иркутском генерал-губернаторстве.

Имея опыт работы в команде реформаторов российского масштаба, Горемыкин впоследствии инициировал многочисленные проекты реформ. И в этом смысле генерал был очень эффективным и успешным руководителем. Он молниеносно организовал и в короткий срок завершил строительство жемчужины российской архитектуры – Иркутского драматического театра, как он способствовал принятию важнейших изменений в лесном законодательстве, начав создавать для спасения лесов казенные заказники, открыл в губернском центре Промышленное училище, будучи уверенным, что оно поспособствует созданию корпуса инженерных кадров в крае. Горемыкин инициировал целый ряд крупнейших, я бы сказал – эпохальных для своего времени научно-исследовательских экспедиций для изучения «вверенного» ему края. Это Сибиряковская экспедиция в Якутии, изучение в сельскохозяйственном отношении Иркутской и Енисейской губерний, гидрографическое изучение Байкала и т.д.

Александр Дмитриевич родился 16 января 1832 года в Санкт-Петербурге в царствование императора Николая I. Служить он начинал при

Николае I, первым губернаторским постом овладевал в Подолии при Александре II, основную часть карьеры сделал при Александре III, а в историю вошел уже при последнем Романове – Николае II. Так что послужил четырем царям.

Он был классическим монархистом, безоглядно веровал и следовал той идее, что служить Отечеству и служить государю – одно и то же. И служение это было для него жизненным стержнем.

Трудно сказать, какая эпоха однозначно сформировала его взгляды и основные жизненные постулаты. Николаевское время составило более двух десятилетий его жизни. С 1844 года по 1855 он начинал кадетом и закончил участником Крымской войны, в звании поручика. Ему исполнилось 23 года и за плечами уже были годы самостоятельной жизни, казарменный быт, полковая реальность.

При царе-освободителе Александре II, он состоялся как военный командир. За плечами были Николаевская академия генштаба, командование Одесским округом, дивизией, армейским корпусом. Горемыкин работал в Царстве Польском, где возглавлял Варшавскую и Пултусскую комиссии по крестьянским делам, и несколько лет он управлял Подольской губерний в качестве губернатора. Этот период завершился в 1881 году, когда Александр II погиб после покушения террористов. Горемыкину тогда исполнилось 49 лет, он стал генерал-лейтенантом, командующим 6-м армейским корпусом. У него был отличный послужной список, ордена, медали и знаки отличия. Сложилась большая семья: жена, два сына и дочь, племянницы...

При царе-миротворце Александре III в 1889 г. он получает назначение на должность Иркутского военного генерал-губернатора. Теперь он генерал от инфантерии, входит в высший эшелон власти. Ему 57 лет, он прекрасно ориентируется во внутренней политике, активно передвигается по огромной территории края, проводит многочисленные реформы. Судя по фактам,

император благоволит к нему, хвалит, оставляет на высочайших отчетах Горемыкина оценочные пометки, главным образом соглашаясь с тем, что докладывает ему генерал-губернатор.

При Николае II он продолжает служить в Сибири и становится членом Государственного Совета в 1900 году в возрасте 68 лет.

Эта первая биография А.Д.Горемыкина наверняка не лишена пробелов и недосказанностей в силу отсутствия источников. Но радует, что отныне имя его будет вспоминаться чаще, как имя честного и эффективного чиновника, как офицера влюбленного в армию, как патриота своей Родины, как человека, который радел за интересы Сибири.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СЕМЬЯ

Происхождение всегда имеет значение для биографии. Здесь можно искать поведенческие истоки, нравственные и моральные скрепы, одним словом, все, что укладывается в понятие – традиции. Принадлежность к дворянству, заслуги предков перед отечеством никогда не были пустым звуком. Вместе с личной карьерой, образованием, опытом они являются важными характеристиками личности.

Александр Дмитриевич Горемыкин происходил из старинного русского дворянского рода. Считается, что предком его был Никита Афанасьевич Горемыкин, владелец поместья в Бежецкой пятине в 1652 г. Из этого же рода вышел и Иван Логинович Горемыкин, российский государственный деятель, министр внутренних дел и член Госсовета.

Отец, Дмитрий Иванович Горемыкин – дворянин и уроженец Новгородской губернии (утвержден в дворянстве 18.02.1815). Родился 19 января 1804 г. и скончался 14 марта 1868 г. в Санкт-Петербурге. К 1845 году он дослужился до чина подполковника Корпуса жандармов.

Мать, Варвара Николаевна Горемыкина (в девичестве Судовщикова), родилась 17 января 1812 г. и скончалась 20 апреля 1873 года в Санкт-Петербурге. Она происходила из купеческого сословия и была выдана замуж совсем еще молодой девушкой. Первенец появился на свет, когда ей было всего 16 лет, второй ребенок появился у нее в 18 лет, и третий – Александр – в 20 лет. Многодетная семья жила не богато, поскольку столичный город был знаменит дороговизной во всем. С учетом звания и должности супруга, жандармского подполковника, средств было не много. Недвижимости у супругов не было и можно предположить, что им помогали близкие родственники.

Варвара Николаевна стала вдовой в 54 года. На тот момент все ее сыновья примерно служили и имели хорошие перспективы. Старший Иван (16.9.1828-18.1.1884) дослужился до звания полковника артиллерии, средний Николай (13.5.1830 -20.3.1898) сделал чиновничью карьеру. Он служил в III отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии чиновником особых поручений 4 класса при ст.секретаре у принятия прошений на высшее имя приносимых, вышел в отставку в чине Действительного статского советника. Карьера младшего, Александра, шла в гору. Продолжая семейные традиции, он пошел по военной стезе. К тому же, у многодетного семейства была возможность отдать мальчика в хорошее военное учебное заведение, где он получал образование за казенный счет.

Никаких мемуарных источников А.Д.Горемыкин и члены его семьи не оставили, поэтому можно только предполагать, каким было его детство, когда закладывались основы характера и миропонимания. В письме А.А.Корнилову от 16 декабря 1901 г. Горемыкин с огорчением писал: «Как живется Вам и Вашей семье? Искренне желаю, чтобы душевное спокойствие и плодотворность мысли не оставляли Вас никогда. У себя я часто этого не вижу; да к тому же нервность одолевает: какое-то беспокойство, не то чтобы безпричинное, а так, из пустяков. Старею, значит в детство перехожу; а

детство то было тяжелое: много выдержанно и все при впечатлительной натуре…» (ГА РФ. Ф.5102. ОП.1. Д.523. Л.9 об).

Вполне возможно, что учеба в кадетском корпусе, связанная с отъездом из семьи, редкие встречи с родными и близкими оставили в памяти подростка не самые радостные воспоминания.

Александр Дмитриевич Горемыкин был женат на Елене Дмитриевне Замыцкой. Их роднило военное прошлое отцов – Елена Дмитриевна Замыцкая была дочерью Дмитрия Петровича Замыцкого, адмирала русского императорского флота. Замыцкие также принадлежали старинному дворянскому роду, считались потомками выходца из «немцев» Радши (Ратши). Елена Дмитриевна всегда была рядом с мужем. И на новое место службы в Сибирь она приехала вместе с супругом. О деятельности ее в Иркутске известно мало. По заведенному обычаю, как жена начальника края, она курировала учреждения, входившие в состав ведомства Императрицы Марии. В Иркутске это был Девичий институт или как его еще нередко называли – Иркутский институт благородных девиц. На ней лежала обязанность следить за физическим и нравственным воспитанием учениц знаменитого на всю Сибирь учебного заведения. Елена Дмитриевна, сама мать троих детей, старалась активно участвовать в жизни учебного заведения. Факты свидетельствуют о том, что она способствовала улучшению материального положения учебного заведения. Благодаря ее активному участию известный меценат и предприниматель, Потомственный Почетный гражданин Немчинов пожертвовал институту благородных девиц дачу близ Иркутска, которая использовалась как помещение для воспитанниц, как загородная резиденция для их отдыха и экскурсий.

Дочь Горемыкиных, Аделаида (11.04.1872 – после 1904), вышла замуж за Андрея Евгеньевича Пфафиуса, который служил делопроизводителем в канцелярии А.Д.Горемыкина и имел к 1899 г. чин надворного советника. Позднее он уехал в столицу, где занял должность старшего чиновника

императорской Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя. Судьба остальных детей Горемыкиных представляется пока лишь в общих чертах. Александр Александрович Горемыкин (12.02.1859 – 3.05.1913) учился в Александровском лицее. В числе десяти выпускников 1883 года (39 выпуск) он закончил обучение с серебряной медалью. В конце XIX в. мы видим его в качестве товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. О младшем сыне Владимире (25.07.1877 – после 1902) сведений пока не найдено. Известно только, что он учился в престижном учебном заведении, был прилежным учеником и талантливым человеком.

Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус

В царствование императора Николая I был составлен проект создания губернских кадетских корпусов. Такие учебные заведения давали как общие знания, так и специальные в области военного дела, воспитывали у кадетов навыки, которые позволяли бы в дальнейшем продолжать военное образование. Первоначально кадетские корпуса предполагалось открыть в Новгороде, Полоцке, Полтаве, Туле, Тамбове, Елисаветграде. В итоге кадетов приняли три корпуса, в их числе особенный – Новгородский. Проект этого заведения был составлен в 1830 году по указанию Николая I.

Граф Аракчеев лично участвовал в создании кадетского корпуса. Он внес в казну 300 000 рублей «на вечные времена», чтобы на проценты от капитала здесь могли учиться дети дворян Новгородской и Тверской губерний. В конце марта Алексей Андреевич открывал корпус, а спустя месяц скончался. По завещанию все его состояние поступило в пользу Новгородского кадетского корпуса. 6 мая 1834 года Высочайшим указом учебное заведение получило именную приставку и вошло в историю как Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус.

«Без лести предан» – эти слова, высеченные по приказу Аракчеева на здании дворца его имения в Грузине, стали девизом для кадет корпуса.

Как отпрыск знатной военной фамилии, А.Д.Горемыкин получил начальное образование именно в стенах Новгородского графа Аракчеева кадетском корпусе. Наши представления о том, в какой среде учился А.Д.Горемыкин, дополняют воспоминания выпускников. В них можно найти ностальгические свидетельства о дружбе и товариществе. Один из выпускников Ю. Доморацкий писал: «… товарищеский дух был силен, фискалов не терпели, презирали, били их. Претерпеть хотя бы даже и розги за товарища ничего не значило». Другой выпускник А.Спиридович вспоминал: «Товарищество сплачивало класс. Можно было быть умным или глупым, прилежным или лентяем, храбрым или трусоватым, но нельзя было быть плохим товарищем. Решение класса являлось обязательным для каждого кадета». А эти слова из писем кадета И. Г. говорят сами за себя: «Могу ли не благодарить Бога за то, что почти дитятей попал в добрые руки воспитателей Новгородского корпуса, укоренивших в нас нравственные начала. Мир Вам – незабвенные. Буду помнить вас до конца моей жизни. Вас нет на свете, но деяния и труды Ваши Бог видел вьяве, и я свидетельствую о них. Пусть время рушит старину, но оно не разрушит сделанного нашими наставниками и учителями. А ты, колыбель нового воспитания, Новгородский корпус, приют родной, где судьба лелеяла меня, – да будет во мне свята память о тебе. Воспоминание о тебе вызывает во мне гордость именоваться новгородским кадетом».

Кадетское воспитание было разносторонним. Много внимания уделялось физическому состоянию будущего военного: здесь занимались фехтованием, гимнастикой, а кроме строевых уроков, учили танцевать. Естественно-научные дисциплины, словесность были поставлены на высокий уровень.

Все время кадета было расписано. Есть программа, которая составлялась в штабе главного начальника военных учебных заведений российской империи и использовалась примерно в это же время в Полоцком кадетском

корпусе в 1835 г. Итак, распорядок дня кадета был таков: «Подъем в 6 часов утра. До 7 часов туалет, молитва и завтрак. С 7 до 8 кадеты повторяли уроки, а с 8 до 11 находились на занятиях в классах с перерывом в четверть часа для прогулки. С 11 до 13 часов кадеты занимались «фронтом», гимнастикой, фехтованием, танцами и пением. В час дня воспитанники обедали, после чего до трех часов отдыхали. С 15 до 18 часов кадеты снова садились за парты, а затем до 20 занимались подготовкой уроков. В 20 вечера учащиеся ужинали и после вечерней прогулки и туалета в 21.30 ложились спать».

За военной подготовкой кадетов лично наблюдал Николай I. При посещении кадетских корпусов император всегда обращал внимание на выправку воспитанников, умение ходить в строю и выполнять ружейные приемы.

Особое место в кадетских корпусах отводилось религии. Согласно «Наставлению», воспитание в военных учебных заведениях основывалось исключительно на «любви к Богу, на благоговении к постановлениям святой Его Церкви, на сыновьей преданности Престолу, на бескорыстной любви к Отечеству...». По указанию главного начальника во всех кадетских корпусах необходимо было «подчинить все умственное образование одному общему началу, началу нравственному». Этому должна была способствовать религия. Она ставилась во главе учебного и воспитательного процесса. Чтобы укрепить нравственные начала в кадетских корпусах любое дело начиналось с молитвы. При этом были введены специальные молитвы об императоре, царской фамилии, о христианах и т. п. В дни церковных праздников кадетов водили в церковь.

А.Д.Горемыкин стал кадетом в 1844 году, в двенадцать лет, а в 1852 году он закончил обучение и выпустился поручиком в Кексгольмский гренадерский лейб-гвардии полк. С этого момента его военная карьера стала тесным образом связана с лейб-гвардией, элитными полками, снискавшими себе славу на полях сражений.

Кексгольмский лейб-гвардии гренадерский полк

В 1812 году в русской армии насчитывалось 14 гренадерских полков. С октября 1814 года к ним присоединяется Кексгольмский, который дислоцировался в Польше, в Варшаве. Впоследствии и сам Горемыкин будет тесно связан с Польшей по делам службы.

Славная история полка начиналась в петровские времена в 1709-1710 гг., когда он был сформирован из гренадерских рот Санкт-Петербургского, Владимирского, Выборгского, Троицкого, Смоленского, Галицкого, Пермского, Азовского, Орловского и Чемеского пехотных полков. Полк отличился в Персидском походе Петра I при занятии Дербента (1722) и взятии Баку (1723).

Во время Семилетней войны 1756-1763 гг. Кексгольмский лейб-гвардейский гренадерский полк участвовал в целом ряде сражений, в том числе взятии Берлина, а также в знаменитом Чесменском морском бою 1770 г., русско-шведских сражениях 1741-1809 гг.

Полк проявил исключительную храбрость во время Отечественной войны 1812 г. Именно он отбивал атаки французской кавалерии на батарею Раевского в Бородинской битве, и после нескольких лет боевых подвигов успешно вступил в Париж. Добавим, что полк участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в том числе в сражении под Плевной. И, наконец, в 1894 г. за боевые заслуги полку были пожалованы права Старой гвардии и к имени присоединен титул лейб-гвардии.

В разные годы в полку служили известные в различных отраслях люди – доктор медицины, военный врач Я.И.Говоров, разведчик и путешественник генерал-лейтенант Б.Л.Громбчевский, Ю.П.Лермонтов, отец великого поэта и другие.

В Кексгольмский лейб-гвардии гренадерский полк А.Д. Горемыкин был определен 13 августа 1852 г. А уже 20 августа поручик, совсем еще молодой выпускник кадетского корпуса, отправился к месту службы. До расположения полка он добирался чуть больше двух недель и 2 сентября уже был в строю. Горемыкин участвовал в Крымской компании, защищая с товарищами по оружию Эстляндское побережье от союзных войск. В Кексгольмском лейб-гвардии гренадерском полку А.Д.Горемыкин прослужил два года. Получил звание подпоручика лейб-гвардии и продолжал службу до 28 октября 1854 году, когда был откомандирован в расположение Егерского лейб-гвардии полка. Офицеру Горемыкину исполнилось 22 года.

Егерский лейб-гвардии полк

22 ноября 1854 года А.Д.Горемыкин поступил в Егерский лейб-гвардии полк. «Егерь» в переводе с немецкого – «охотник», «стрелок». Егерские формирования считались очень эффективными тогда, когда военные баталии развертывались на пересеченной местности, когда были необходимы меткие стрелки и маневренные действия. «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, – говорил Суворов, – а стреляют егеря».

Отсчет своей истории Егерский полк начинает в 1792 году, он создавался цесаревичем Павлом I. В 1800 году командиром Егерского полка стал будущий герой войны 1812 г. князь П.И.Багратион. Полк был расквартирован в Санкт-Петербурге, так что молодой офицер Горемыкин оказался в городе, где родился, где служил отец и жили его родители.

Военный путь Егерского полка овеян легендами, он участвовал в знаменитых сражениях под Аустерлицем, Фридландом; в экспедициях на Аландские острова в составе корпуса генерал-лейтенанта князя Багратиона. Было Бородино, Кульм… В качестве знаков отличия Егерский полк имел Андреевскую юбилейную ленту, на которой две георгиевские трубы с

надписью «За отличие, оказанное в сражении при Кульме 17 августа 1813 г.», и знаки на головные уборы за победы 12 октября 1877 г.

В числе известных людей, служивших в полку, был популярный в XIX веке композитор и капельмейстер И. И. Армсгеймер, поэт Е. А. Баратынский, герой Отечественной войны 1812 г. Н. И. Кривцев и многие другие.

Конечно, военная карьера у всех складывается по-разному. И в целом офицерская карьера может сложиться успешно или неудачно в любом полку, дивизии, корпусе в зависимости от многих обстоятельств. Но совершенно точно, что элитная гвардия давала больше возможностей талантливому в военном деле человеку проявить себя и добиться признания командиров. В этом смысле Горемыкину везло: он проходил службу в лучших российских войсках, а отличные знания, склонность к военным наукам и прекрасное образование позволяли ему надеяться на быстрый рост. На новой службе он был совсем недолго. 25 августа 1855 года в возрасте 23 лет он стал слушателем Николаевской Военной Академии генерального Штаба.

Николаевская академия Генерального штаба

Безупречная военная служба А. Д. Горемыкина стала хорошей рекомендаций для его поступления в Николаевскую академию Генерального штаба – высшее военное учебное заведения Российской империи. Это престижное высшее военное учебное заведение было основано на базе училища колонновожатых по проекту генерал-адъютанта барона Жомини «для образования офицеров и для вящего распространения знаний в армии». Учеба в Николаевской академии Генерального штаба вписывалась в систему ценностей А.Д. Горемыкина, который любил учиться и понимал значение успешной учебы. Она открывала путь к служебным преимуществам, и служила положительной рекомендацией для карьерного роста.

Горемыкин выпустился из академии 11 декабря 1857 году по 1 разряду, что давало возможность получить следующий чин. После окончания академии его причисляют к Генеральному штабу, местом службы определяют штаб Кавказской армии. Но на Кавказ он не попал, потому что получил новое назначение – в Отдельный Гренадерский корпус. 17 января 1858 года Александр Горемыкин произведен в штабс-капитаны за успехи в науках. Ему шел 26 год…

В 1859 г. Горемыкин был назначен старшим адъютантом Генерального штаба в штабе Отдельного Гренадерского корпуса. А еще через два года получил новую должность – штаб-офицер для исполнении поручений по части Генерального штаба и новое звание – подполковника. Ему шел 29 год…

В 1862 году А. Д. Горемыкин уже дежурный штаб-офицер для поручений по части Генерального штаба в штабе Гренадерского корпуса. Он делал довольно успешную и быструю карьеру в элитных войсках российской императорской армии и к 32 годам был причислен к Инспекторскому департаменту Военного министерства. Инспекторский департамент занимался укомплектованием войск, учетом их численности, надзором за благоустройством войск. Директор департамента именовался дежурным генералом Главного штаба Его Величества.

С 1864 года в военной карьере Горемыкина наступает небольшой перерыв. Он не уходит в отставку, но и не служит в регулярных войсках. 13 марта 1864 года его командируют в распоряжение наместника Царства Польского, где вместе с рядом известных военных и гражданских специалистов занимается крестьянскими делами. Череда восстаний в Польше требовала от российского правительства практических шагов и реформ. В самой России произошло тогда эпохальное событие – отмена крепостного плана. В Польше также искали варианты реформы землевладения. Волнения в Царстве Польском и проблемы с управлением подтолкнули Александра II

вновь воспользоваться опытом и знаниями Н.А.Милютина, который считался душой крестьянских реформ в России и одним из главных деятелей реформы отмены крепостного права. Милютину было поручено заняться "польским вопросом", в котором важную роль играло разрешение крестьянской проблемы.

Для проведения аграрных реформ в Царстве Польском был Учредительный комитет. Исполнительными органами его стали комиссии по крестьянским делам, одну из которых – Варшавскую комиссию – возглавил молодой полковник А.Д.Горемыкин. Работа первых крестьянских деятелей была трудной. Восприняв от Милютина дух миссионерства, несмотря на техническую трудность дела и на тяжелые условия, в которых пришлось работать, они с честью выполнили свою задачу. Первые комиссары в еще неуспокоенном после вооруженного восстания крае проявили спартанское равнодушие к опасностям и удобствам жизни.

С Царством Польским у Горемыкина, кроме работы в Учредительном комитете и крестьянских комиссиях, были связаны и другие воспоминания. Он был членом комиссии для составления правил о продаже казенных имуществ и наделе безземельных крестьян в Польше и, наконец, он был командирован для осмотров рудников и горных заводов восточного и западного округов Царства Польского. В 1865 году Александр Дмитриевич возглавил Пултусскую комиссию по крестьянским делам.

В письме к известному историку и общественному деятелю А. А. Корнилову от 3 января 1904 г., за несколько месяцев до своего ухода А. Д. Горемыкин вспоминал о своей работе в Царстве Польском. Он получил от своего бывшего подчиненного экземпляр статьи о первоначальном ходе крестьянской реформы в Царстве Польском и на него, как на непосредственного участника тех событий, нахлынули воспоминания. «Я был не только (неясное слово) ответственный свидетель этой реформы, но и деятель по крестьянскому делу в Польше, а затем по исправлению уставных

грамот и выкупных актов, смастерованных Польскими мировыми посредниками в Подольской губернии. Я лично знал или служебно соприкасался со многими корифеями этих реформ в России и Польше; а между тем мне напоминают многое…» (ГА РФ. Ф.5102. ОП.1. Д.523. Л.13 - 13 об.).

В 1866 году Горемыкина назначили Подольским губернатором.

Подольское губернаторство

Земли Подольской губернии – приграничные. Испокон веков здесь были замешаны интересы Польши, Литвы и России. Вначале Литва отняла их у татар и присоединила к себе, затем поляки прибрали Подолию, образовав несколько воеводств, в том числе Подольское. В 1793 г. эта территория была возвращена российской короной и с 1796 г. в России появилось новая, Каменец-Подольская губерния. Это случилось при императоре Павле I. К началу XX в. Подольская губерния объединяла 12 уездов, 154 волости,17 городов и 7261 поселений. Кроме Подольска в губернию входили города Винница, Брацлав, Могилев. В 1877 г. в Подольской губернии насчитывалось свыше 3 миллионов человек населения. Губерния была сложной во всех отношениях: приграничная территория, многонациональная и многоконфессиональная. Губерния была аграрной с преобладанием помещичьего землевладения. Во второй половине XIX века здесь стало развиваться железнодорожное строительство

Сменивший на посту Подольского губернатора генерал-майора Н.Н.Сухотина, полковник Горемыкин был повышен в звании и тоже стал генерал-майором. Подольским губернатором он прослужил до 5 октября 1869 г. В одном из писем своему бывшему сослуживцу, историку А.А.Корнилову, А.Д.Горемыкин упоминал, сколь много приходилось исправлять в Подольской губернии по части крестьянского дела. Это и понятно – бывшие польские территории, вошедшие в состав губернии, мало чем отличались в

этом смысле от других земель Царства польского. Знание и опыт успешной деятельности Горемыкина на посту председателя Варшавской и пултусской комиссий по крестьянским делам пригодились тогда 34 летнему губернатору.

В Одессе

В книге одесского автора Р. А. Шувалова "Преданы вечному забвению" упоминается район так называемого "Горемыкинского укрепления". Это открытое с тыла полевое укрепление, состоящее из боковых валов и рва впереди. «В настоящее время этому объекту соответствует искусственная земляная насыпь в виде полукруга высотой около 4-х метров в центральной части, постепенно понижающаяся к краям. В свое время это сооружение служило для военно-учебных занятий по отработке взятия крепостей. Создали ее по распоряжению генерала Горемыкина А. Д., служившего в Одессе до 1890 года командиром 15-й стрелковой дивизии».

Судя по всему, строительство Горемыкин затеял для тренировок своих пехотинцев. Разумеется, автор книги допустил неточность, потому что в 1889 году Горемыкин уже был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири.

15 пехотную дивизию, которая входила в 8 армейский корпус, Горемыкин возглавил 30 августа 1879 г. Он командовал ей до 9 апреля 1889 г. Именно в одесский период семья генерала увеличилась. Родились Аделаида и Владимир. И именно из Одессы он отправился управлять Иркутским генерал-губернаторством. Похоже, военное и гражданское начальство положительно оценили его командование большим войсковым подразделением.

Иркутское генерал-губернаторство

Иркутское генерал-губернаторство было тогда одной из самых больших российских провинций, включавшей огромные пространства Восточной

Сибири и Дальнего Востока. В 1889 г. оно состояло из трех частей – Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области.

Сколько овеянных легендами и преданиями мест было здесь в прошлом и есть в настоящем! Всемирно известная «златокипящая» Мангазея, Илимская пашня, торговая Кяхта, пушные байкальские и ленские промыслы, долгое время составляющие основу валютной выручки империи, а также золотые прииски Енисейской и Бодайбинской тайги…

Территории в составе Иркутского генерал-губернаторства включали в себя огромные водные ресурсы: озера и исторические реки, имевшие выходы к северным морям и океанам. Прекрасные черноземные земли, пустыни и степи, тундра и земли, где царила вечная мерзлота – все имелось в этой части России и ждало часа, когда природные богатства смогут быть поставлены на службу России. Основную часть населения генерал-губернаторства составляло русское крестьянство. Далее по численности шли коренные этносы – буряты, якуты, тунгусы, киргизы, татары и другие народы.

В те годы, когда А.Д. Горемыкин заступал на свой пост, а через десять с лишним лет покидал его, в публичный обиход еще не вошло понятие демографическая политика. Это потом успешность управленцев стали оценивать приростом населения, а пока она оставалась уделом редких специалистов. При Горемыкине население росло. Когда данные переписи 1897 года обработали, то оказалось что в крае проживало 1 330 412 душ обоего пола. В 1900 году, к тому моменту, когда генерал-губернатор покидал край, население составляло 1 434 575 человек.

Иркутское генерал-губернаторство в конце XIX – начале XX было сельскохозяйственной провинцией. За исключением части коренного населения, которое занималось традиционными промыслами: охотой и рыболовством, большинство населения сеяло хлеб, овощные культуры,

занималось скотоводством и птицеводством. Крупной фабрично-заводской промышленности почти не было. Наиболее крупные предприятия мы видим в области организации пароходств, золотодобыче, металлургии. Достаточно широко были развиты кустарная промышленность и ремесленное производство.

Как и в других провинциях России, к концу XIX в. здесь сложилась не эффективная налоговая система, а различный уровень материального положения плательщиков приводил к постоянным недоимкам и конфликтам.

Основными налогами были окладные сборы, губернские и частные земские сборы. Кроме того, на обывателей относили губернские денежные повинности: на содержание дорог и мостов, перевозов, на повёрстные чиновникам по строительной части, на содержание воинских помещений в городах. Имелись повинности по содержанию тюремных помещений, на устройство дорожных аптек, на жалованье оспопрививателям.

К натуральным повинностям относились караулы при церквах и экономических магазинах, наём при волостных и сельских управлениях десятников, приготовление леса для церквей, общественных зданий, тюрем, богаделен, содержание ледников. А еще поимка и сопровождение беглых, а также пересыльных партий. Людские ресурсы требовались при борьбе с пожарами, при сопровождении караванов с золотом, межевании земель. В целом налоговая нагрузка на общество в целом и на конкретного обывателя в России всегда была сложной и ощутимой.

Кроме этих налогов имелись еще акцизные сборы с вина, водки и пива, акциз на попудную плату за соль, а также патентный сбор, проданное имущество и штрафной сбор, табачные свидетельства. Эти так называемые косвенные налоги также падали на население. Немало проблем приносила воинская повинность, ведь за новобранцев платило общество. И, наконец, квартирная повинность.

Поскольку сельское население составляло большинство, то оно и было основным плательщиком налогов и исполнителем натуральных повинностей. Городской обыватель также был обложен различными налогами, но их объем был значительно меньше.

Вот почему сибирское общество было заинтересовано в проведении реформ в области управления. Введение земства в Сибири, по мнению власти и общественных деятелей, помогло бы в части перевода многих натуральных повинностей в денежные.

Одно время бытовало мнение, что Сибирь XIX в. являлась чуть ли не самой отсталой частью России. Разумеется, в разных областях дело обстояло по-разному. В данном случае нас интересует последняя четверть XIX века, когда к управлению территории приступил А.Д.Горемыкин.

Для всей Сибири это был период подъема общественно-политической и социально-экономической жизни. С одной стороны, этому способствовало отсутствие войн, позволившее государству сосредоточиться на внутренних проблемах. С другой стороны, в это время капитализм стал мощным двигателем экономического прогресса. Капитал торил себе дорогу новыми заводами, дорогами, Транссибом, морскими портами на Дальнем Востоке, новыми городами и законами.

В период правления императора Александра III для успешного проведения реформ потребовались знания о территориях, прогнозы и статистические данные. Необходимо было дать оценку человеческим, экономическим, финансовым, природным ресурсам той или территории. Иркутское генерал-губернаторство не было исключением: в конце XIX века – здесь работали выдающиеся ученые, в неизведанные земли уходили экспедиции, изучавшие реки и озера, горные массивы, открывавшие уникальные месторождения полезных ископаемых. Центром притяжения ученых стал Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

Знания позволили местной администрации приступить к практическим реформам в области управления, права, землеустройства и т.д.

Естественнонаучным знаниям сопутствовал культурный рост. Открывались театры, музеи, создавались целые системы учебных заведений. Появились научные учреждения и постепенно сформировались исследовательские школы.

В Иркутском генерал-губернаторстве были сконцентрированы значительнее культурные, образовательные, просветительские ресурсы. Данные статистики свидетельствуют, что при всем своем немногочисленном населении в сравнении с громадной площадью, несмотря на отдаленность от центров науки и постоянную нехватку квалифицированных кадров, Сибирь обладала достаточно сильным и стабильным научным, интеллектуальным, образовательным потенциалом.

В большинстве городов Сибири были созданы различного рода организации содействия образованию, цель которых сводилась к поддержке и помощи сибирякам, обучающимся в высших учебных заведениях. «Общество вспомоществования учащимся» имело филиалы в Енисейской, Иркутской, Томской губерниях, в Москве и Петербурге.

Система образования в Сибири мало чем отличалась от общероссийских стандартов. Но кроме положительных примеров, имелось немало и отрицательных. В неудовлетворительном состоянии находилось образование в сельской местности, национальных районах Сибири. Не хватало учителей, средств на содержание учебных заведений. Только благодаря усилиям меценатов и жертвователей были достигнуты значительные успехи. В Сибири имелись сеть библиотек, статистические отделы при каждом губернском управлении, отделения Русского географического общества. Заметим, что в Иркутске первая публичная библиотека появилась в 1781 г.

Только в 1830 г. Вольно-экономическое общество» выступило с планом устройства библиотек в России.

Кроме публичных библиотек, существовало большое число частных собраний. П. А. Кропоткин восторженно писал: «Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека! Очень порядочная в журнальном отношении. Здесь получается до 50 журналов и газет. Приходите в комнату и читайте, откуда берутся журналы и книги для чтения; там есть читальня с платою 10 копеек за вход. Тоже народа довольно» (Дневник П.А.Кропоткина. М. 1923. С.44).

Стоит вспомнить известную библиотеку красноярского купца Г. В. Юдина. Славились в Сибири и за ее пределами книжные коллекции Баснина, Романова, Попова и др. В 1873 г. в Иркутске открылся первый книжный магазин П. И. Макушина. Библиотеку при нем ежедневно посещало от 100 до 200 человек. Другой пропагандист М. И. Пашин, вошел в историю Сибири как организатор публичных чтений для народа. Замечательные библиотеки существовали при музеях, отделах и подотделах РГО. Значительный книжный фонд отложился в Девичьем институте в Иркутске, Иркутской учительской семинарии.

Потребность в книге испытывали жители самых отдаленных уголков Сибири. «Восточное обозрение» приводило такой факт. В 1888 г. в течение трех месяцев было распространено 3358 экземпляров книг. В статье «Помощь народному просвещению» неизвестный автор передовой статьи отмечал: «Немало подобных фактов и у нас в Сибири. Мы знаем, с какой охотой крестьяне брали книги из библиотек, завезенных при помощи друзей народной школы одним крестьянским чиновником в Илимском районе; мы недавно» прочли в «Сибирской газете», что в Тарском округе также крестьянским чиновником заводятся библиотеки при школах; нам приходится очень часто получать известия, что сами народные учителя в силу прямых требований жизни стремятся обзавестись хорошей книжкой для

того сельского населения, среди которого им приходится жить» («Восточное обозрение». 1888. 3 июля).

В Иркутском генерал-губернаторстве широко распространились две существенные тенденции: с одной стороны, расцвет культурничества, а с другой, признание так называемых «чеховских сумерек».

Именно в конце XIX в. возникло мощное неорганизованное культурно-просветительное движение, цель которого – просвещать, обучать, повышать уровень грамотности и образованности, нести в народ знания. Движение в самых разных проявлениях захватило умы интеллигенции. В политическом аспекте это привело к массовому народническому движению и «хождению в народ», впоследствии породившем большое число молодежных групп – от культурнических и литературных до подпольных террористических.

С другой стороны, неудовлетворенная итогами хождения в народ, интеллигенция видит тщетность большинства своих культурнических проектов. Усиление контрреформ Александра III приводит к скепсису и апатии в общественной жизни. На этом фоне возникает понятие «чеховские сумерки», становится популярной теория «малых дел». Но в Иркутском генерал-губернаторстве все немножко по-другому. Здесь культурничество было и остается главным движителем общественной жизни. Именно поэтому здесь идет активная общественная деятельность, возникают новые неправительственные организации, периодические издания, осуществляются фундаментальные научные проекты. На очень высокий уровень поднимается краеведение. И. И. Попов в своих мемуарах оставил важное в этом смысле замечание: «"Чеховские сумерки", так характерные для Европейской России конца 80-х гг., прошли для Сибири незаметно. По крайней мере, когда я попал в Сибирь, то уже не мог наблюдать их, да и в прошлом Сибири их не было. Не было в Сибири, пожалуй, и «малых дел», по поводу которых и против так много писал Н. К. Михайловский. Культурничество началось в Сибири самостоятельно и значительно раньше, чем в Европейской России.

Одновременно с культурничеством расширялось изучение Сибири. В 80-е гг. стали возникать местные музеи. Еще в 1888 г. в Кяхте А. Клеменц, приехавший из экспедиции в Монголию, прочел лекцию «Любовь к родному краю и музея». В этой лекции то и дело встречались выражения «краеведческий музей», «краеведческие интересы» и даже «краеведение».

…"Чеховские сумерки" прошли мимо Сибири. Постоянная борьба с природой выработала в сибиряке смелость, уважение к личности человека и умение постоять за себя». (И.И.Попов. Забытые иркутские страницы. Иркутск. 1989. С.10-13)

К первой четверти XIX века относятся крупные изменения в управлении, связанные с деятельностью М. М. Сперанского. Именно по его предложению была образована Енисейская губерния с центром в Красноярске. Административные реформы свидетельствовали о поступательном развитии территории и ее экономики. Активизируется извоз, усложняются ремесленные занятия, выделяются специализированные предприятия – суконные, свечные, по выжигу извести, переработке зерна и другие. В самостоятельную промышленную отрасль оформилась добыча золота, в середине XIX века здесь добывалось почти 50% всего золота России.

Развитие частной торговли, увеличение количества ремесленных профессий, рост населения стимулируют рынок. В это время в Енисейской губернии действуют 17 ярмарок. Реформы 60-70 г. XIX века придали ускорение развитию всей Сибири и Иркутского генерал-губернаторства в частности. Население всех ее территорий росло, в том числе за счет высокой рождаемости. Прирост продолжался и за счет переселения и ссылки.

ВСТРЕЧА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

Пожалуй, первым серьезным испытанием в новой должности для А. Д. Горемыкина стала организация встречи наследника-цесаревича Николая,

будущего императора, который возвращался в столицу из длительного путешествия на Восток. Ситуация осложнялась тем, что в Японии на цесаревича было совершено покушение и при любом участии наследника в общественных мероприятиях следовало предпринимать усиленные меры безопасности.

А.Д. Горемыкин готовился к встрече тщательно и продуманно, я бы сказал по- военному четко. Забегая вперед, скажем, что все, что касалось встречи и проводов наследника, его поездки по территории Иркутской и Енисейской губерний, прошло без заминки и происшествий. Горемыкин лично участвовал в разработке маршрута следования, писал инструкции по безопасности, оценивал и исправлял элементы праздничного декора, сам проехал по главным пунктам остановки. Так, ему не понравились праздничные арки и правитель канцелярии Моллериус отправил срочную телеграмму в Кимельтей: «Генерал-губернатор найдя сельские арки иркутского округа однообразными, бедно украшенными, приказал распорядиться уставить высокими елками, гуще увить гирляндами, по возможности разнообразнее украсить. Примите соответственные меры. Распоряжение о посуде одобрены» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ. Д.73а.Л.119)

Сложной и щепетильной стала проблема наличия в Иркутске и в других населенных пунктах политических ссыльных. Многие из них уже отбыли сроки, зарекомендовали себя на педагогическом, научном, юридическом поприще, но свита наследника, которая путешествовали с ним и центральная власть, напуганные событиями в Японии, страховались и требовали от местных чиновников абсолютной гарантии безопасности. Это был первый визит наследника в Сибирь и все хотели, чтобы он не был ничем омрачен. Между тем, Горемыкин понимал, что успешный визит мог быть использован в интересах территории.

Среди политссыльных пошли слухи, что Горемыкин собирается на время нахождения цесаревича в Иркутске выслать всех подальше от

губернского центра. Один из очевидцев событий, бывший политссыльный, в тот момент служащий Иркутской судебной палаты П.Торгашев вспоминал: «Нас всех тоже волновало и беспокоило, что предпримет Горемыкин по отношению к нам. У меня переговоры с управляющим палатою начались заблаговременно.

«Кажется, Горемыкин, – сказал мне однажды управляющий, – намерен вас и ваших товарищей на время проезда выслать из города. Я на днях узнаю. И если он задумает высылку, я вам дам командировку куда-нибудь в сторону от тракта. Недели две проездите, проветритесь. Это будет лучше».

Через несколько дней управляющий палатой сообщил мне, что Горемыкин решил никого из нас не трогать, а потому и командировку незачем устраивать. Я передал товарищам это сообщение, и все успокоились. Но Горемыкин, прижатый в последнюю минуту полицмейстером, дал ему carte blanche. А этот ретивый служака обманом пригласил каждого из нас отдельно к себе, а затем отправил в тюрьму, где всех нас заключили в одну большую камеру…» (П. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос минувшего. 1914. №11. С.129)

Не обходилось и без настоящих казусов. Оказалось, что в дни проезда цесаревича насильно окрестили группу бурят. И вот к Горемыкину явилось десять бурят Балаганской степной думы с жалобой на исправника и архиерея, обвиняя их в насильственном крещении. В версии Торгашева это звучит так:

«Горемыкин принимал по делам всех в общем большом зале. Выйдя к просителям, генерал прежде всего подходил к лицам попроще, а если были инородцы, то к ним первым. Так было и на этот раз. На моих глазах такая сцена.

Из группы бурят выделяется один и подает генералу прошение. Горемыкин, взяв прошение, не читает его, а говорит буряту:

– Ну, расскажи, о чем просишь?

– Крестил, вашество, насильно, насильно крестил!...– кланяется низко бурят.

– Что такое?... Насильно крестил?...Что за ерунда?... Кто кого крестил?...

– Меня крестил… насильно крестил…большой халамандрит приезжал….халамандрит (так буряты называли архиерея – Торгашев) меня насильно крестил! – снова кланяется бурят.

– Ничего не пойму! – удивляется генерал. Но так как он любил всегда разъяснять просителям все подробно, то и говорит:

– Крестить по догматам православной церкви насильно нельзя….Пока не убедится, что желающий принять православие понял и проникся новой верой, его не будут крестить… – и пошел, пошел в этом роде. – Понял? – закончил генерал.

Но бурят, терпеливо выслушав лекцию о порядке крещения, снова кланяется.

– Крестил насильно, вашество…

– Ничего не понимаю…Ну, хорошо! Я разберу… А тебе что? – обращается Горемыкин к другому буряту.

– Крестил, вашество, насильно крестил… Николай называл…. Каталажка держал…

Горемыкин начинает нервничать, но, желая загладить неприятную историю (в приемной было много разных просителей и представляющихся), вздумал шуткой отделаться. Увидев среди бурят верзилу чуть ли не в сажень, говорит ему.

– Ну, и ты скажешь, что тебя насильно крестили?...

– Крестил, вашество, крестил!...Я убежал… много бежал…Меня поймал … пять человек держал… халамандрит воду поливал… Потом исправник зубы давал, зачем много бежал…, – разьяснил верзила-бурят.

В зале раздался сдержанный хохот. Горемыкин окрысился на ближе стоявших.

– Ну хорошо, идите с Богом… я … разберу – обратился он к бурятам.» (П. Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос Минувшего. 1914. № 11. С.131-132).

Оказывается, этот случай уже давно обсуждался в местном обществе. И все знали сложные отношения генерал-губернатор и епископа Вениамина. Торгашев считает, что между ними была вражда. Первопричиной стали размолвки по поводу того, где стоять солдатам для парадного развода перед собором. Как водится, случилась перебранка и «письма обеих в столицу». Горемыкин писал в Петербург и Вениамин писал в Петербург, а пока что пускались на военные хитрости.

Пришел развод к собору, а на спорном месте уже стоит амвон, чаша для освящения воды и т.п. На другой раз рано утром причт торопился занять место, а там уже ходит часовой, поставленный еще ночью.

Так и воевала духовная власть со светской, и этому враждебному настроению придавали много значения, на него возлагали надежду, что Горемыкин, воспользуется «миссионерским фокусом» Вениамина. (П.Торгашев. Сибирские воспоминания. Голос Минувшего. 1914. № 11. С.131-132)

А что до случая с крещением, то, как всегда, случилась чисто местная история. От епископа пришла бумага, найти по одному буряту от улуса для крещения. Исправник в свою очередь приказал старшинам найти по одному

человеку, их набралось 66. Он запер их в каталажку и отрапортовал епископу что все сделано – утром их крестили. Скандал, кстати, дошел до столицы.

Судя по всему, у Горемыкина сложились хорошие отношения с цесаревичем-наследником, когда тот стал императором. Кроме ритуальных представлений императору, есть предположения и об их неформальном общении. Николай II помнил о замечательном приеме в Иркутске, не отказывал генерал-губернатору в его просьбах при решении тех или иных местных вопросов, а в конце, уже назначив его членом Государственного Совета, дал отличную характеристику всему, что он сделал за время своего управления огромным краем.

День начальника края

Разговоры о праздности жизни чиновников высокого уровня – дань некогда сложившейся традиции, что все в монархии прогнило и плохо. Даже отрывочные сведения о «хлопотах и заботах» генерал-губернатора однозначно свидетельствуют – при том уровне коммуникаций, при той численности населения, пространственном окружении, его ритм жизни, что в будние дни, что в выходные был достаточно высок. Рабочее время включало в себя значительное количество обязательных элементов (работа с бумагами, заслушивание отчетов, инспекционные поездки, встречи и приемы, посещения мероприятий, участие в главных церковных праздниках и многое-многое другое). Нужно было обладать хорошим здоровьем, психологической выдержанностью, умением правильно и равномерно распределять поручения между чиновниками канцелярии на каждый день.

Повседневная жизнь включала в себя краткосрочные и долгосрочные элементы планирования. Ибо управление огромной территорией было немыслимо на основе спонтанно принимаемых решений. Поездки в дальние уголки длились месяцами. Подготовка документов для министров, Госсовета,

императора подразумевала корректировки во времени встреч, согласования времени обсуждения и т.п.

Читая дневники высокопоставленных чиновников, понимаешь, что для талантливых управленцев день был расписан от и до. Повседневная жизнь А.Д.Горемыкина тоже была регламентирована. Напомню, что сведения о рабочем времени высших чиновников генерал-губернаторства отрывочны и полной картины не дают. Но дополнить картинку помогут сюжеты из жизни предшественников начальника края.

К примеру, граф Муравье-Амурский вставал рано и совершал прогулки по Иркутску. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.П.Синельников, еще будучи Владимирским губернатором, установил такой порядок ежедневной деятельности: «Обыкновенно он вставал утром очень рано; около 7 ½ часов утра начинал заниматься докладами, а с 9 часов, не прерывая докладов, принимал посетителей. Около 12 часов он выезжал посетить разные учебные, благотворительные и т.п. заведения; в 2 часа садился рассматривать журналы присутственных мест и продолжал эти занятия до 4 часов – времени обеда. После обеда иногда оставался до 6-ти в кругу семейства, а иногда прямо отправлялся за рабочий стол. В 6 часов приносили почту и Н.П. обыкновенно сам вскрывал ее, чтобы первому знать, что делается в губернии. Просмотрев почту и положив на бумагах резолюции, он отправлялся в театр или клуб, но оставался там лишь часов до 10 ½, а затем возвращался домой, посещал тюрьму, больницу или под (ведомственное) учреждение. Заканчивал Н.П. свой рабочий день лишь тогда, когда не оставалось у него ни одной бумаги, требующей исполнения. Такое распределение занятий он сохранил, в общем и в последующее время, при управлении как другими губерниями так и Восточной Сибирью». (Иркутские губ. ведомости. 1892. 28 октября)

Прием посетителей у А.Д.Горемыкина начинался в 10 часов утра. Надо отдать должное, к сильным управленческим качествам Горемыкина относится постоянное изучение законов. Он постоянно пополнял, если

можно так выразиться, «личную» библиотеку. Его канцелярия закупала на приличные деньги различные издания законов, сборники с комментариями и т.п. Надо полагать, изучал законы и комментарии не только сам генерал-губернатор, но и его подчиненные.

Значительное время у генерал-губернатора занимали международные дела. Практически все сибирские генерал-губернаторы в служебных целях обязаны были погружаться в вопросы внешней политики на Дальнем Востоке. Но Иркутское генерал-губернаторство в этом смысле было на особом положении из-за пограничных территорий и исторических связей с Монголией, Китаем, Японией.

Кроме того, именно восточносибирские губернии в периоды военных действий становились тылом действующей армии, принимая на себя бремя снабжения, оздоровления военного контингента.

Российские генеральные консулы, послы, дипломатические миссии частенько останавливались в губернском Иркутске перед отъездом на восток и вояжах в Европейскую часть страны.

Близость границы, активные торгово-промышленные связи втягивали территорию в международный процесс. Начальник края вольно или невольно становился участником международных отношений на востоке империи.

Не стоит забывать и активный Кяхтинский торг на границе с Монголией, а соответственно с Китаем. Эта чайная торговля являлась серьезной экономической статьей для большого числа купцов. И, думается, начальник края не мог проходить мимо этой темы.

Для эффективного управления вверенными территориями требовалось регулярное личное присутствие начальника края и изучение ситуации на месте. Служебные поездки становились неотъемлемой частью повседневной жизни генерал-губернатора. Для эффективного управления он колесил по

губернии, разбираясь на месте с нерадивыми подчиненными, нарушениями законов, изучая суть возникшей проблемы. Расстояния от губернского Иркутска до столиц подведомственных территорий – Якутска, Красноярска, не говоря уже до центров принятия решений – Петербурга и Москвы, даже с учетом железнодорожного сообщения между отдельными городами, были огромными. Путь занимал много времени и физических сил, поскольку существенное расстояние приходилось преодолевать по грунтовым дорогам не лучшего состояния. Каждая такая поездка длилась месяцами и была сопряжена с определенными бытовыми неудобствами.

Путешествие из провинции в провинцию

Любая поездка, сопряженная с отбытием высшего должностного лица из губернского центра, сопровождалась правовой и информационной подготовкой. Сначала следовало передать бразды правления на время отсутствия ответственному лицу. Делалось это официальным рапортом (заявлением) на имя вышестоящего начальника. Соответствующий рапорт писался на имя вышестоящего начальника и после возвращения из служебной командировки.

Разумеется, заранее продумывался маршрут и способы передвижения.

В июле 1896 г. Горемыкин отправился в очередную поездку по краю. На этот раз в Енисейскую губернию. 14 июля он приехал в село Назаровское Ачинского округа. Поездка состоялась в преддверии принятия нескольких важных законов, инициированных Горемыкиным. Это закон о преобразовании врачебной части в крае, открытии судебной палаты и окружного суда, землеустроительного закона. Горемыкин хотел лично осмотреть будущие переселенческие участки – чиновник ведомства не случайно был включен в его «делегацию».

15 июля в 4 часа утра Горемыкин отправляется в маленькую старожильческую деревню Чардынскую. «Генерал-губернатор долго и

внимательно беседовал с народом. Народ, сначала смущенный величавостью генерала, но обласканный мягкостью обхождения, вошел в свое положение, заговорил обо всем, что составляет его всегдашнюю думу. И по отъезде остался вполне удовлетворенным. Народ бежал за экипажем генерал-губернатора, провожая его высокопревосходительство, а это дало повод генералу остановиться на мельничной плотине и, попробовав воду из запруженной реки Сережа, растолковать народу, что для прекращения сибирской язвы, развившейся неподалеку от них, и, вообще для здоровья людей и животных, – нужнее всего чистота воды и потому унаваживание плотины и реки воспредить навсегда» (Енисей».1896. 2 августа)

Судя по отчету, в этот же день переезд в село Кольцовское. Остановка в доме бывшего волостного старшины Ерлыкова. Короткий отдых за чаем и встреча с крестьянами. О сути диалога, который состоялся между «властью и обществом» можно судить по журналистскому отчету об этой поездке. «Общество местных жителей обратилось с просьбою к генерал-губернатору, дать им еще земли, находя с своей стороны, оставшуюся в их пользовании землю, за образованием переселенческих участков, недостаточною для удовлетворения потребностей хлебопашества, скотоводства и лесоразведения...»

«…Его высокопревосходительство изволил высказать крестьянам-просителям всю несостоятельность их претензий и разъяснив местное и государственное значение и самый способ перехода от переложной, хищнической системы обработки земли к более культурной форме, хотя бы многопольной с удобрениями, рекомендовал им применить это…». («Енисей».1896. 2 августа)

Следующая деревня в этот же день – Средне-Березовка. Она приютила переселенцев. Журналист подметил – «где есть люди, но нет домов, а имеются шалаши».

Вот что рассказала об этой встрече газета: «переселенцы встретили своего дорогого гостя восторженно и с радушием. На столе, на белоснежной скатерти, лежали хлеб–соль. Скатерть, покрывшая стол, доказывала старожилам, что есть чему им учиться и у переселенцев. Скатерть эта – работа их кустарного производства на родине, кажется, курской губернии, откуда они прибыли и представляет собою работу редкой чистоты и вкуса.

Сооруженные здесь наскоро шалаши сослужили свою службу: переселенцы с детьми, укрываясь в шалашах во время сырых и холодных ночей, перестали жаловаться на болезни.

Генерал-губернатор приказал им уважать чужую собственность, а старожилам – быть менее притязательными и жить в согласии так как отношения старожил и переселенцев между собою в последнее время довольно сильно обострились». («Енисей».1896. 2 августа)

Далее в тот же день путь Горемыкина лежал на Степаноозерский переселенческий участок, затем посещение Антроповского общества крестьян-старожилов, Кибитенский запасной участок, переселенческий участок и старожильческая деревня Каргалу.

Здесь «делегацию» кормили обедом, а после продолжение пути и новые встречи в селах и деревнях: Березовское, Кудкова, Павловка, Алтат, Дорихова… После целого дня пути, к ночи А. Д. Горемыкин вернулся в Ачинск.

Там, где не было железнодорожного сообщения, для передвижения использовали гужевой или водный транспорт. Рассчитывалось необходимое количество экипажей, коней и персонала.

К примеру, в 1891 году, готовясь к визиту наследника в Иркутск, А.Д. Горемыкин решил отправиться в Лиственничное, дабы лично все осмотреть на месте. Ибо средства, необходимые на организацию поездки,

рассчитывались очень тщательно. За так называемые прогонные деньги на оплату лошадей спрашивали строго, независимо от статуса гостя.

Для проезда наследника-цесаревича Николая потребовалось 6 лошадей, чтобы покрыть 122 версты. Выдать денег полагалось из расчета 3 копейки на версту и лошадь. И таким образом генерал-губернатор получил лично 21 рубль 96 копеек на передвижение, 10 копеек и 1 рубль 80 копеек на уплату сбора. Налоги платили все!

Траты разрешались приказом генерал-губернатора по Канцелярии. Звучало это дословно так: «Поручаю выдать мне на поездку в с. Лиственичное и обратно по делам службы из кредита на прогоны 21 р. 36 к. и на уплату 10 коп. сбора 1 р.80 к., а всего двадцать три руб. 76 коп.» ГАИО.Ф.25. ОП.7.Д.205. картон 654. Л.2)

Далее правитель канцелярии отписывал заявление генерал-губернатора в казначейство и выпускался «Талон к ассигновке».

Порядок здесь был заведен точный и соблюдали его высшие чиновники неукоснительно.

В зависимости от поставленной задачи поездки разрабатывался график и план посещаемых мест, встреч с чиновниками и представителями общественности. Обязательным элементом инспекционной поездки являлось посещение государственных и общественных заведений. В случае, если инспекционная поезда предпринималась с целью изучения результатов реформы, выполнения конкретного закона – предварительно вопрос изучался путем ответов на заранее подготовленные статистические формы, опросники, сводов справочного материала, отчетов с мест. Полевые исследования были широко распространены в качестве инструмента мониторинга за ситуаций в генерал-губернаторстве.

Путешествия из провинции в столицу

Время от времени генерал-губернаторы совершали поездки в столицу, где были сосредоточены важнейшие государственные учреждения империи. Поводов для подобных поездок было много. Чиновники представлялись императору, участвовали в заседаниях Государственного совета, отчитывались о вверенных им территориях, работали в разного рода комиссиях, создаваемых министерствами и т.п.

С учетом пути «туда-обратно», каждое такое путешествие из губернского Иркутска в столичный Петербург или Москву занимало месяцы.

С конца 1898 года из Иркутска до столиц с различными вариантами можно было уже добираться по железной дороге. До этого времени использовалось два основных вида передвижения – по воде и по суше.

В периоды судоходства часть пути лучше всего было проходить на пароходе. Если брать маршрут по Ангаре, то безопасное движение заканчивалось у так называемых ангарских порогов у Братского острога. Затем путешественники пересаживались на гужевой транспорт и ехали далее. Чередование водного транспорта с наземным шло в зависимости от удобств и наличия плавсредств. Денежный вопрос в данном вопросе во внимание не принимаем. Казна исправно оплачивала служебные командировки.

Такая поездка становилась серьезным испытанием и настоящим путешествием.

Чиновники высокого ранга чаще пользовались сухопутным путем от Иркутска до Томска, а затем водным и железнодорожным транспортом до пункта назначения.

А. А. Корнилов, чиновник по особым поручениям при А. Д. Горемыкине описывает некоторые детали путешествия с караваном золота от Иркутска до

Томка. Путь длился 16 дней. «Собственно сама езда влежку на свежем сене, на матрасах и на подушках была довольно покойна, но утомительной была сама медленность передвижения, всего 100 верст в сутки, так что дамы мои, особенно Талина (жена А.А.Корнилова – С.Г.) мать, порядочно утомилась. (А.А.Корнилов. Воспоминания. Вопросы истории. 1994. №3. С.131)

Далее в Томске обычно пересаживались на пароход и плаванье по Томи, Оби и Иртышу, Тоболу занимало еще 10 суток. По Туре добирались до Тюмени. В таком передвижении были свои прелести: «Это было мирное и весьма приятное путешествие по великолепным, многоводным рекам Сибири. Конечно, оно было довольно однообразно и при обыкновенных условиях могло показаться скучноватым, но для меня, после усиленных занятий в Иркутске, оно являлось чистым приятным отдыхом. Плыли мы на пароходе с великим комфортом, в большой и удобной каюте первого класса, где могли по произволу читать взятые нами с собою книги, тихо меж собою беседовать или просто отдыхать, ничего не делая, гуляя по палубе и любуясь многоводной Обью» (А.А.Корнилов. Воспоминания. Вопросы истории.1994. №3.С.132).

В Тюмени командированные чиновники пересаживались на поезд, который шел сутки до Перми. В Перми снова пересаживались на пароход, который на пятые сутки доходил до Нижнего Новгорода. Весь путь от Иркутска до Петербурга составлял примерно 37 суток.

Как известно, в августе 1898 г. железная дорога пришла и в Иркутск. С этого момента стало возможным ездить в столицу без пересадок. Этот путь от Петербурга до Иркутска составлял 5634 версты, а время в пути занимало от 9 до 10 дней. Газета «Енисей» по этому поводу писала: «При столь длинном переезде нельзя, конечно, довольствоваться той же обстановкой вагонов, как при коротких пробегах. Можно провести без сна в духоте и толкотне обычных железнодорожных поездов двое-трое суток, но проводить в таком положении неделю или полторы – значит испытать невыносимую

пытку, которая не может не отразиться самым гибельным образом на здоровье.» («Енисей».1898. 20 марта)

Средством для передвижения по тракту являлся тарантас на гибких дорожинах.

Иркутский военный генерал-губернатор А.Д.Горемыкин довольно часто совершал подобные поездки, благодаря своим многочисленным предложениям по различным сферам государственной и хозяйственной жизни. Они были во многом новы и актуальны, ими интересовались министры, а в некоторых случаях и сам император. Дельные предложения затем принимались в качестве реформ и законов. А поскольку система принятия решений была многоступенчатой, их обсуждение шло довольно продолжительное время в профильных департаментах и министерствах, в Сенате, комиссиях и департаментах Госсовета, затем соединительном совещании всех его департаментов. Наконец, появлялось мнение Госсовета, которое поддерживал или отвергал император.

Конечно это схематическое и типовое описание управленческой процедуры принятия решений. Разумеется, процедура могла видоизменяться по самым разнообразным причинам: актуализации темы, особого внимания императора или влиятельного министра, внешнеполитических факторов….

Участие в обсуждении того или иного вопроса инициативного начальника края становилась непременным условием и в таких случаях он покидал свою резиденцию, дабы лично докладывать и защищать свою идею.

Каждый визит в столицу, как и в случае передвижения по краю, начинался с разрешения, которое испрашивалось у Министра внутренних дел. Далее Канцелярия генерал-губернатора сообщала всем местным чиновникам о предстоящем отъезде генерал-губернатора. Министрам Просвещения, Путей сообщений, Земледелия, Военного министерства о предстоящем выезде сообщалось отдельно. У горемыкинской канцелярии

формулировка была лаконичной: «Согласно испрошенному разрешению выезжаю Петербург…» Непосредственному начальству – Министру внутренних дел – депеша особая: «Руководствуясь шифрованной телеграммой выезжаю по делам. Руководствуясь статьей 10 учреждения Сибирского сообщаю губернатором».

В пути начальника края сопровождала путевая канцелярия, которая фактически обеспечивала бесперебойную «кабинетную» работу своего руководителя. Даже в пути начальник края получал документы для рассмотрения и подписи.

Поскольку собственной недвижимости у Горемыкинах не было, то останавливался генерал-губернатор чаще всего в хорошей гостинице. Так в 1895 году начальник края жил на Малой Морской улице в гостинице «Париж». Здесь он и работал и проживал с семьей.

Обычной практикой было проведение в командировках различных совещаний. Так в конце сентября 1895 года в гостинице у генерал-губернатора прошло совещание, посвященное предстоящей переписи населения.

И, разумеется, бесконечные встречи в министерствах, с руководителями ведомств и членами правительства, министрами. Поскольку для «защиты» своих отчетов генерал-губернаторы заранее приезжали в столицу и ожидали назначенного времени, возникали разного рода незапланированные мероприятии. Так, будучи в Санкт-Петербурге Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской поднял вопрос о распространении воинской повинности на сибирских инородцев. Поскольку на его отчете император сделал пометку «рассмотреть дело по существу», была быстро создана специальная комиссия, куда вошли и бывшие в столице сибирские генерал-губернаторы.

Уровень жизни

Вопреки распространенному мнению, далеко не всегда благосостояние должностного лица зависело от должности. Семен Экштут в прекрасной работе, посвященной повседневной жизни русской интеллигенции писал: «Повторю, что и на военной, и на статской службе невозможно было честным путем выслужить мещанское счастье. Жалованье даже высших чиновников, если они не имели родовых имений, не позволяло им жить на широкую ногу и обеспечить будущее своих детей. Разумеется, благосостояние чиновника измерялось не только жалованьем. Министры, губернаторы, директора департаментов пользовались казенными квартирами, дачами и казенными дровами… Получение первой за годы службы казенной квартиры всегда воспринималось чиновником как значимый этап карьеры, который запоминался надолго» (Семен Экштут. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи великих реформ до серебряного века. М.2012. С.36-37).

Генерал-губернаторы были высокооплачиваемыми чиновниками, но далеко не все имели состояния и могли рассчитывать на безбедное существование после выхода в отставку. К примеру, граф Муравьев-Амурский также как и Горемыкин имел главный источник доходов в виде жалованья.

Содержание чиновника такого уровня складывалось из оклада и дополнительных прибавок, к коим относились арендное содержание, выплата по военному ведомству, дополнительное содержание, прибавка за выслугу первого пятилетия в Сибири, столовые, разъездные.

К примеру, арендное содержание в 1896 г. составляло 232 р.14 коп., а жалованье 18 620 рублей в год.

К 1899 г. Иркутский военный генерал-губернатор получал жалованья по должности 18 715 р. в год. Это меньше, чем получал генерал-губернатор

граф Н.Н. Муравьев-Амурский. К концу службы общий доход составлял 24308 рублей 37 коп. (Матханова Н. П. Генерал-губернатор Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск.1998. С.226)

К надбавкам относились следующие выплаты – 423 руб. 75 коп. в год по военному ведомству. Кроме того, для Иркутского Генерал-губернатора была испрошено дополнительное содержание в размере 6044 рубля в год, взамен содержания производившегося по должности командующего войсками Иркутского военного округа. Более никаких дополнительных выплат к основному жалованью мы не обнаружили.

В 1899 году А. Д. Горемыкин обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о назначении ему прибавки к жалованью за выслугу второго пятилетия в Сибири в должности генерал-губернатора. Перед этим подобные просьбы генерал-губернатора Приамурского края и Степного генерал-губернатора были отклонены. Отказали и Горемыкину, ссылаясь на то, что высокий размер содержания и без того «является достаточным основанием вознаграждения за службу в отдаленных краях». (ГАИО.Ф.25.ОП.2.Д.170. картон 177. Л.6 об.).

Разумеется, кроме бытовых повседневных расходов, имелись и вычеты. Самым большим вычетом являлись взносы в военную эмеритуру – эмиритальную кассу. В дореволюционной России такие кассы создавались в различных ведомствах для получения особой пенсии или пособия, независимо от той, что гарантировало государство или определялись особыми постановлениями императора. Кроме взносов, эти кассы имели и другие источники пополнения (проценты от неприкосновенных капиталов, вычеты из жалованья участников (составляли от 3 до 8% от заработка); случайные поступления в пользу кассы (отказы по завещаниям, штрафы и т. п.).

Право на особую пенсию определялось продолжительностью выслуги, участия в кассе не менее конкретного числа лет. Тот, кто приобретал право на пенсию, мог пользоваться ею во время нахождения в отставке и во время состояния на службе без содержания. Выплата пенсий в эмеритальных кассах была связана с личными заслугами их членов.

При Военном совете Российской империи имелся ряд совещательных комитетов. Одним из таких была эмеритальная касса, которую возглавлял один из членов Военного совета. Горемыкин ежемесячно выплачивал в военную эмеритуру 15 рублей. Участие в пенсионной «негосударственной» кассе свидетельствует, что Горемыкин не имел никаких иных доходов кроме как на государственной службе и таким образом откладывал средства на будущее.

Содержание и затраты, которые государство несло на генерал-губернатора, были строго регламентированы. Остановимся на небольшом сюжете, который оттеняет еще одну сторону повседневной жизни чиновника высокого уровня в провинции. В феврале 1896 г. Госсовет, после согласования лично с императором, утвердил «Порядок исчисления расходов на отопление домов, занимаемых Генерал-губернаторами и Губернаторами». До сего момента суммы на отопление отпускались в безотчетное распоряжение чиновников. Отныне исчисление расходов на отопление подчинялось ревизии государственного контроля, отныне «палить» дровишки безотчетно воспрещалось.

Чтение «домашних» отчетов о тратах начальника огромного края не только добавляет представление о характере А.Д.Горемыкина, его педантичности, отношению к личным финансам, но и о порядках, которые царили в среде высшего чиновничества.

Любопытно, что регламентация четко делила затраты генерал-губернатора на общественные и личные. Лишь один маленький пример.

Многомесячные командировки в столицу сопровождались пересылкой жалованья. В этом случае по специальному рапорту Канцелярия генерал-губернатора осуществляла перевод денег к месту командировки. Сопроводительный текст к переводу в деталях описывал историю каждой перечисленной или удержанной копейки.

Этот рапорт датирован 20 февраля 1896 г.

«И.ч. (имею честь – С.Г.) донести Вашему высокопревосходительству, что я сегодня перевел Вам через Иркутское отд. (отделение – С.Г.) Госуд. Банка прилагаемому при сем билету за №49 1660 р.13 к. следующее Вам жалованье и арендное содержание за февраль месяц с.г.

При этом имею честь доложить что из всего следуемого Вам содержания за настоящий месяц в сумме 1691 р. 7 к. удержано 42 коп. за перевод денег,10 р. 52 к. согласно прилагаемому при сем расчету казначея за овес для лошадей и 20 руб. кучеру Петрухину за февраль месяц. Всего удержано 30 р. 94 коп…» (ГАИО.Ф.25.ОП.18.Д.28. к. 1214)

В марте этого же года удержано еще и за сено для лошадок….

Дела домашние

Традиционно генерал-губернаторы имели казенное жилье соответствующего уровня. Как правило, это достаточно большой по меркам того времени дом. Горемыкин не был исключением. Семья начальника края состояла из 5 человек: его самого, супруги и трех детей. По отдельным источникам указывается на родственников, которые проживали у Горемыкиных. Так что основных жильцов в казенном доме было 6 или 7. Домом генерал-губернатора считался известный всем в Иркутске «Белый дом» на набережной Ангары. В этом казенном строении имелась жилая зона, в которой отводилась какая-то площадь обслуживающему персоналу.

Когда в доме проживал граф Муравьев-Амурский, на первом этаже располагалась приемная и кабинет генерал-губернатора, кабинет и спальни его адъютантов и чиновника особых поручений. На втором этаже находилась гостиная жены и другие личные помещения. Супруга графа Муравьева, Екатерина Николаевна, завела в доме оранжерею. «Стены оранжереи красиво и густо покрывал плющ, росли два дерева – довольно большие. Фиговое и лимонное, на котором созревали лимоны. Стояли шпалеры с виноградной лозой. Росли ананасы. Цветочное царство состояло из роз, гвоздик резеды и кустов жасмина. Кроме оранжереи, при доме появился маленький садик, в котором созревала малина и другие ягоды. В садике жили подаренные Екатерине Николаевне ее почитателями дикая козочка и заяц, с которыми она любила возиться». (Н. И. Дубинина. Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские. Хабаровск. 2014. С.86)

Судя по отсутствию подобных описаний, ни специальной оранжереи, ни тем более этого своеобразно мини-зоопарка при Горемыкине уже не было.

Каким образом распределялось личное и служебное пространство в период жительства там А.Д.Горемыкина, сказать сложно. Муравьев-Амурский, как известно детей не имел, у Горемыкиных было трое детей, с ними жила племянница.

Дом время от времени приходилось ремонтировать, и, делалось это, во-первых, медленно, во-вторых, оплата за выполненную работу шла с большими задержками. Настолько большими, что подрядчики стали обращаться к самому генерал-губернатору напрямую. Вероятно, другие возможности получить деньги были исчерпаны.

На нужды освещения использовался керосин, оплата его шла регулярно.

Регулярно оплачивались печники, отопление в доме, как и везде в Иркутске было печное. Печи топились в основном сосновыми дровами. В отчетах фигурирует оплата именно за них. 3 рубля за сажень – такова цена

губернаторских дровишек. Но к сосновым обязательно прикупались лиственничные. За 18 саженей оплатили 64 рубля 80 коп. В целом, дрова оказывались существенной статьей затрат. Покупался деготь, который использовался для различных хозяйственных нужд, лед для хранения продуктов питания.

Деньги уходили на ремонтные работы. Для серьезного ремонта составлялась специальная смета, текущий небольшой ремонт также оплачивался по счетам, в частности, побелка, ремонт мебели, обновление обивки т.п. Большой проблемой для города при отсутствии канализационных систем была борьба с антисанитарией, утилизация бытовых отходов. Это также входило в расходные статьи по содержанию генерал-губернаторского дома. Деньги шли на очистку печей и дымоходов, на фураж для лошадей.

Освещение в доме до момента появления электричества осуществлялось с помощью специальных плошек. А вот электрические звонки, как статья затрат, уже были и в 90-х гг. XIX в.

Следили за тротуарами вокруг дома, за вензелем (государственный герб), а еще чинили ванну, замки, меняли стекла, перекладывали полы, натирали и чистили паркет.

Интересный факт. В декабре 1896 года 10 рублей 70 коп. было заплачено слесарю Гольдбергу за починку резервуара на ванне и 5 ключей. Не отец ли это известного российского, сибирского писателя Исаака Гольдберга? (ГАИО.Ф.25. ОП.18. д.31 картон 1214)

Ежемесячные затраты на содержание и уход за домом генерал-губернатора варьировались. В апреле 1896 г. Министерство Внутренних дел оплатило за содержание дома 200 рублей, а затем еще 100. Примерно столько же расходовалось ежемесячно.

В штате обслуживающего персонала состоял дворник. Имелся собственный выезд и какое-то количество лошадей содержалось в домашней конюшне. Но за кучера Горемыкин платил сам, также как и за кузнечные работы, за ковку лошадей. Мастеров нанимали в Иркутском юнкерском училище.

Жизненные представления

Когда мы говорим о генерал-губернаторах – чиновниках высокого ранга, то следует понимать, что это за редким исключением они являли собой очень закрытую среду. Удивительно, но со времен графа Муравьева-Амурского. мало кто из них занимался целенаправленно самопиаром. Почти все они считали себя слугами государя и отечества, а следовательно им надлежало служить, а не заниматься популяризацией собственной персоной. Механизмы продвижения по карьерной лестнице в России в конце XIX-начале XX были иные. В основном, высшие чиновники в губерниях были карьерными людьми, видевшие императора или его министров несколько раз за всю жизнь, но зато, имевшие хорошие послужные списки, участвовавшие в большинстве своем в военных походах, проведении реформ, управлении губерниями…

Вероятно, каждый генерал-губернатор имел собственные взгляды на все актуальные проблемы своего времени. Они могли быть выражены устно или письменно в том случае, когда это требовалось. Могли бы! Но увы, письменных источников (казенные документы во внимание не берем) личного происхождения очень мало и они мало информативны. Личные архивы генерал-губернаторов, словно бы подверглись чистке. Архивное наследие Иркутского военного генерал-губернатора А. Д. Горемыкина не исключение. Можно вполне признать, что его и нет как такового. Вот и приходится в буквальном смысле выуживать по крупицам факты, свидетельствующие о тех или иных его взглядах.

Сделаем важное уточнение. Когда мы оперируем понятием «взгляды», то ведем речь обо всем, что может волновать человека. Но редко когда эти идеи оформляются в стройную концептуальную модель поведения. В конце концов, речь идет о чиновниках, чья ежедневная работа требует оперативных или тактических решений, распутывания жизненных» узелков и разрубания гордиевых узлов. Чиновник постоянно и без устали должен реагировать на проблемы текущей ситуации и потому, что у профессиональных чиновников, а Горемыкин был именно из этой когорты, жизненные представления складываются не в виде системных концепций, а в виде удачных или неудачных примеров. Потому что его траектория жизни и деятельности – «государь и Отечество», его призвание служба во имя государя и Отечества.

Есть и еще одна проблема в реконструкции представлений о жизни представителей дореволюционного чиновничества и событий, относящихся к эпохе Российской империи. Заключается она в том, что на протяжении как минимум века, скажем без двух-трех десятков лет, большинство в СССР, благодаря мощной пропаганде, искренне считало, да, пожалуй, и сейчас продолжает верить, что если имперское государство принимало тот или иной закон, то он обязательно должен был направлен на ухудшение положения населения. Разумеется, в такой системе координат главный злодей – император, чиновник высокого уровня реакционер и проводник имперского зла.

Но как относиться в рамках таких координат, к примеру, к этим словам Иркутского военного генерал-губернатора А.Д.Горемыкина, которые обращены к Якутскому губернатору: «…Я вынес убеждение, что большинству дел по существу дано соответственное направление… Замеченные отклонения от точного требования закона главным образом производилось в зависимости от неверного изучения и понимания законоположений нашими полицейскими чинами и от недостаточно

внимательного отношения к нуждам как общества, так и отдельных просителей, со стороны этих лиц…» (ГАИО.Ф.25.ОП.8.Д.39. картон 810. Л.1об.).

Таких высказываний не мало, и не задуматься над ними нельзя. И чтобы понять свою историю, мы должны прорваться через дебри предрассудков и ложных заключений. Были поистине замечательные чиновники управленцы (к примеру, граф С. Витте), чиновники-ученые (Д. Менделеев), чиновники-поэты (Г.Державин) и т.д.

Итак, о жизненных представлениях генерал-губернатора Горемыкина.

В провинции умные люди относились к реальности, регламентированной условностями, с долей иронии. Все генерал-губернаторы не очень жаловали оппозиционную печать. По-человечески это понятно. Разумеется, они понимали ее важность и необходимость для процесса управления краем, сила слова была мощной. И потому высокие чиновники время от времени либо сами брались за цензуру изданий, либо назначали туда доверенных лиц.

Вот как оценивали П. Торгашов, сам будучи политическим ссыльным А.Д. Горемыкина – цензора:

«Газету вести бывало подчас трудновато. Цензура сильна временами теснила. Особенно, когда получала нахлобучки из Питера. В таких случаях Горемыкин набрасывался на редактора, а сам держал цензуру. Это было на руку газете – самые смелые (по тогдашнему времени) статьи проходили при

цензуре генерала. Помню такой случай.

По случаю смерти Александра III «Восточное обозрение» написало передовую статью. Горемыкин не пропустил, найдя ее крамольной. Редакция не хотела давать другую. Горемыкин требовал статью, грозя не выпустить номера. Тогда редакция составила новую, очень краткую. Там было сказано,

что за тринадцать лет царствования в Бозе почившего императора было проведено тринадцать таких-то реформ (все ретроградные) – и только тогда Горемыкин пропустил и поблагодарил редактора за объективность статьи. А через месяц из Петербурга от цензурного комитета получилась сильная головомойка. Чуть-чуть газета не погибла». (Голос минувшего.1914. №10. С.148)

По воспоминаниям И.И.Попова, А.Д.Горемыкин требовал к себе на прочтение фельетоны Иллича (В.С.Свитыч-Иллич, автор газеты «Восточное обозрение»). Это сердило автора и однажды он написал фельетон «Часы», где вывел цензора, чиновника особых поручений Щербо-Равича и генерал-губернатора Горемыкина. Цензура фельетон прочла, но ничего предосудительного не обнаружила и он появился в печати. «Наутро иркутяне с удовольствием прочли фельетон и в длинном господине узнали Равича-Щерба, а в полном с палкой в руках — Горемыкина, который в момент, когда «глагол времен» должен будить людей и возвестить миру радость, дотронулся до механизма своей палочкой, и часы вместо бодрого боя издали одно хрипение. А. Д. Горемыкин, конечно, узнал потом себя и всем говорил, что не счел возможным зачеркнуть фельетон, а дал возможность Илличу «продернуть» его и цензуру.

А вот что рассказывал в своих воспоминаниях А.А.Корнилов: «В «Восточном обозрении» Заичневский вел иностранный отдел, и я помню, как Горемыкин, который лично цензуровал «Восточное обозрение», и, надо сказать, цензуровал очень строго, говаривал мне, не скрывающему от него своего участия в этой «антиправительственной» газете: «Умный человек у вас Заичневский и с большим интересом читаю я всегда его статьи по иностранной политике, – но только чудак! Охота же ему писать так много для меня, единственного читателя, потому что ведь почти все, что он пишет, я велю зачеркнуть красными чернилами». Я передал этот отзыв генерал-

губернатора самому Заичневскому и помню, как он добродушно смеялся. (А.А.Корнилов. Воспоминания. Вопросы истории.1994. №2. С.127-128)

Обратимся к воспоминаниям П.И.Торгашева, осужденного в 1883 г. военно-окружным судом по политическим мотивам как государственного преступника. Какое-то время он жил в Верхнеудинске и Баргузине, а потом оказался в Иркутске. В своих «Сибирских воспоминаниях» (1883-1900 гг.), опубликованных в журнале «Голос Минувшего» он уделил большое место А.Д.Горемыкину. Есть в воспоминаниях несколько сюжетов, которые характеризовали отношение Горемыкина к ссыльным и политссыльным.

В воспоминаниях современников А.Д. Горемыкин вообще остался фигурой противоречивой. Литератор Александр Амфитеатров, познакомившийся с Горемыкиным в 1896 году на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, вспоминал о нём как о человеке либеральных взглядов: «А.Д. Горемыкин был, кажется, лишь однофамилец, даже не родственник пресловутому министру внутренних дел и, в противносгь ему, имел репутацию сановника либерального. Он был очень общителен, не дурак выпить и охотник поговорить. Мне он крепко запомнился по одной остроумной беседе, когда он, за «красненьким» начав речь от разбойничества в «вверенном ему крае», то есть в Восточной Сибири, пустился с большим жаром доказывать В.И. Ковалевскому, М.И.Кази, С.Т.Морозову, мне и ещё нескольким собеседникам, что над русским народом тяготеет некое таинственное заклятие. Между его даровитыми людьми совсем нет людей, пригодных для средней общественности, а всем открыты лишь две удовлетворяющие душу дороги, две крайности: либо в генерал-губернаторы, либо в Стеньки Разины!...

Кто-то на такой генерал-губернаторский афоризм сделал ядовитое замечание, что, конечно, мол, его высокопревосходительству по опыту лучше знать.

– А что же вы думаете, я себя исключаю? – храбро и даже как бы с азартом возразил нисколько не смущённый Горемыкин. – Отнюдь нет. Если бы я не был генерал-губернатором, то, конечно, наверное был бы Стенькою Разиным. И скажу вам, что смолоду чувствовал в себе большие задатки, чтобы таковым быть. – Подумал, осушил стакан «красненького» и учительно заключил: – Истинное несчастие наше в том заключается, что даже и в таком скудном выборе нет порядка, но – вечная путаница. Кто мог бы быть отличным генерал-губернатором, тому то и дело приходится идти в Стеньки Разины, а кому бы как раз впору Стенькою Разиным быть, тех сажают в генерал-губернаторы».

Вместе с тем Амфитеатрова поразило, что Горемыкин тут же рассказал о шести подписанных им за время своего генерал-губернаторства смертных приговорах, все шесть – разбойникам-варнакам за чудовищные убийства целых семейств: «Ни в одной конфирмации не раскаиваюсь, – спокойно, с убеждением закончил он, – дикие звери были».

Сложно делать какие-то далеко идущие выводы, но факт типично российского «порассуждать» на кухне, даже с незнакомыми людьми о политике, мы в данном конкретном случае имеем. И некоторые сомнения высокого чина тоже имеем. И вывод, который напрашивается из всех этих сомнений и предположений Горемыкина, может быть самым простым и понятным – в душе генерала нередко шла борьба между «нельзя по закону», но «жалко по-человечески», и где-то там в глубине дремал «компромисс» между рациональным и идеальным.

В самом деле, Горемыкин вполне доброжелательно относился к политическим ссыльным. В своих записках издатель «Восточного обозрения» И.И. Попов вспоминает, что генерал-губернатор А.Д. Горемыкин с большим уважением относился к Екатерине Брешко-Брешковской, стоявшей у истоков партии эсеров, и её боевой организации. Революционерка отбывала в Иркутске поселение после каторги и селенгинской ссылки. Она

занималась просветительской работой, сотрудничала в «Восточном обозрении» и помогала ссыльному поляку Вацлаву Серошевскому работать над этнографическим трудом «Якуты». Попов вспоминает, как А.Д. Горемыкин не раз спрашивал у него: «Ну что ваша Брешковская, всё «Якутов» пишет? Ох уж эти мне якуты. Как бы вместо якутов не вышла целая философия и тактика революционной борьбы в России, написанная в отделе, покровителем которого я состою»

И.И.Попов: «Горемыкин любил полиберальничать и щегольнуть своей терпимостью. Иногда разрешал ссыльному из деревни переехать в Иркутск или уездный город. Он говорил – «лежачего не бьют». Он охотно разрешал ссыльным участвовать в научных экспедициях – «для науки я все готов сделать – и вообще поступать на службу, считая, что занятому человеку некогда заниматься революцией. К политическим ссыльным он относился, пожалуй лучше, чем к сибирякам, которых считал всех сепаратистами, почему его цензура неукоснительно вычеркивала выражения «наш край», «мы – сибиряки» и противопоставление этому «россияне» и тому подобное.

В общем, взбалмошный, неуравновешенный, он кричал на подчиненных даже на улице, разносил гимназистов за то, что они не встали перед ним во фронт, а если мальчуганы убегали, то посылал ловить их городового или даже своего адъютанта на извозчике. (И.И.Попов. Забытые Иркутские страницы. Иркутск. 1989. С 59)

«Генерал-губернатором был в это время А.Д.Горемыкин (ныне умерший). Генерал этот был человек честный в бюрократическом смысле, т.е. не причастен к воровству. Жил скромно, что особенно бросалось в глаза после широкой жизни его предшественника гр. А.П. Игнатьева. Говорят, что когда Игнатьев приехал в Иркутск и увидел дом, где ему приходилось жить, то произнес эту фразу:

– И в этой конюшне я должен жить целые годы!

Горемыкин же, прибыв в то же помещение, воздел руки горе и с умилением воскликнул:

– Благодарю тебя, боже, и моего государя, хоть на старости лет поживу в таком дворце.

Не ручаюсь за достоверность рассказа, но вся дальнейшая (около 10 лет) жизнь Горемыкина была полною противоположностью Игнатьева.

Горемыкин – старый армейский служака, не обладающий административными талантами, решил оправдать оказанное ему доверие точным исполнением данной ему при назначении инструкции. А потому он сразу стал попадать впросак. Враг всякой помпы, он с палкою в руках, без свиты и конвоя отправлялся гулять по городу и от встречных требовал поклона с обнажением головы. Получались целые истории по этому поводу, а иногда и скандалы.

– Я здесь представитель моего государя, – говорил Горемыкин. Снятие фуражки требую не для себя лично, а как представитель монарха.

К чести Горемыкина, надо сказать, что он терпеливо выслушивал всякого смелого человека. И если доводы были убедительны, то он сдавался на капитуляцию. «Шапочный» вопрос таким образом и разрешился. Горемыкину доказали всю нелепость его требования. И генерал скоро стал большинству публики лично известен, на улицах многие раскланивались теперь с ним из вежливости к самому генералу, а не по принуждению» (Голос минувшего.1914. №10. С.144).

Кажется, беспрецедентный случай, А. А.Корнилов, чиновник по особым поручениям при Иркутском генерал-губернаторе, с которым был практически в приятельских отношениях, а впоследствии и вовсе дружил, подал на своего начальника А.Д.Горемыкина жалобу в Сенат. Причина – запрет со стороны директора народных училищ Иркутской губернии и

Иркутского генерал-губернатора допустить в качестве лекторов на народных чтения частных лиц. Вероятно, само по себе событие не стоило бы и внимания, но общественность в Иркутске сильно возбудилась по этому поводу. И вот, Правительствующий Сенат 29 сентября 1899 г., рассмотрев жалобу Корнилова отменил решение Горемыкина (ГА РФ.Ф.5102.ОП.1.Д.215.91 об)

Не думаю, чтобы А.Д.Горемыкин с радостью воспринял эту новость, но, что совершенно точно это никоим образом не отразилось на их взаимоотношениях с Корниловым. Они до конца жизни А.Д.Горемыкина оставались теплыми и дружескими.

Ничего плохого из этого забавного эпизода городской жизни не вынести. Типичный исторический анекдот об одном известном горожанине, где генерал предстает в самом симпатичном виде – добродушный и вполне вменяемый служака, со своим кодексом чести и представлениями об отношении к монарху.

Еще один исторический анекдот, который вспомнил Торгашев:

«Великий Сибирский тракт – Иркутск-Томск – был сплошной пыткой для проезжающих. Выбоины, провалы летом, а зимою, благодаря снежным заносам, «нырки», глубиною с сажень – это были такие дорожные ужасы, что и описать трудно. Ремонт тракта производился «натуральной повинностью», которая была настоящим бичом для населения и крупной наживой для уездной полиции. При Игнатьеве установили «повозный сбор» с проходящих обозов. Такой сбор достигал свыше 200.000 рублей в год, и эта сумма была назначена на ремонт тракта в 1500 верст. Попали денежки «повозные» в руки чиновных техников, а тракту от этого не легче. Чем больше на ремонт идет, тем тракт становится более непроезжим.

Поехал Горемыкин на ревизию. Даже подготовленный для его поездки тракт привел в ужас генерала. Только на одном участке генерал отдохнул,

тарантас его плавно покачивало на гибких дрожжинах. Ухабов ни следа, промоин не видать, и по мостам свободный проезд. Удивило это генерала. Потребовал к себе начальника участка.

– Как вы этого достигли? Во что вогнали версту?

Стоимость ремонта на версту поразила генерала своею дешевизной по сравнению с расходами на других участках.

– Да вы кто такой?

– Государственный ссыльный….

–Теперь я понимаю весь секрет, – ударил себя по лбу генерал.

По окончании ревизии тракта произошла коренная реформа дорожного управления. Во главе появился дельный инженер, а большинство начальников участков – государственные ссыльные, как Ляпицкий, Сикорский и др. Масса мелких подрядчиков была избрана также из ссыльных и до самого открытия рельсового пути тракт Иркутск-Томск – был в образцовом порядке» («Голос минувшего».1914. №10.С.145-146)

«В другую из своих поездок Горемыкин открыл массу злоупотреблений в волостях. Писаря были, главным образом, из уголовных ссыльных. И Горемыкин порекомендовал поселению приглашать в волостные и сельские писаря государственных ссыльных.

Так постепенно генерал, объявивший вначале войну «врагам государства», должен был сознаться, что эти враги не так уж плохи, и о гонениях, притеснениях уже не было и речи. Но курьезов было немало. Генерал по многим вопросам был малосведущ и часто влетал здорово.

В городе совершилось дерзкое убийство с ограблением. Виновные были преданы военному суду. Следствие установило существование шайки, долго оперировавшей в Иркутске. В поимке злодеев отличился один полицейский

чин, хотя главари и ускользнули. Горемыкин поторопился, представив это чина к награде. Затем в суде раскрылась картина, довольно неприятная для полиции. Обвиняемые указывали на чинов полиции, как на своих участников и, главным образом, на чина, отличившегося поимкой грабителей. Горемыкин рвал и метал. Он потребовал к себе этого вероломного полицейского на расправу.

В приемную входит полицейский офицер. Взвинченный донельзя генерал вскакивает

– Честь имею!... начал было вошедший.

– А! …Так вот ты какой негодяй?! – Набросился Горемыкин на него, весь багровый от гнева.

– Честь имею… снова начинает вошедший, пораженный такой встречей.

– Молчать! Я вам покажу , как нарушать присягу!...марать мундир…Я вас на каторге сгною!...

– Позвольте, ваше-ство, доложить…

– Молчать! Говорю, вам… Еще оправдываться смеете?...Сию минуту под арест! Вон!!! и генерал позвонил.

Вбежавший адъютант получил приказ отправить полицейского под арест. Но тут выяснилось маленькое недоразумение. Представлявшийся полицейский офицер ехал в Забайкалье на службу и проездом через Иркутск решил явиться к Горемыкину. Вызванный же для разноса полицейский чин любезно уступил свою очередь приезжему, и генерал, не узнав его, распек невиновного. Горемыкин извинился, даже отдал визит невинно обиженному.

Понемногу все сгладилось. Горемыкин был ценным человеком в том смысле, что всегда почти сознавал свои промахи, если ему их доказывали. И

со временем иркутяне зажили с генералом миролюбиво, насколько это было возможно» (Голос минувшего.1914. №10.С.146 -147)

Некоторые гуманитарные черты характера Горемыкина можно усмотреть в его всеподданнейших отчетах императору. В отчете за 1893-1895 есть раздел, обозначенный «Меры к улучшению учебной части и возвышению духовно-нравственного развития населения». Уже сама по себе постановка вопроса свидетельствует о том, насколько Горемыкина волновала эта проблема.

Например, он предлагал, чтобы обучаемые не отрывались от своей среды: «Население в пределах Иркутского учебного округа, привыкшее к широкому земельному простору, издавна ведет свое сельское хозяйство самым хищническим образом. Почти повсеместно вспашка земли без удобрения, с оставлением потом пахоты в залежь, выжигание старой травы, без ограждения при этом лесов от пожара, сплошная рубка леса – составляют обычное явление. Чтобы народная школа стала живым проводником в население правильного взгляда на хозяйственные занятия, необходимо, чтобы вблизи учительских семинарий учреждались сельскохозяйственные школы, с образцовыми при них фермами. Работая на ферме в свободное от классных занятий время ученики этих семинарий практически научились бы приложению преподаваемых им сведений к делу с применением усовершенствованных приемов и орудий производства.» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ.Д.584.Л.22)

Другими словами, Горемыкин в конце XIX в. предлагал создать учебно-производственное хозяйство. Они и были созданы спустя десятилетия уже в Советской России. Многие из них пережили 90- годы XX в., а отдельные успешно работают и по сей день.

Сам же Горемыкин очень способствовал появлению под Иркутском сельско-хозяйственной школы. 21 февраля 1893 года он возбудил перед

Министерством Земледелия и Государственных имуществ ходатайство об открытии в Иркутской губернии низшей сельско-хозяйственной школы на 40 учеников вблизи учительской семинарии. Такое же ходатайство он подготовил и для Енисейской губернии.

В январе 1895 года благодаря поддержке генерал-губернатора вблизи Иркутска открылось одноклассное училище с земельным участком при нем, для практических занятий сельским хозяйством. Горемыкин был убежден, что деятельность такого учебного заведения благотворно скажется и на взрослом населении деревни, «наглядно знакомя его с лучшими приемами и более совершенными орудиями хозяйства» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ.Д.584.Л.22). Горемыкин настолько верил в прогрессивность и полезность учебно-хозяйственных комплексов, что внес рассказ о них в свой всеподданнейший отчет императору. Ознакомившись с этим сюжетом, Николай II сделал пометку «Уверен».

Надо сказать, что будучи сам хорошо образованным человеком, Горемыкин увязывал успех в той или иной отрасли с наличием подготовленных кадров. Практически во всех его всеподданнейших отчетах этим вопросам отводилось внимание. Проблемы, накопленные годами, разумеется, не могли быть разрешены одномоментно. Тем более без соответствующих изменений в законах.

Горемыкин ратовал за увеличение числа образовательных учреждений, указывал на дефицит учителей. Особое отношение было у него к образованию в сельской местности, поскольку справедливо считал Иркутское генерал-губернаторство территорией с преимущественно крестьянским трудом. Горемыкин высказал идею о том, что в сельской местности учителя должны иметь собственное хозяйство на школьных участках размером в15 десятин. По его мнению, это будет отличным побудительным мотивом, как для учителя, так и его учеников на практике воплощать теоретические знания.

Ответственный подход был у Горемыкина и по отношению к важным для того времени промышленным отраслям.

К примеру, в Всеподданнейшем отчете за 1893–1895 гг. есть раздел, посвященный горному промыслу. А в нем сюжет о соледобыче. Соль, как известно, входила в число предметов первой необходимости. Даже вблизи Иркутска, где в селении Усолье издавна действовал старейший в России солеваренный завод, соль продавалась по очень дорогой цене. Начальник края ходатайствует об изъятии главнейшего солеваренного предприятия из частной аренды и развитии промысла казенными средствами. Такое уже практиковалось на Усть-Кутском солеваренном заводе. В итоге ходатайство А.Д.Горемыкина уважили и продажная цена соли значительно понизилась: с 70 коп. и 1 рубля 80 коп. до 46 коп. в Усолье.

Соляная модернизация затронула и Якутскую область, куда поставки важного продукта теперь пошли по новым ценам с казенных заводов. На 25 копеек цена за пуд упала в Якутске летом, а зимой снижение составило 1 рубль 35 коп! А ведь еще недавно соль в области рассматривалась как лакомство и предмет роскоши!

Судя по отдельным шагам Горемыкина, по тому окружению, которое складывалось вокруг него самого и близких ему людей в администрации, он вовсе не был противником взаимодействия даже с политическими ссыльными, не говоря уже об известных общественных деятелях губерний. Хорошо известно, что только благодаря его воле и поручительствам политические участвовали во многих известных экспедициях, в осуществлении культурных проектов. Он даже поощрял их участие в различных государственных программах, где их таланты и знания были очень востребованы.

Достаточно вспомнить так называемую Сибиряковскую экспедицию по изучению Якутского края, строительство Иркутского драмтеатра, учебных заведений и т.д.

В 1891 г. известный как в Сибири, так и далеко за ее пределами И. М. Сибиряков предлагает ВСОРГО средства на организацию работ с «целью исследования экономических и других условий жизни инородцев Якутской области». Непременным условием Сибиряков считал руководство экспедицией Д.А. Клеменцем. В 1892 г. этого активного участника хождения в народ, сосланного в Сибирь, избрали на пост правителя дел ВСОРГО. Он лично занялся организацией Сибиряковской экспедиции, определил структуру и масштаб работы, выбрал район исследования.

Д. А. Клеменц едет в Якутск, получает согласие от политических ссыльных Н. А. Виташевского, В, И. Иохельсона, И. И. Майкова, Э. К. Пекарского, В. С. Богораза-Тана, С. Ф. Ковалика, Л. Г. Левенталя и других принять участие в Сибиряковской экспедиции. Круг исследуемых вопросов был настолько широк, что свою работу Сибиряковская экспедиция закончила не через два года, как предполагалось, а только в 1896 г. Обработка научного материала продолжалась и в 1900-х гг. следующего века.

Думаю, в этом смысле начальник края совершил личный подвиг, разрешив экспедицию. Он допустил свободное перемещение не просто политическим ссыльным, а фактически цвету народнической антиправительственной партии – известным участникам героического хождения в народ. Вероятно делу помогло и то, что все они не были бомбистами, т.е. террористами, а попали в ссылку именно за антиправительственную пропаганду в 70-начала 80 гг. XIX века.

Надо понимать, в такой ситуации больше всех мог пострадать сам Горемыкин. Он шел на громадные репутационные риски. Не обошлось и без сложной внутренней борьбы, учитывая такие характерные для него черты

характера, как совершенно замечательное отношение к дисциплине, исполнению законов и указаний. Ему однозначно сложно было принять аргументы противоположной стороны. Но он рискнул и выиграл – экспедиция дала выдающиеся материалы и результаты. В выигрыше остались все.

Еще один, на мой взгляд, интересный эпизод, свидетельствующий о человеческих качествах Горемыкина. Он связан с болезнью И.И.Попова, редактора газеты «Восточное обозрение». Когда супруга Попова узнала о его болезни, она моментально отправилась из Европейской России в Иркутск. Попов писал: « Горемыкин отдал распоряжение почтовому ведомству, чтобы на почтовых стациях на тракту держали наготове для нее тройку лошадей и В. А. могла бы ехать без замедления» (И.И.Попов. Забытые иркутские страницы. Иркутск.1989. С.68)

Но вернемся к истории Сибиряковской экспедиции, которая без Горемыкина просто не состоялась бы.

Д. А. Клеменц, составивший себе имя, как ученый и путешественник, показал себя в качестве крупного организатора полевых исследований – впоследствии он был назначен директором этнографического музея имени Александра III. Участники экспедиции получили многочисленные награды, что вполне способствовало их дальнейшему участию в новых экспедициях и научных работах. Горемыкин прослыл в общественном мнении «хорошим» губернатором, дальновидным начальником края, ибо материалы были реально бесценны в первую очередь для принятия практических решений о земельном устройстве инородцев. Напомним, какие задачи ставил И.Сибиряков, выделив средства на организацию знаменитой экспедиции: «Мне важно, чтобы экспедиция насколько возможно выявила исторический ход развития жизни инородцев. Вымирают они или наоборот нарождаются и совершенствуются? Влияние на то и другое русской культуры. Крайне важно выяснить экономические условия жизни и данные влияния их

обуславливающие. Выяснить состояние образования, положение народного здоровья, продовольствия, меры, принимаемые для лечения эпидемических болезней и эпизоотий. Вопрос о проказе, поднятый госпожею Марсдэн…

…Для выяснения характера важно собирание сказок, поверий, пословиц, исследование обычного права.

…Важно также не одно описание современного положение инородцев, но и меры клонящиеся к улучшению их быта ….» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ.Д.126. Л,5)

Г. Н. Потанин восхищался Д. А. Клеменцем, тем, что в организации Якутской экспедиции он проявил очень большой такт и умение говорить с властями. «Мне бы ни за что не оборудовать это дело», – отмечал Г. Н. Потанин (Архив ЛО ИВ АН РФ. Ф.28.ОП.2.Д.269.Л.98)

Сибиряковская экспедиция была, по мнению М. К. Азадовского, последним крупным предприятием ВСОРГО.

В определенных ситуациях Горемыкин предстает как человек сентиментальный, заботливых по отношению к друзьям и сослуживцам.

Это иногда немотивированно – не специально, вырывалось в публичное пространство (эпизод с резервными лошадьми для супруги редактора «Восточного обозрения», прощание со своим сослуживцем А.А.Корниловым, с которым он состоял в приятельских отношениях до конца жизни и др.). Но и в редких письмах к разным людям эта его черта обнаруживалась особенно выпукло.

«…24 августа 1901 г. А.Д.Горемыкин – А.А.Корнилову

…Почтою также получил я, дорогой Александр Александрович, и присланную Вами копию с письма на высочайшее Имя: оно лучше всяких других характеризует Ваше обращение к Особе Государя и в выражениях

действительно верноподданного русского человека; но оно охватило предмет всеподданнейшего Вашего обращения так широко, что я не предвижу содержания резолюции, какая Вам будет обьявлена; да и будет ли она объявлена, так как лично за себя Вы не просите.

Радуюсь за Вас, что Вы пристроились к делу, которое Вам по душе; но Вы можете не только «нарваться», но непременно надорветесь: сидеть 14 часов в сутки за умственным трудом, с неизбежным участием сердца… Да это самоубийство! Скорее выписывайте к себе Наталию Антиповну и сына (к стыду, не знаю его имени), авось совокупными силами они изменят Ваш настоящий образ жизни. Если Вы сохранили ко мне доверие, то я решительно настаиваю на перемене Вашего образа жизни. Кроме редакторских занятий, Вам приходится посвящать несколько часов в сутки на постороннее чтение, на частные сношения… где же время для отдыха, для необходимого мациона? При усвоенных порядках, потерпите Вы, потерпит и дело во имя которого Вы так трудитесь, ясно? А сын? Измените распределение Вашей жизни… (ГА РФ.Ф.5102.ОП.1.Д.523. Л.7-8)

Эффективный управляющий

Если учесть все, что удалось сделать иркутскому генерал-губернатору А.Д.Горемыкину как чиновнику, то можно смело заявлять о его эффективном управлении огромной территорией. Практически все его предложения по улучшению жизни во вверенном ему крае получали оценки министров, председателя правительства, Сената, Госсовета и самодержцев, вначале Александра III, а затем и Николая II. Оценки выражались в том, что появлялись законы, распоряжения, вырастали реальные объекты: школы, больницы, училища, дороги, театры. А венцом всего становились реформы, которые уже затрагивали интересы не одной конкретной губернии, а всего населения большей части Восточной Сибири.

Исторические оценки зачастую бывают до обидного несправедливыми и порой веками идет их исправление. Это как раз тот случай. Когда написанное пером с трудом вырубается топором. Вот и в нашей истории имеются такие сюжеты. Кто-то пишет, что он не блистал административными талантами, кто-то отмечает его сентиментальность, умение признавать свои ошибки, другой заявляет о лояльности с чужим взглядам и т.д. и т.п.

Но в целом большинство различных оценок показывает чиновника – трудягу, карьериста в лучшем смысле этого слова, всю свою жизнь положившего (без пафоса и без патетики) на алтарь Отечества. В том массиве источников и литературы, который нам удалось оценить, нет ничего такого, что свидетельствовало бы о «гнусном» националисте, типичном крепостнике, чинуше, лентяя и стяжателе. Наоборот – о нем сохранилось немало добрых анекдотов, мифов и бытовых рассказов. Нигде нет ни одного документа, где бы зафиксировалось негативная оценка, высказывания о людях нерусской национальности, верований.

И мы не случайно решили оценить его эффективность как управленца. Начнем с дорог, которые всегда и везде были что в России, что в Сибири хуже любой критики. И не случайно пути сообщения в Иркутском генерал-губернаторстве входили в число самых востребованных задач, решить которые была призвана программа развития края, разработанная при императоре Александре III.

Важным оставался Московский тракт, который в условиях строительства Транссибирского пути и после его завершения играл важную стратегическую роль. По нему шли все перевозки для нужд строительства среднесибирского железнодорожного участка.

Именно при Горемыкине стало активно внедряться понятие «подъездных путей», которые должны были соединять отдельные территории генерал-губернаторства с Транссибом. К числу таки Горемыкин

относил дорогу на Лену из Тулуна, бывшему к тому времени большим трактовым селом. Эта дорога пролегала через селения Братское и Илимское и выходила на Усть-Кутскую пристань на Лене-реке. Передвижение по ней в два раза сокращало время движения грузов, следующих на Лену через Иркутск. Поскольку практика повозного сбора давала ощутимые средства для его содержания, Горемыкин предлагал установить подобный сбор и для дороги на Лену. Не случайно, Горемыкин стал инициатором устройства здесь почтово-пассажирского пароходства, которое способствовало доставке груза и перевозки населения. Мы видим в его лице вполне рачительного, расчетливого хозяина, который сознавал, что казенных средств на все не хватает и внедрял принципы частно-государственного партнерства.

Горемыкин согласовал с крестьянами-почтосодержателями возможность оставлять в летнее время по две пары лошадей на каждой станции Якутского тракта. Естественное сокращение почтовых лошадок экономило казне 105571 рублей в год! Таким образом, даже субсидируя пароходство (80 000 руб. – С.Г.), казна все равно экономила 25 000 р. годовых.

Горемыкин усиленно продвигал идею подъездных дорог и в Якутской области. Он организовал изыскания по устройству колесной дороги от Якутска к порту Аяну на Охотском море и установлению волока между рекой Колымой и бухтой реки Олы также на Охотском море.

Таким образом, он серьезно продвинул дело с обустройством удобного сухопутного пути к дальневосточным морям. А это имело колоссальное стратегическое военно-оборонное значение. Александр Дмитриевич мыслил по-государственному. В отчете императору генерал-губернатор писал: «Значение пути от Аяна к Якутску важно, во-первых для доставления в Якутскую область чайных грузов и других ценных товаров, привозимых в Аян из Владивостока морским путем, и, во-вторых для заселения долин больших рек Алдана и Маи» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ.Д.584. Л.7)

Горемыкин отметил удобность и отличные природные условия Аянской бухты. Она замерзает не ранее декабря, пароходы могут подходить довольно близко к берегу. И в этой связи удобная сухопутная дорога из Аяна в Якутск может приобрести огромное значение для торгового движения. Дело за малым – сохранить порто-франко в Аяне. И это, считал Горемыкин, необходимо прежде всего для бедного населения Якутии.

Далее Горемыкин высказывал идеи относительно Ольского пути на севере Якутской области. Дело в том, что к моменту составления отчета (конец 1895 года), грузы из Якутска в Колымский округ доставлялись вьюком на лошадях. Разумеется, стоимость такой доставки была чрезвычайно высока. В 1894 году по распоряжению Приамурского генерал-губернатора волок между Ольской бухтой и Колымой был обустроен. Стоимость товаров резко снизилась из-за удешевления перевозки. Горемыкин предлагал совместно обустраивать и этот важнейший путь.

В поле зрения Горемыкина оставались пути сообщения в Иркутской и Енисейской губерниях. Не без его поддержки А.М.Сибиряков получил привилегии по пароходному сообщению по Ангаре. Как раз в это время он занимался расчисткой русла Ангары в районе знаменитых братских порогов. Горемыкин очень надеялся, что Сибирякову удастся приспособить волок между реками Ангарой и Леной с выходом на Усть-Кут для облегчения и удешевления перевозки грузов. И хотя романтические слова типа «мечтать», не подходят для делового стиля высокого чиновника в погонах, но Горемыкин и правда мечтал о том, что удастся соединить системы трех великих сибирских рек для того, чтобы получить 3000 верст наиболее дешевого сквозного водного пути от Красноярска до Якутска.

Сколько угодно можно искать в действиях начальника края классовый подход, желание пополнить казну «за счет» народа, придумывая и объясняя его действия по реформам управления и землепользования, но никуда не деть его собственных слов: «Этим путем Якутская область и находящиеся в ней

золотые прииски будут вполне обеспечены в предметах главнейшей потребности и рабочими. Хотя большинство жителей Якутской области инородцы и могут обходиться в известной степени без хлеба, питаясь сушеной рыбой и мясом, но зато они подвергаются тем большим лишениям в случае скотских падежей (от нередких там бескормиц и эпизоотий) и при плохом улове рыбы, случающемся в последнее время все чаще…» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ.Д.584. Л.9).

Такое объяснение всех его управленческих шагов значительно проще и глубже одновременно, и доверяю я его собственным словам все-таки больше, чем разного рода домыслам на почве классовой толерантности и желания укрепить феодальные пережитки. Почему бы не согласиться с его тревогой и беспокойством за жизнь коренных народов? Конечно, это плохо стыкуется с рассуждениями некоторых историков, которые постоянно напоминают об эксплуатации населении в интересах одного дворянского сословия. Горемыкин, обеспокоенный трудностями, которые периодически испытывали жители отдаленных территорий, настаивал на том, что только дешевое и беспрепятственное сообщение приленского края с главными магистралями Сибири оградят население от перебоев со снабжением. Потому он составил и внес в Министерство Путей Сообщений проект о соединении рек Ангары и Лены железнодорожной узкоколейкой длиною 300 верст. Император, знакомясь с отчетом Горемыкина, сделал пометку в этом месте – «Что предполагалось сделать?»

Суть подхода начальника края к развитию путей сообщения в крае заключалась в том, что он исходил из экономической целесообразности. Это тем более верно, когда вспоминаешь о его роли в строительстве средне-сибирского участка Трассибирской магистрали. Конечно, значительный вклад его в это дело неоспорим, именно в его генерал-губернаторство первый поезд пришел 6 декабря 1895 года в Красноярск, а 16 августа 1898 г. в Иркутск. При нем были построены оба байкальских ледокола, при нем

началось строительство Кругобайкальского участка железной дороги. Во многом его стараниями железнодорожный путь прошел именно так, как он действует сегодня, а Иркутск не остался в стороне от магистрали.

Одним из важных вопросов при строительстве «сибирки» было рельсопрокатное производство. Разумеется, тащить рельс из центральной России оказалось дорого. Но ведь и после завершения строительства необходимо было иметь пополняемый ремонтный запас. В восьмом заседании Комитета сибирской железной дороги по инициативе А. Д. Горемыкина специально обсуждался вопрос о рельсопрокатном производстве.

На тот момент в крае специализированных предприятий не было. Появилась идея преобразовать в рельсопрокатный завод одно из действующих железоделательных производств. На самом заседании достигнуть положительного решения не удалось. К необходимому сроку решили в комитете, что «ни один из существующих в этой стране железоделательных заводов не может быть приспособлен к прокатке рельсов в необходимый срок». (Восточное обозрение.1894. 22 августа) И было принято предложение заводуправления Богословского горного округа о размещении госзаказа на Богословском заводе, который принадлежал супруге статс-секретаря Н.М. Половцовой. Завод брался поставить 5. 000 000 пудов рельсов по цене 1 р.58 коп. за пуд с доставкой в Кривощеково. Комиссию по этому вопросу официально возглавлял также А.Д.Горемыкин. Фактически в Богословском горном округе предстояло построить два завода – Богословский и Кузнецкий.

Не без помощи А.Д.Горемыкина получил правительственный заказ на изготовление рельсов для Средне-Сибирской железной дороги и Николаевский железоделательный завод, который располагался недалеко от Братского острога. Была выделана значительная ссуда, но уже к концу 1895 года Горемыкину стало ясно, что предприятие вряд ли справится с госзаказом. Дело в том, что новый арендатор предприятия, купец Глотов для

выполнения столь объемного заказа должен был брать новые ссуды. Собственного необходимого капитала у Глотова не было, передать в залог завод он не мог, поскольку владельцем его оставался купец Бутин. Горемыкину пришлось лично улаживать эту ситуацию. В отчете императору за 1893-1895 год Горемыкин предложил Министерству путей Сообщения осуществить «твердые меры». Император в это месте отчета сделал пометку «Необходимо!». Что касается Абаканского завода, который также рассматривался для производства необходимых конструкций для строительства, то Горемыкин проанализировал ситуацию с действующим там конкурсным управлением и …. Предложил, во-первых, прекратить его. А во-вторых, уведомил Министра Земледелия и Государственных имуществ о необходимости неотложных мер по оздоровлению предприятия.

Но так или иначе, а прокатка первых стальных рельсов в Сибири состоялась именно на Николаевском заводе. Случилось это 31 мая 1898 г. («Енисей». 1898. 3 марта)

Еще один важный момент – обеспечение строительства рабочими. Их не хватало. И тогда Горемыкин в законодательном порядке добился разрешения привлекать арестантов и ссыльных разных категорий Александровской ссыльнокаторжной тюрьмы. Генерал-губернатор получил право формировать ссыльнокаторжные и арестантские команды. Начальнику края разрешалось оплачивать их труд и определять самостоятельно размеры оплаты. Такие команды требовали конвоя и надзора. И в этом случае генерал-губернатор получил право привлекать к работам нижних чинов Иркутского и Красноярского резервных батальонов и конвойных команд Иркутской и Енисейской губерний, а также желающих поступить на службу льготных казаков.

По этому поводу ходило немало анекдотов и забавных историй. Редактор газеты «Восточное обозрение» И.И.Попов вспоминал такой эпизод: «…Правительство гордилось тюрьмой (Александровской – С.Г.),

охотно давало пропуски в нее и не обращало внимания на охранительные газеты, кричавшие, что в селе Александровском не каторжная тюрьма, а отель первого разряда. Она была гордостью нашего тюремного ведомства, и Галкин-Враской любил ссылаться на нее, когда обличали русские тюремные порядки. Результаты господствующих порядков в тюрьме не замедлили сказаться: процент исправляющихся значительно повысился, побеги совершенно прекратились. Большие партии арестантов отправлялись на работы по постройке Сибирской железной дороги без всякого конвоя, с одним-двумя надзирателями.

– Помилуйте, Александр Петрович, – говорил генерал-губернатор Горемыкин Сипягину, – ведь эти все арестанты свяжут ваших инвалидов-надзирателей, а потом справляйся с ними.

– Не беспокойтесь, ваше высокопревосходительство, мои «кадеты» дали мне честное слово и исполнят его.

И действительно – исполняли… Ни одного побега, никакого насилия, ни пьянства – и отменно хорошая работа. Многим из арестантов на работах по железной дороге сокращали срок заключения, и они стали вполне порядочными людьми» (И.И.Попов. Забытые Иркутские страницы. Иркутск.1989. С.21-22).

Вне всякого сомнения, с точки зрения психического состояния работа для ссыльнокаторжных была неизмеримо лучше, чем отбывать срок наказания в традиционных условиях. К тому же их труд оплачивался, более того сверхурочные работы оплачивались отдельно. Время, проведенное в работе, учитывалось в сроках наказаниях.

Каторжным, ссыльным арестантам, которые прибывали на железнодорожные работы и отличались хорошим поведением, даровались льготы. Одна из самых важных заключалась в сокращении срока наказания – 8 месяцев пребывания на железнодорожных работах засчитывались за год

наказания. При этом эти льготы суммировались с теми, что давались по царскому манифесту от 15 мая 1883 г. и царского указала 17 апреля 1891 г.

Посмотрим, насколько эффективно использовались отчеты Горемыкина, насколько результативным становилось знакомство с ними Николая II. Разумеется, крупных политических решений по итогам всеподданнейших отчетов А. Д. Горемыкина не принималось, но если исходить из главной миссии генерал-губернатора – блюсти порядок и заботиться о благосостоянии вверенной ему территории, то результатом он мог быть вполне доволен.

После знакомства императора с отчетами, многостраничный документ «защищался» на заседании Комитета Министров. Министры, зная его содержание, в случае возникновения вопросов после пометок императора, могли подготовиться к комментариям и принятию решений.

Знакомясь с всеподданнейшим отчетом за 1896-1898 гг. Николай II сделал пометку относительно ситуации с семенным хлебом в Енисейской губернии. В итоге проделанной работы в специальной справке сообщалось: «В исполнении Высочайшей отметки на всеподданнейшем докладе предложено было принять непременные меры к доставлению семенного хлеба на места ко времени посева. От Енисейского губернатора имеются донесения, что 12 апреля сего года за № 2215, им приняты меры к доставке в Кежемскую волость семенного хлеба на весну текущего года.» (ГАИО.Ф.25. ОП.ОЦ.Д.352. Л.122)

Читая отчеты и справки, понимаешь, что эффективность деятельности генерал-губернатора была чрезвычайно высока.

В 1896 году в Иркутской губернии собрали неважный урожай, а следующий год оказался еще хуже. Горемыкин не стал ждать голода. Он сразу предупредил Министерство внутренних дел, что понадобиться помощь в размере 300 тысяч четвертей хлеба. Правда до нее дело так и не дошло –

хорошие дожди исправили дело. Урожай хотя и оказался ниже среднего, но голода, слава богу, не случилось. Эта военная стратегия – работать на опережение, проявлялась практически во всей его деятельности, в особенности в сферах связанных с сельским хозяйством. Здесь он считал себя человеком осведомленным. В 1897 году по его же инициативе в Иркутске был сформирован при складе сельскохозяйственных орудий и семян комитет из людей, имеющих опыт именно в сельском хозяйстве и хорошо знакомых с торговым делом. Комитету было выделено 20 000 рублей на расширение операций склада. Дело пошло, да так хорошо, что за короткое время было распродано орудий на 18 тысяч рублей. Комитет создал агентурную сеть по губернии и стал распродавать или раздавать в виде ссуды семена. Оборот продаж составил 11 тысяч рублей. Видя, что крестьяне довольны деятельностью склада, « чтобы придать комитету большую устойчивость, имея в его составе научно подготовленное должностное лицо, я ходатайствовал перед Министерством Земледелия и Государственных имуществ об учреждении при Иркутском Генерал-губернаторе особой должности правительственного агронома, ведающего сельскохозяйственную часть…» (ГАИО.Ф.25.ОП.ОЦ.Д.352. Л. 9-10).

Благодаря личным стараниям Горемыкина Иркутское генерал-губернаторство было прекрасно представлено на Всероссийской художественной промышленной и выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году. Горемыкин лично списывался с теми, кто, по его мнению, просто обязан был принять участие в выставке, уговаривал представить образцы продукции, убежал в необходимости представить край в лучшем свете. Письма-предложения писал лично, формулировки были самые приятные. Все приглашения были индивидуальны, они обосновывались уникальностью производимой конкретной компанией продукции: «… желательно было бы, чтобы Сибирь заняла на ней подобающе себе место, как своими естественными богатствами так и промышленными изделиями, а потому,

будучи уверен, что Вы Милостивый Государь, согласитесь принять благосклонное участие в предстоящей выставке и экспонировать образцу добываемой Вами Ляпис-Лазури, имевшей такой громкий успех на Международной выставке в Чикаго…» (ГАИО.Ф.25. ОП. ОЦ.Д.587. Л.126).

Горемыкин учредил и возглавил «вспомогательный выставочный комитет». Он лично собирал пожертвования для будущей выставки. Итогом этой работы стала прекрасная экспозиция от восточно-сибирских губерний и Сибири в целом, и множество наград, полученных местными экспонентами.

Между тем, когда первоначально организаторы выставки обратились к сибирским предпринимателям с предложением участвовать в выставке, они ответили категорическим отказом. И лишь воля А. Д. Горемыкина, его личное участие в формировании экспозиции увенчались успехом.

Сейчас трудно себе представить Иркутск без его знаменитого драматического театра. Великолепное архитектурное творение встало недалеко от Ангары. Мало кто из губернских центров в России мог похвастаться таким удивительным каменным зданием, специально возведенным для театралов. Предыдущие театры в Иркутске периодически горели. Деревянные здания постоянно подвергались опасности. Вот и в 1890 г. произошел трагический случай и после пожара губернский центр остался без любимого храма Мельпомены.

Горемыкин был инициатором проекта нового театра в каменном исполнении. Разумеется, нужно было найти огромные по тем временам средства на строительство. В городской казне средств не было. Тогда Горемыкин стал лично обращаться к состоятельным сибирякам, иркутским купцам и промышленникам. Известно, что крупные пожертвования поступили от Я. А. Немчинова, И. М. Сибирякова, Ю. И. Базанова и В. П. Базанова, П. А. Сиверса… Неплохо было бы сделать памятную доску

или иной знак с указанием жертвователей, благодаря которым Иркутск имеет такое уникальное здание.

От меценатов поступило 141 600 рублей. Этих денег не хватило, и Горемыкин вновь обращался к состоятельным людям с просьбой помочь.

Был сформирован театрально-строительный комитет. 28 января 1892 г. состоялось его первое заседание. Председателем, как и ожидалось, избрали А. Д. Горемыкина, а товарищем (т.е. заместителем) иркутского губернатора К. Н. Светлицкого. Был организован всероссийский конкурс, на котором победил известный петербургский архитектор, профессор В. А. Шретер. В декабре 1893 г. проект был принят с незначительными доработками. 18 мая 1894 г. состоялась торжественная закладка здания, при которой присутствовал и А. Д. Горемыкин. 30 августа 1897 г. состоялось освещение и открытие Иркутского театра.

По мнению иркутской публики, А. Д. Горемыкин сыграл выдающуюся роль в строительстве театра. Он участвовал в строительстве нового иркутского театра, что называется «от» и «до». Участие это не ограничивалось формальной стороной дела. Он лично подбирал членов театрально-строительного комитета. К примеру, именно по просьбе А. Д. Горемыкина в его состав вошел А. А. Корнилов, известный в будущем российский историк и политик. Будучи чиновником администрации иркутского генерал-губернатора, в составе театрально-строительного комитета он отвечал за делопроизводство.

Что общего можно отметить в деятельности чиновника А. Д. Горемыкина в совершенно разных областях повседневной жизни? Сельское хозяйство, образование, просвещение, культура, администрирование? Эффективность – отличительная черта Горемыкина управляющего. Мелкими или крупными мазками в зависимости от условий и возможностей этот человек достигал поставленных целей. По военному

решительный, но расчетливый и вполне усвоивший придворные церемониалы, он делал все, дабы на его территории движение повседневной жизни приобретало позитивный ход.

Вместо послесловия

1 ноября 1899 года Александр Дмитриевич Горемыкин написал два письма – военному министру А.Н.Куропаткину и Министру Внутренних Дел Д.С.Сипягину. Напомним, Иркутскому военному генерал-губернатору шел 68 год. Письма в чем-то повторяют друг друга. Сохранились оба черновика, написанные Горемыкиным. Много исправлений, вероятно, писать о личном ключевым министрам, для служилого генерала было трудно. Оба послания носят конфиденциальный характер.

«Его превосходительству А. Н. Куропаткину.

Милостивый Государь, Алексей Николаевич,

На благосклонное желание Вашего Превосходительства слышать непосредственно от меня откровенный ответ, на случай возникновения вопроса о новом для меня служебном назначении, – я с полною откровенностью высказал, что перемещение в Петербург было бы для меня самым желательным, где теперь у меня больная жена, замужняя дочь и два сына: старший служит в Министерстве юстиции, младший студент IV курса в Институте путей сообщения Императора Александра I… Но и назначение на должность в провинцию было бы для меня драгоценным знаком всемилостивейшего внимания и я посвящу новому делу все мои силы и всю еще остающуюся у меня энергию.

К глубокому для меня огорчению, судьбе было угодно удостоверить меня безотлагательно, что я берусь за дело для меня непосильное, так как назначение, с которым сопряжены обширные разъезды и осмотры, мне более не по силам (рукой внесены исправления и абзац звучит так: «К глубокому

моему огорчению судьбе было угодно удостоверить меня безотлагательно, что мое здоровье уже не соответствует назначению, с которым сопряжены обширные разъезды и осмотры).

Приглашенный к Вашему превосходительству перед приходом поезда в Иркутск, я не мог снять галош вследствии полученного мной вывиха ступни при обходе ледокола, а из Иркутска на другой день, я был уложен доктором в постель вследствии оказавшегося у меня растяжения сустава и острого суставного и мышечного ревматизма в связи с нервным переутомлением. (внесена собственноручная правка: На следующий же день, по возвращении с Байкала в Иркутск, я был уложен доктором …)

Я встал с постели только сегодня; но полное восстановление здоровья потребует еще месячного лечения.

Так неожиданно сказался во мне недостаток сил, не смею скрыть, быть может, вследствие слишком долгого нервного напряжения, или моей собственно неосторожности.

В глубоком сознании такого состояния моего здоровья, я позволю себе почтительно просить Ваше Превосходительство сохранить (слово исправлено собственноручно на «припомнить») благосклонно в памяти это, неожиданное для самого меня, признание, в случае каких либо предложений о моем новом служебном назначении.

Повторяя глубочайшую признательность за высказанный Вашим превосходительством отзыв о результатах произведенных здесь осмотров, покорнейше прошу принять искреннее уверение в моем неизменном уважении и преданности Вашего покорнейшего слуги А. Горемыкина». (ГАИО Ф.25. ОП.3. Д.271 Картон 218. Л.1-4)

В том же духе было написано и письмо Д. С. Сипягину.

А уже 9 мая 1900 года в газете «Восточное обозрение» опубликовано извещение, что генерал-губернатор А.Д.Горемыкин, назначенный членом Государственного Совета, предполагает выехать в Петербург со скорым поездом в пятницу 12 мая. («Восточное обозрение».1900. 9 мая).

Газетная информация была точна. В назначенный срок А.Д. Горемыкин покинул Иркутск. Его генерал-губернаторство закончилось. Его ждал Государственный Совет.

Он только-только покинул губернию, которой руководил долгие годы, а в иркутской печати уже делались попытки оценить его многолетнюю деятельность на посту начальника края. Первым критиком, разумеется, выступила газета «Восточное обозрение». В сибирском обществе она считалась изданием демократического направления, во многом оппозиционной правительству. В передовице от 13 мая редакция предложила «припомнить те дела и мероприятия, которые были совершены» А. Д. Горемыкиным.

Главная заслуга Горемыкина, по мнению газеты, – «немаловажные преобразования», на необходимость которых указывалось в сибирской печати еще в 70-80 гг. XIX в. А именно привести и Сибирь к тому положению, «в котором находятся неземские губернии Европейской России». И вот движение к этой заветной цели сибирского общества начались, по утверждению редакции, с первого же года генерал-губернаторства А.Д.Горемыкина и совершены под его непосредственным воздействием. В 1889 г. был издан закон о переселениях, «который упорядочил стихийное и сильно стесненное до тех пор движение, которое затем развилось в девяностых годах, когда было приступлено к сооружению великого железнодорожного пути. Эти два фактора обусловили необходимость и даже неотложность преобразований, которые в 80-х годах лишь намечались в правительственных кругах» («Восточное обозрение».1900.13 мая)

Поземельное устройство крестьян и инородцев было одной из центральных тем в региональной повестке важнейших реформ. В Иркутской и Енисейской губерниях были проведены уникальные масштабные статистические исследования землепользования и хозяйственного быта сельского населения. Это началось еще в 1887 г. при предшественнике Горемыкина – графе Игнатьеве. Горемыкин не только способствовал завершению исследовательских работ, но и, ссылаясь на полученные результаты, добился проведения реформ. Именно он и его администрация спроектировали положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев.

Примерно в те же годы администрация Горемыкина проводит реформу крестьянского управления, в основе которой Временное положение о крестьянских начальниках. Именно крестьянские дела занимали основную часть его реформаторской деятельности.

А. Д. Горемыкин провел в названных губерниях судебную реформу, которая, по отзывам современников, «хотя и не дала еще, к сожалению, этим губерниям суда присяжных, но которая безусловно радикально изменит к лучшему прежние дореформенные суды, действуя в духе судебных уставов Императора Александра II» («Восточное обозрение». 1900.13 мая)

Завершая анализ деятельности А. Д. Горемыкина, газета «Восточное обозрение» писала: «Независящие от нас обстоятельства не позволяли нам всесторонне обсуждать те административные и законодательные мероприятия, которые проведены были за десять лет управления краем А. Д. Горемыкиным. По многим пунктам нам пришлось бы с ним разойтись, но многим из его мер мы могли бы только сочувствовать. И мы не сомневаемся, что генерал Горемыкин на новом высоком посту будет предстателем за интересы Сибири, которая в нем найдет компетентного толкователя своих нужд. Приведение Сибири в то состояние, в котором находятся земские губернии, завершение цикла реформ – является задачей нового генерал-губернатора» («Восточное обозрение». 1900.13 мая)

К реформаторских заслугам А. Д. Горемыкина современники относили также введение лесного надзора, управление государственными имуществами, реформы губернских управлений.

В вопросе народного образования «он всегда стоял на стороне светской, а не церковно-приходской школы». (Там же)

Многие, в том числе и «Восточное обозрение», считали, что рано или поздно логика реформ привела бы его к мысли о введении в Сибири земства.

Особо редакция остановилась на Иркутском драматическом театре, «построенном на деньги, им собранные, и строившийся под личным его неусыпным наблюдением».

Свою оценку деятельности А. Д. Горемыкина дал и А. А. Корнилов. Он служил чиновником особых поручений, занимал высокое положение в иркутском обществе и дружил с Горемыкиным до последних дней его жизни. В будущем Корнилов один из основателей кадетской партии, историк, общественный деятель. «Горемыкин как иркутский генерал-губернатор пробыл на своем месте одиннадцать лет. Я думаю, что со времени Муравьева-Амурского никто из предместников его не пробыл на своем посту так долго. Но не это составляет отличительную черту его управления. При нем построена великая Сибирская железная дорога, коренным образом изменившая условия существования края. При нем введена судебная реформа, хотя давшая суд без всяких присяжных заседателей, но радикально изменившая судебное устройство Сибири. При нем введено в Сибири новое поземельное устройство крестьян и при нем же изменено и управление крестьянами, причем не земскими, а крестьянскими начальниками. А отличие тут было не в одном только слове, и крестьянские начальники, по крайней мере, большинство из них, значительно отличались от земских. Наконец он же предполагал ввести в Сибири земское самоуправление, и не его вина, если эта реформа не осуществилась.

Я не хочу сказать, что Горемыкин был инициатором всех этих преобразований, но, несомненно, он употребил немало труда, чтобы они принесли как можно больше пользы. Я говорю лишь о главных преобразованиях, если не вспомнить все мелочные изменения в составе управления при нем и вспомнить тот образ жизни, который он вел, то невольно придется признать его одним из лучших генерал-губернаторов.

В нем было два недостатка: он был груб и он не любил Сибири, т.е. не считал ее не только отдельной самостоятельной провинцией, но даже и областью, требующей особого управления. В числе его ближайших сотрудников было мало лиц, желающих умело работать на пользу населения, и хотя второстепенные деятели были подобраны удачно, все-таки они не вполне делали свое дело так, как этого хотел Горемыкин. Сибирское же общество всякое лыко ставило в строку. Поэтому Горемыкин особенно дорожил таким сотрудником как я, который и с обществом сибирским жил вполне в мире, и этим может объясняться особенно теплое его расположение ко мне и повышенный тон его прощания со мною». (А. А. Корнилов. Воспоминания. Вопросы истории.1994. №3.С. 141-142)

А. Д. Горемыкин скончался в 1904 г. После этого в местной и центральной печати появилось немало некрологов, оценок деятельности А. Д. Горемыкина. Нам важнее всего оценки сибирского общества, с которым я уверен, у Горемыкина был связан один из самых плодотворных периодов жизни. Так вот, сибирская общественность оценила его как выдающегося государственного деятеля. Это было само по себе необычно. Сибиряки были скупы на похвалы в адрес начальствующих персон, а уж когда дело касалось генерал-губернаторов! Если почитать сибирские летописи, то характеристики начальников далеко не всегда были лицеприятными. Но Горемыкин точно заслужил почет и уважение.

«Телеграф принес печальное известие о смерти бывшего иркутского генерал-губернатора, члена государственного совета, генерала от инфантерии А. Д. Горемыкина…

…По отношению к городу Иркутску за А. Д. Горемыкиным есть одна общепризнанная заслуга – это прекрасный городской театр, построенный на деньги, им собранные, и строившийся под личным его неусыпным наблюдением. Городская дума в свое время поднесла А. Д. Горемыкину за этот ценный подарок городу почетное гражданство города Иркутска.

Покойным генерал-губернатором впервые был поднят и возбужден в высших сферах вопрос о введении земских учреждений в Сибири, к которым А. Д. относился с большим сочувствием.

В деятельности покойного значительнейшую часть его времени и внимания занимали крестьянские дела, и в этой сфере он обнаруживал наибольшую опытность и особенно сердечное отношение к нуждам и интересам сибирского крестьянина… Назначенный в 1900 г. Членом государственного совета Александр Дмитриевич представительствовал в этом высшем государственном учреждении за интересы Сибири и последние 4 года поддерживал постоянные связи с сибиряками.

Покойный имел все русские ордена до Владимира I-й ст. включительно, знак отличия 19 февраля 1861 г. и многие иностранные ордена. («Восточное обозрение». 1904. 12 июня)

Панихиды по Горемыкину в Иркутске проходили несколько дней…

Так вспоминали сибиряки честного чиновника, служилого генерала, сделавшего для края много полезных и нужных дел.

За несколько месяцев до кончины А. Д. Горемыкин в письме к А. А. Корнилову вспоминал о работе по проведению крестьянской реформы. По многим причинам настроение у генерала было грустное. Очень болела

жена, уже не было сына Всеволода, который подавал большие успехи в науках, смертельная болезнь уже прихватила и его самого. Но генерал крепился, внимательно следил за тем, что происходило в стране. 3 января 1904 г. он писал А.А.Корнилову: «Теперь читаю брошюру С.А.Короленко «Письмо о деревне». (Об этом произведении в то время много говорили в стране, уж слишком безрадостным показывал автор настоящее российской глубинки – С.Г.). Не решаюсь сделать оценки, т.к. еще не все прочел; но часто хватаюсь за сердце, когда читаешь приведенные сведения…да поможет Господь в беде попавшей России и облегчит положение народа. Пошли Бог урожайные годы». (ГА РФ.Ф.5102.ОП.1.Д.523. Л.14-14 об).

Генерал был исключительно искренен….

Быть членом Государственного Совета Российской империи было вне всякого сомнения почетно. А.Д.Горемыкин состоял в нем с 9 апреля 1900 г. Все члены Госсовета были распределены по различным департаментам. Горемыкин заседал в Департаменте промышленности, наук и торговли. Судя по всему, последние годы жизни не отличались активностью для всегда деятельного и эффективного бывшего Иркутского генерал-губернатора. Председателем горемыкинского департамента был бывший морской министр Н.М.Чихачев. В своих мемуарах В.Б.Лопухин писал: «Председателем департамента был совсем уже старый бывший морской министр адмирал Н. М. Чихачев, седой как лунь, с гробовым скрипучим голосом, по-видимому, совершенно не вникавший ни в одно из рассматривавшихся дел. Члены департамента были также малодеятельные. Припоминаю бывшего начальника военно-учебных заведений, круглолицего, молчаливого, за несколько лет присутствования в Государственном совете ни разу не открывшего рта генерала Махотина, далее жадного даже на односложные реплики старого бывшего иркутского генерал-губернатора генерала А. Д. Горемыкина». (В.Б.Лопухин. Записки бывшего директора департамента Иностранных дел. Санкт-Петербург. 2009. С.112.).

Горемыкин сильно болел и земной его путь близился к завершению, но судя по письмам своему бывшему подчиненному А.А.Корнилову, генерал сохранял интерес к текущей жизни, живо интересовался политикой, земскими делами.

А.Д.Горемыкин скончался в Петербурге 8 июня 1904 г. на 73 году жизни. Он был похоронен на Митрофаньевском кладбище.

В газете «Восточное обозрение» появился большой некролог «Александр Дмитриевич Горемыкин». В нем редакция подвела итог его длительной работы в Сибири.

… Здоровье Александра Дмитриевича пошатнулось еще в Иркутске, что и было причиной его ухода из Иркутска. В Петербурге болезнь осложнилась раком желудка. Несомненно, здоровье А.Д. пошатнулось еще более после смерти жены Елены Дмитриевны, скончавшейся в начале этого года. Последнее время А.Д. уже не мог принимать участия в заседаниях государственного совета и 8-го июня скончался, оставив по себе добрую память, как о человеке и как о выдающемся государственно деятеле, память о котором надолго сохранится и в Сибири. («Восточное обозрение».1904. 12 июня.№139)

В своих мемуарах бывший политический ссыльный, редактор газеты «Восточное обозрение» И.И.Попов писал: «При мне в Иркутске сменилось четыре генерал-губернатора и столько же губернаторов. Обыкновенно иркутяне сожалели уезжавшего, хотя, когда он находился у дел, ругали его. Первое время меня удивляло такое отношение обывателя, но вскоре я понял причины и даже правильность отношения.

– Как же не жалеть! Пришлют не лучше, а хуже…— это была одна из причин, почему сожалели уезжавшего. Другая причина была та, что генерал-губернатор и губернатор за время своей службы обламывался и обсибирячивался. Это «обсибирячение» особенно ярко сказалось на А. Д.

Горемыкине. Вначале Горемыкин всюду видел сепаратистов и был неукоснительным проводником централистических идей. Так же относился он неблагосклонно и к политическим. Но подозрения в сепаратизме сибиряков у него смягчились, и если в газете вытравливались всякие указания на областничество, то это делалось не столько уже Горемыкиным, сколько цензором. Горемыкин же первый поднял вопрос о сибирском земстве. Число ссыльных в Иркутске за время его генерал-губернаторства возросло раза в три-четыре. За 11 лет своего правления Горемыкин сам стал относительно сибиряком. Ему не хотелось уезжать из Сибири – он мечтал умереть в ней. Он полюбил Иркутск. Благодаря ему, в городе явился хороший театр, он много хлопотал, чтобы железная дорога не прошла мимо Иркутска. По мнению Петербурга, он «засиделся» в Сибири и подрастерял те идеи, с которыми приехал в Сибирь. А. Д. назначили в Государственный совет. Иркутяне проводили его традиционным обедом. Городская дума после его отъезда, когда он уже не был начальником края, избрала его за постройку театра почетным гражданином города Иркутска. (И.И.Попов. Забытые иркутские страниц. Иркутск.1989.С.113-114).

На знаменитой картине великого русского художника И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года», созданной в честь 100-летия высшего законосовещательного органа Российской империи, в числе восьмидесяти одного члена Государственного Совета Российской империи запечатлен и генерал от инфантерии А.Д.Горемыкин.

Всего сто лет минуло с того момента, когда император Александр I учредил Государственный Совет. А сколько судьбоносных событий вобрал в себя этот век! В нем оставил свой след генерал Александр Дмитриевич Горемыкин.

Приложение 4

Станислав Гольдфарб Непрочитанный Исаак: жизнь и любовь революционера-социалиста, писателя Гольдберга

Биография Исаака Гольдберга – моя четвертая книга из серии «Имена Сибири» о литераторах Сибири. Как и все предыдущие, она несет в себе особое начало, потому что ее главный герой творил со своим ощущением Сибири.

Первой биографией стала история жизни коренных сибиряков, иркутян: писателя Анатолия Шастина и его жены, фольклористки, профессора Елены Шастиной. Они состояли в прямом и близком родстве с Георгием Марковым, создателе эпопеи «Строговы». Мало кто знает, что в годы репрессий и последующего лихолетья Г. Марков уберег многих сибирских писателей от репрессивной машины. Сам он долгое время жил в глухой тайге, хоронясь от вымышленных доносов и ареста. Потом вернулся «в мир» и возглавил Иркутское отделение Союза писателей, а позднее и весь писательский союз СССР.

Затем я опубликовал биографию поэта Марка Сергеева, звезда которого взошла в 50–60-е годы XX века. Он стал одним из зачинателей декабристской темы в литературе. Книги, посвященные женам декабристов, которые добровольно отправились за мужьями в сибирскую каторгу и ссылку, издавались огромными тиражами. Краевед, драматург, режиссер, библиофил, он продолжил лучшие краеведческие традиции Иркутска, культурной столицы края.

Следом вышла книга о Юрии Левитанском. Часть его жизни прошла в Иркутске – более десяти лет (40–50-е годы XX в.). Этот этап его биографии выпал из поля зрения исследователей. А ведь Левитанский стал предтечей знаменитой «Иркутской стенки» – неформального объединения молодых писателей, в числе которых мы видим Распутина, Вампилова, Шугаева, Скопа, Машкина и др. Они могли слушать его поэзию, общаться с ним на творческих семинарах и вечерах. Левитанский пришел совсем с другими образами, строками и литературным стилем. Ничего похожего до сих пор в Сибири не было.

Творчество Левитанского, Шастиных, Сергеева – итог накопленной истории. Они вышли из культурного гнезда, которое формировалось предыдущими поколениями сибирской творческой интеллигенции. Левитанский, хотя и не был сибиряком по рождению, но за годы,

проведенные в Сибири, также испытал влияние иркутского культурного пространства, где история, завершая круг, явила обществу замечательные образчики творчества.

В 20–30-е годы таким творцом предстает Исаак Григорьевич Гольдберг, который, несомненно, внес свой вклад в эту накопленную историю и во многом предопределил появление талантливой творческой молодежи.

Еще при его жизни, с легкой руки Максима Горького, делались попытки закрепить за Гольдбергом образ «зачинателя советской сибирской литературы». С главным пролетарским писателем не спорили, к тому же Гольдберг считался первым в сибирской литературе, и на самом деле он был удивительно талантлив и разносторонен. Его много и охотно издавали центральные книжные издательства, к середине 30-х гг. XX в. сибирский писатель получил уже всесоюзную известность. Складывалось впечатление, что еще чуть-чуть и Исаака Гольдберга вознесут в прижизненные классики советской литературы.

Но закрепить за ним высокое имя «зачинателя» не успели – писателя арестовали в 1937, обвинили в заговоре против руководителей большевистской партии и расстреляли в 1938 году. Силы и влияния главного пролетарского писателя, чтобы защитить Исаака Григорьевича, не хватило. Книги «врага народа» изъяли, многие десятилетия о нем и его произведениях не вспоминали. Несколько поколений читателей, критиков и литературоведов не имели возможности познакомиться с его литературным наследием.

Как известного в прошлом эсера, его могли уничтожить гораздо раньше – к примеру, в 20-х гг. XX в., когда большевики яростно боролись с социалистами-революционерами за власть, за «единственно правильный путь развития» России. Напомню, что эсеры, так же, как и большевики, меньшевики, энесы, левые эсеры представляли разные направления в российском социалистическом течении. Нужно понимать, что поколения участников героического хождения в народ 70-х гг. XIX в., – областники, большевики, и все перечисленные выше – имели один родовой корень –

социализм. Но точно так же, как в любой другой революции, рано или поздно общее основание разбивается вдребезги и наступает время внутриродового конфликта. Большевики уничтожали меньшевиков и эсеров, левые – правых и т. д. Тогда многие, куда менее известные деятели революционного движения, сложили головы под гильотиной репрессий. Гольдберг был известным эсером, публичным антибольшевиком. В своих публицистических статьях 1917-1918 годов он обличал будущий режим и его лидеров так бескомпромиссно, что, казалось бы, шансов на спасение не было. Но хотя физическая угроза жизни незримо «висела» над Гольдбергом, но каким-то чудом вплоть до 1937 г. она оставалась именно угрозой. Внешне он вписался в новый строй и даже принял новую идеологию.

Судьба Гольдберга просто трагична, кажется, что испытания выпадали на его долю нескончаемой чередой: длительная ссылка, крушение революционных идеалов. Жизнь его оборвалась насильственно, без суда и следствия; он так и не смог воссоединиться с женщиной, которую очень любил. Анна Кроль, дочь политических ссыльных, эсеров, была вынуждена уехать к родителям в эмиграцию вначале в Харбин, затем в Париж. Сохранились письма Исаака Гольдберга к ней, которые читаются на одном дыхании – такая в них энергия любви, чистый и романтический звук. Они впервые опубликованы в этой книге.

Имя Гольдберга до сих пор не увековечено: нет библиотеки, школы его имени... Нет улицы, переулка, сквера. Признаемся: забвение замечательного иркутянина продолжается и это странно, учитывая, что до 1937 года он был самым издаваемым и популярным иркутским автором, отмеченным лучшими писателями страны. Прекрасный писатель, он был революционером, но не террористом, не экспроприатором! Его имя могло бы стать напоминанием о человеке, который стремился сделать жизнь чуточку лучше и добрее…

Путь Гольдберга прервался в 1938 году, но за пять лет до трагической развязки, в 1933 году его с помпой и пафосом поздравляли с 30-летием литературной деятельности. Решение о праздновании юбилея принималось на уровне всесоюзных административных органов. Такого возвеличивания не был удостоен ни один российский сибирский писатель ни до, ни после него.

В юбилейную дату сибирские газеты и журналы завалили Исаака Гольдберга поздравлениями. Большевики вообще обожали круглые даты. Но тут особый случай – чествование талантливого литератора. К писательскому слову большевистские лидеры относились с особым пиететом, возможно, потому, что практически все они в той или иной степени были причастны к

литературному труду – изданию подпольной литературы в ссылке, писательству в эмиграции, работе в газетах на поселении. В. И. Ленин вообще называл себя журналистом.

И не будем забывать об особенностях Великого Октября. Российские революции, будь то первая в 1905 г., вторая – буржуазно-демократическая в 1917 г. или третья – социалистическая в том же году, несли мощный митинговый заряд. Они требовали безостановочной массовой пропаганды и агитации, пламенных речей и талантливых ораторов. Слово с трибуны играло выдающуюся роль! Гольдберг был отменным оратором и неслучайно ему поручали оглашать важные заявления и воззвания в местах массового скопления горожан.

Объективности ради отметим, что вообще пройти мимо юбилея И. Г. Гольдберга не могли. Власть явно искала повод послать писателям сигнал – помним, видим, уважаем «своих» литераторов! Это был посыл и тем сочинителям, которые разбрелись по всему свету, – вот как справедливо поступает новая власть с теми, кто боролся против нее. С точки зрения большевистских идеологов, Гольдберг – хороший воспитательный пример: бывший активный эсер, лидер иркутских социалистов-революционеров, уверовавший в большевистский социализм. Даже если внутри он оставался все тем же антибольшевиком, то внешне все выглядело законопослушно.

Все было при нём: великолепный русский язык, замечательный стиль изложения, увлекательные сюжеты, приличные тиражи и прекрасная продажа книг. Он глубоко прочувствовал ритм новой советской жизни, где обнаруживалось много положительного. В начале 20-х гг. XX в. Гольдберг оставил политику, навсегда забыл о партийной работе и целиком сосредоточился на писательстве. Он стал общественным деятелем, публицистом и наставником молодежи.

На праздновании юбилея, безусловно, среди многих поздравлений главным было приветствие Максима Горького:

«Дорогой Исаак Григорьевич! Примите мой искренний и почтительный поклон. Мне кажется, что я довольно четко и живо могу представить себе, что значит и сколько требует сил тридцатилетняя работа в областной литературе за пределами внимания литераторов и критиков центра. Известно, что оные критики в литературе отличаются постыдным и непонятным безразличием по отношению к литературе областей и союзных республик…

…Еще раз повторяю свое поздравление и желаю Вам, Исаак Григорьевич, душевной бодрости, успехов в работе, доброго здоровья. Начинаю понимать, что сие последнее – весьма ценная штука. Крепко жму руку Вашу. Пешков».

В «Восточно-Сибирской правде» появилась большая литературно-критическая статья, посвященная Гольдбергу. Пока его не объявили врагом народа, славят и поздравляют. Можно ли разглядеть в бравурных речах или замечаниях в адрес юбиляра штрихи приближающейся трагической развязки?

Все дело в игре разума. Внутрипартийная борьба, которая предшествовала годам большого террора, разумеется, спровоцировала трагедию вселенского масштаба. В России всегда все масштабно и по-крупному! На кону стояла власть! Борьба за ее удержание началась задолго до публичных судебных процессов, массовых репрессий. Был период подготовки и именно тогда кто-то с карандашиком в руках подчеркивал пока еще безобидные замечания, систематизировал, раскладывая по папкам. Сплетаясь воедино под крышкой скоросшивателя, эти замечания составляли дело об очередной контрреволюционной организации, шпионской сети, террористическом заговоре против руководства партии.

Гольдберга можно было «зацепить» за многое. К примеру, за то, как он осмысливал тему трагедии и обреченности белой армии и её офицеров. Она у него настолько пронзительна, насколько может быть пронзительна трагедия народа, одна часть которого не могла понять и простить другую. Критик задавался риторическим вопросом: «Нужна ли была такая тема советской литературе?» И сам отвечает: «Да, нужна. Тема эта трудная. Нужно было уберечься и от дешевой сентиментальности, но не надо было ударяться в противоположное, что очень часто делают, когда писателю под руку попадается белый офицер, рецепт очень прост: френч, усы, фуражка. В одной руке нагайка, в другой револьвер, во рту матерная брань, а в кармане недопитая бутылка коньяка. И все белые здесь на один фасон». (Восточно-Сибирская правда. 1933. 4 декабря).

Так что папочка с материалами на всякий случай собиралась…

В том, что Исаак Гольдберг и по сей день остается малоизвестным писателем, а вся его предыдущая деятельность и вовсе не изучена, кажется, нет злого умысла. Многих сибирских писателей и поэтов «увели» в тень

обстоятельства, очень схожие с теми, в которые попал Гольдберг. Но его обязательно вспомнят! И эта книга – попытка приблизить время переоценок.

Итак, это жизнеописание человека трагической судьбы, чья личная история преднамеренно искажена. К примеру, Гольдберга обвиняли в идеологической измене идеалам большевизма, которых у него изначально не было. Но он остался в стране, отошел от политической деятельности, и в итоге был признан новой властью. В какой-то момент так обласкан, что, казалось, вот-вот ему поставят памятник при жизни. Могли ли найти что-то такое в его сочинениях, что действительно шло в разрез с общепринятой тогда моралью и философией? Разглядели ли в его словах что-то такое, что могло навредить «завоеваниям революции»?

Процитирую письмо писателя и преподавателя Иркутского педагогического института Г. Кунгурова, персоны неоднозначной и противоречивой. Не одно десятилетие он был в центре культурной жизни Иркутска. Отдельные его художественные и научные труды до сих пор используются исследователями и не потеряли своей свежести и актуальности. Но он же слыл гонителем талантливых литераторов и ретроградом. В одном из писем, рассуждая о статье известного сибирского критика и литературоведа Н. Яновского для альманаха «Ангара», Кунгуров писал: «…Статью Яновского я прочитал еще до получения от него письма и текста, так как тов. Н. Яновский послал статью для альманаха "Ангара". Бесспорно, автор много и плодотворно поработал над творчеством Ис. Гольдберга, дал подробный и во многом обоснованный художественный анализ ряда произведений.

Нам тоже пришлось заниматься Ис. Гольдбергом (его творчество в поле внимания А. Ф. Абрамовича для "Литературного календаря Сибири"). Поэтому важно установить какую-то единую объективную точку зрения на роль и место этого, бесспорно, талантливого писателя Сибири, так несправедливо (по известным причинам) забытого. Но с рядом несколько апологических утверждений т. Н. Яновского согласиться нельзя, ибо они не отвечают объективной правде, они искажают историческую перспективу.

Тов. Н. Яновский пишет, что Ис. Гольдберг был в числе "зачинателей Сибирского литературного движения". Мы с этим не согласны. Настоящее литературное движение началось без Ис. Гольдберга, он был в это время в противоположном лагере, как эсер, а разве ту работу можно считать началом литературного движения в Сибири? Между прочим и сам т. Н. Яновский пишет: "Будучи с ранних лет связанным с буржуазной интеллигенцией, Ис.

Гольдберг, начиная с 1904 года вплоть до Октябрьской революции, всюду выступал как эсер". Тов. Н. Яновский утверждает, что Ис. Гольдберг был "активным деятелем по собиранию и объединению культурных и литературных сил огромного края".

Конечно, это справедливо в какой-то мере, но страстными политически верными собирателями всех культурных и литературных сил Сибири были другие товарищи. Неточно и такое утверждение т. Н. Яновского: "И только в годы колчаковщины, вероятно, чувствуя противоречивость своей политической позиции, он после двукратного ареста отходит от политической деятельности".

Во-первых, к великому сожалению, Ис. Гольдберг тогда, в период колчаковщины, активно с белыми сотрудничал, он редактировал с позиций эсера колчаковскую газету; во-вторых, никогда не отходил от политической деятельности. Верно указывая, что только в период Советской власти Ис. Гольдберг по-настоящему расцвел, тов. Н. Яновский как бы боится умалить достоинство Ис. Гольдберга, робко говорит о его ошибках в этот период. История требует правды, и нельзя задним числом ее подправлять.

С разбором произведений в основном можно согласиться. Однако мне лично кажется, что и "Тунгусские рассказы", которые т. Н. Яновский называет "правдой об эвенках", страдают существенными изъянами, они слишком натуралистичны.

Трудно найти произведение Ис. Гольдберга, к которому при переиздании (а переиздавать их, бесспорно, надо) не требовалось бы предисловие или послесловие. Причем в этих статьях, как правило, приходится говорить о недостатках идейного характера и не только с точки зрения нашего времени, но и с позиций современников автора».

Это писал в 70-х гг. XX в. Г. Кунгуров, литератор со стажем, профессор, исследователь. Что говорить о современниках, которые в 20-х годах XX в. еще терпели плюрализм мнений, а в 30-е в массе своей голосовали за физическое уничтожение всех и каждого, причастного к небольшевистской идеологии! Формально Кунгуров был прав. Ведь если внимательно «почитать» Гольдберга, то «странных» страниц в его книгах действительно много, и потом, мог ли Гольдберг, яростный антибольшевик, переоценить свои взгляды? Не предать, не забыть, а именно переоценить? Думаю, работал инстинкт самосохранения, думаю, он никогда и не отходил от тех идей

эсеровской идеологии, которые несли в себе народническую веру в крестьянство.

Я назвал эту книгу «Непрочитанный Исаак». Почему? Несмотря на опубликованные источники и литературу, биография Исаака Гольдберга, сибирского революционера и писателя, по объективным причинам сложена мозаично, с большими пропусками и умолчаниями. Революционная деятельность, политическая работа и членство в одной из основных российских политических партий – социалистов-революционеров (эсеров) требуют более пристального внимания. Нужно изучить его публицистическое наследие, сохранившееся в сибирских газетах. Значительное число важных источников вообще не было использовано, поскольку было недоступно. И, конечно же, эпистолярный архив – его письма к Анне Кроль, обнаруженные нами в одной из коллекций Российского государственного архива литературы и искусства. Свод писем с 1925 по 1933 годы! Сотни рукописных страниц переписки, в которой его творческая и общественная жизнь, быт и драма любви, его писательская лаборатория, переживания, искания, наконец. Эти письма никогда не использовались в литературоведении и впервые опубликованы во второй части книги.

Таким образом, для создания этой биографии Ис. Гольдберга основой послужили фонды российских архивов, периодическая печать, в том числе партийная, исследовательская и мемуарная литература. К, сожалению, неизвестна судьба личного архива писателя. Возможно, когда-нибудь он будет найден. И тогда возникнут новые сюжеты и новые главы биографии человека, который, вне всякого сомнения, был ярким представителем сибирской провинции.

Начало

Исаак Григорьевич Гольдберг родился 27 октября (по старому стилю, 8 ноября – по новому) 1884 года в Иркутске в семье ссыльного кузнеца. Сразу оговоримся, ссыльный был не из политических и попал в Сибирь не как участник антиправительственной деятельности. Осужден кузнец был за «оскорбление действием» помещика. Ссылка в далекий край случилась по уголовной статье. В данном случае помещику досталось от вспыльчивого кузнеца кувалдой. История умалчивает, по какому случаю кузнец-еврей учил уму-разуму помещика, насколько учеба была продуктивной, и что в итоге стало с помещиком. Семья Ис. Гольдберга была многодетной. Кроме него

самого, было еще пять братьев и сестра. Все дети умели читать и писать. Сам Исаак в 1902 г. окончил Иркутское городское училище.

Исаак Гольдберг был человеком своего времени, которое отправляло честных, романтически настроенных людей в революцию. С ученических лет он втянулся в антиправительственную деятельность. Обучаясь в училище, он стал членом ученического кружка, в котором шла пропаганда эсеровских идеалов. Это неудивительно – и сам кружок, и его работа были под патронажем местных эсеров. М. В. Шиловский цитировал воспоминания Гольдберга: «В городе существовали "гнезда", вокруг которых группировалась партийная и сочувствующая публика. Это были своеобразные полулегальные "партийные клубы", где вечно кипело, шумело, бурлило молодое. Поближе к железнодорожникам, в Глазковском предместье, на переселенческом пункте, у Сосниных, у Мерхалевых было пристанище для приезжей партийной публики независимо от группировки (партийной принадлежности – М. Ш.)».(Личность в истории Сибири. Новосибирск. 2007. С.174)

Члены кружка издавали литературно-публицистический журнал «Братство». Первые три номера (февраль – апрель 1903 г.) размножались на гектографе, два последующих – на пишущей машинке в шести экземплярах. В нем Гольдберг публиковал свои литературные опусы. Журнал быстро попал в поле зрения местной жандармерии, а участники его были арестованы. Гольдберг был освобожден под залог в 500 рублей, предоставленный 21 января 1904 г. В графе «причины изменения меры» значится: «Чистосердечные показания, несовершеннолетний возраст и отсутствие оснований предполагать, что он скроется от следствия и суда».

В конце 1904 г. в Иркутске сформировалась группа учащихся-эсеров, в которой состояли Г. И. Бланков, А. А. Ильяшевич, П. К. Казаринов (известный в дальнейшем исследователь и общественный деятель), А. И. Карташева, В. В. Максаков, И. И. Серебренников (известный в дальнейшем исследователь и общественный деятель), Ис. Гольдберг, М. К. Азадовский и другие. (Иркутская летопись.1661-1940. Иркутск. 2003. С.164).

Таким образом, Гольдберг проходит классический путь революционера: участие в легальных ученических кружках, разного рода сходках, конкретных мероприятиях антиправительственного направления, следом – переход с легального на нелегальное положение. Он много передвигается по Сибири, участвуя в различных литературных изданиях, редактируя партийные общественно-политические газеты.

Судя по воспоминаниям, официально в партию Ис. Гольдберг вступил накануне первой русской революции в 1904 г., т. е. в 20 лет. Одним из первых мероприятий, в котором он «засветился» как участник антиправительственных акций, стало участие в первомайских протестах иркутской молодежи 1 мая 1905 года. Молодежь сорвала спектакль в драматическом театре, пела «Марсельезу», разбрасывая изданные Иркутским комитетом РСДРП прокламации.

Революционные события 1905 г. он встречает в рядах Иркутской еврейской дружины самообороны. Это не какая-то особенность революционного Иркутска. Подобные дружины были сформированы в большинстве российских городов. Осенью 1905 года Ис. Гольдберга арестовали в числе других членов штаба эсеров. Тогда генерал Ранненкампф наводил порядок исключительно карательными методами: арестовывал, сажал в тюрьмы, расстреливал. Его приезд в Сибирь так и называли – «Карательная экспедиция Ранненкампфа». Гольдберг попал в «Список известных иркутскому охранному отделению лиц, находящихся по сведениям в г. Чите и других местностях Забайкальской обл.», проходил под номером 12. Ориентировка выглядела так: «Гольдберг Исаак Гершев, иркутский мещанин, 20 лет, небольшого роста, брюнет, небольшие усы, лицо сухое. Волосы на голове длинные, цвет лица смугло бледный. Глаза бегающие. Походка ровная. Одевался: черное ватное пальто, черная мягкая шляпа. Может возвращаться в Иркутск из Читы». (Карательные экспедиции в Сибири. М.-Л., 1932. С.240)

В итоге Гольдберг оказался в ссылке. Сведений об этом периоде его жизни немного, так как он не представлял особого интереса для бытописателей. Сотни таких же, как он, были арестованы и сосланы в отдаленные уголки Сибири. Впрочем, кое-что в памяти современников осталось. Милитина Ивановна Коненкина вспоминала: «Однажды одному из ссыльных нужно было съездить в Киренск. За несколько дней до этого Исаак Григорьевич приносит мне кусок брезента и просит выстирать. Затем принес клеенку с написанным на ней текстом и попросил осторожно пристрочить к брезенту, как латку. По его просьбе я из брезента сшила сумку с лямкой. Исаак Григорьевич попросил меня никому не говорить о сделанном. Я спросила его, для чего все это, а он мне ответил: "Ты ещё молодая, знать рано тебе". А потом добавил: "Ах, Милька, Милька, если б ты знала, какое большое дело ты сейчас делаешь!" Через несколько дней мы провожали ссыльно-переселенца до следующей деревни. Я заметила на его плече свою сумку… Вспоминая сегодня Исаака Григорьевича, я говорю о том, что он

был добр к людям и хотел всем добра, готов был от себя отнять все, лишь бы облегчить горе и нужду бедного народа, нашего тунгусского народа. Наша семья была бедной, отец погиб в 1905 году. Исаак Григорьевич жил у нас». (Библиофил Сибири. Иркутск. 1988. С. 226).

Революционная работа не мешает ему заниматься литературной деятельностью. В 1906 г. публикуется в «Первом литературном сборнике сибиряков» (Томск, 1906 г.), в 1906–1907 гг. работает ответственным секретарем читинской газеты «Забайкальская новь», опубликовал здесь около двух десятков больших статей. Слог двадцатидвухлетнего журналиста-самоучки крепнет, душевность письма и юношеский задор заразительны. (П. В. Забелин. Путь, отмеченный на карте. Иркутск. 1971. С. 30.)

В июле 1907 г. Ис. Гольдберг возвращается в Иркутск и его арестовывают, затем выпускают, но 1 сентября он вновь в тюрьме. Судя по всему, его вновь освобождают, но 26 ноября опять арестовывают, причем в иркутском городском театре, где в этот вечер давали спектакль «Губернская Клеопатра». Его отправляют в ссылку – вначале в Братский острог, а затем на Нижнюю Тунгуску, в село Преображенское (1910–1911 гг.).

Один из первых биографов Гольдберга – иркутский ученый и писатель П. В. Забелин – сообщает о начале ссылки: «Трескучим декабрьским днем 1907 г. из ворот иркутского тюремного замка конвоиры, ежившиеся от холода, вывели партию арестованных... (в этой партии был и Ис. Гольдберг – С. Г.). Недавно ему объявили волю иркутского генерал-губернатора Селиванова: "На основании правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении... высылается на время военного положения иркутский мещанин Гершев Гольдберг в Братский острог Нижнеудинского уезда"».

К месту ссылки Гольдберг прибыл в январе 1908 г. А 16 мая распоряжением генерал-губернатора он отправлен под надзор полиции в с. Преображенское на Нижней Тунгуске. Новое место ссылки – наказание за целый ряд противоправных с точки зрения власти действий в Братском остроге.

Как протекала жизнь конкретного политссыльного Исаака Гольдберга, во всех деталях рассказать сложно – никто, как и он сам, не оставил описания. Частная жизнь его чуть-чуть приоткрывается благодаря воспоминаниям М. И. Коненкиной, состоявшей в переписке с П. В. Забелиным. Из этих писем следует, что в жизни Гольдберга появляется

девушка. «Исаак и Маша (имя мы изменяем по просьбе М. И. Коненкиной) очень любили друг друга, и он хотел жениться. Брат его знал и не возражал, что он приедет в Иркутск с женой. Но мать Маши была против... Какие у них отношения были? У них была чистая любовь. Когда Гольдберг сделал предложение, мать была очень недовольна и приняла решение увезти Машу из Преображенки. Увезла ее в Киренск, чтобы Маша поступила там в гимназию женскую. Но Маша была мало подготовлена к гимназии, после того перевезли ее в Чечуйск, там она училась в школе. Это в то время, когда Исаак ездил в Киренск, был там у Брешко-Брешковской и хотел встретиться с Машей, и не удалось ему. Исаак тяжело переживал всю это историю, но много продолжал работать. Какие он произведения писал, я не знала, но хорошо помню, когда получал отпечатанные статьи, всегда, что касалось нашей местности, он давал читать мне и Маше. Как мы были неразлучны, как катались на лыжах! Ее, Машу, он называл Северянкой, а про себя писать не буду как. Он очень много работал, а когда отдыхал, прибегал к нам. Нас он называл сестренками. Мы были бедные, росли без отца. Исаак часто пилил нам дрова, даже ходил в лес, в дроворуб, чтобы помочь нам, да и не только нам. Он всем помогал бедным. Был такой случай. Ловили рыбу подо льдом на озере, нужно было помочь рыбакам, так как озеро было большое, Исаак и Гуревич, его друг, и Козиол Роман Яковлевич пошли помогать нам. Был глубокий снег, пурга, все занесло, все надолбленные дыры. И вот послали меня рубить ботье (это березовые жерди), а Исаака и Романа вытаскивать их из лесу. Все это мы сделали. И вот мы несли эти жерди. Я шла впереди, без дороги, а они за мной. Тут я попала в иордань – большое отверстие во льду, которое было выдолблено накануне еще. Занесло ее снегом, и я вся оказалась в воде. Но березы-то меня спасли. Исаак и Роман Яковлевич подскочили быстро и вытащили меня за березы. Забрали мою ношу и отправили к костру. Пока я бежала, на мне все оказалось льдом. Начали они посильнее разводить костер, отогревать меня. Снимали всю сухую одежду и одевали меня. Исаак снял свои носки и надел мне на ноги. Потом они стали просить наших управителей по ловле рыбы, чтобы отпустили меня домой. "Мы завтра, – говорил Исаак, – придем и отработаем эти потерянные Милей три часа работы". Вот такие они были люди, особенно Исаак Григорьевич. Крестьяне их очень любили. Если кто их помнит, то скажет только хорошее. С охотниками они очень дружили и радовались, если была охота удачной, и горевали в случае неудачи. К тунгусам Исаак Григорьевич относился очень доброжелательно. Раза два он брал нас с Машей на стойбище. Конечно, в воскресенье. Я не могла в рабочий день идти, а Маша тоже не могла идти с ним, были бы по деревне разговоры. На стойбище тунгусы приходили за

покрутой, то есть за продуктами и припасами к купцам, чтоб добывать зверя и пушнину. Мы носили в подарок шаньги, а Исаак табак и спички. Он разговаривал с тунгусами, записывал тунгусские слова, например. Мы с Машей оставляли его и уходили ягоды собирать. Мы берем ягоды, а он беседует все. Он внимательно изучал быт тунгусов и вообще им много внимания уделял. Я хорошо помню, как он ездил в Киренск и встречался там с "бабушкой революции" Брешко-Брешкович...» (П. В. Забелин. Путь, отмеченный на карте. Иркутск. 1971. С. 58-61.

Далекая ссылка не мешала ему сотрудничать с иркутской прессой и публиковаться в легальных изданиях. В 1910 г. в газете «Восточная заря» в двух номерах (27, 29 июня) выходит его рассказ «Юдифь». В том же году в газете «Голос Сибири» опубликован рассказ «Пусть он проклят» (23, 24 декабря).

Склонный к литературной деятельности, в ссылке Ис. Гольдберг занялся писательством основательно. Именно в ссылке в конце 1911 года он завершает работу над повестью «Темное». О том, как создавалась произведение, Ис. Гольдберг рассказывал: «Если бы не ссылка, вряд ли мне пришлось так близко и так органически познать быт сибирского, таежного крестьянства. И теперь я могу раскланиваться пред правительством Николая Романова, заставившим меня прожить около пяти лет в ряде отдаленнейших таежных уголков! Что же, я не хочу быть неблагодарным и делаю реверансы министру внутренних дел и иркутскому генерал-губернатору Селиванову: никуда не сбросишь, никак не вычеркнешь из биографии моих тем участия этих сановных ревнителей отечественной литературы!

Новая обстановка ошеломила меня грудой незабываемых впечатлений. Не говоря уже о таежном суровом пейзаже, меня впечатлили здесь к себе языковые особенности, очаровательная смесь местных словечек и выражений с исконными почти старорусскими словами и оборотами речи. Заколдовала меня сибирская экзотика: долгая зима, звонкоголосые сибирские собаки, таежные промышленники, глухие тропы в тайге, тунгусы, появляющиеся из каких-то недр тайги на оленях, безлюдье, обнаженность и жестокость борьбы за существование и многое, многое другое. И, ошеломленный всем этим, я увлекся крестьянской, деревенской стихией. Меня напоило незнакомое мне раньше своеобразие обстановки, в которой я невольно очутился, и я стал работать над повестью "Темное"» (Будущая Сибирь. Иркутск. 1933. № 3. С.35-36).

В 1912 г. срок ссылки завершился и Ис. Гольдберг возвращается в Иркутск с готовыми рассказами и набросками для будущих, которые составят книгу «Тунгусские рассказы». Вскоре он получает предложение издать ее в Москве и 4 января 1914 г. книга «Тунгусские рассказы» вышла в свет. Как писал критик Борис Губер, «с одной стороны, он (И. Гольдберг – С. Г.) был для невежественных москвичей сущей находкой. Но все же этого было бы мало. Причина успеха Гольдберга в ином – в том, что книжка его, составленная всего из девяти рассказов, открывала читателю глаза на самую сущность порабощенной, ограбленной и все же сохранившей свое национальное лицо народности. В условиях российской великодержавности такие выступления случались не часто. И когда никому до этого неведомый сибирский писатель в рассказах "Правда", "Месть" или "Бездольное лето" с помощью несложной, но правильной фабулы вводил читателя в полный своеобразия душевный мир целого народа. Книга не могла пройти незамеченной».

На наш сегодняшний взгляд, даже лучшие рассказы тунгусского цикла страдают серьезными недостатками. Но остается полезной другая особенность тогдашнего творчества Гольдберга – реалистически верное изображение целого ряда характерных персонажей для дореволюционной таежной Сибири. Гольдберг не ограничивался изображением одних лишь тунгусов, их быта и психологии. Одновременно он сумел показать, каковы были их взаимоотношения с русским крестьянским населением, сумел вскрыть беспощадную эксплуатацию, как попадали в сети простодушные таежные кочевники, «покручиваясь» с купцами и скупщиками. Он сумел разоблачить политику царского правительства по отношению к «инородцам». «Тунгусские рассказы» с самого начала писательского пути Исаака Григорьевича делают его фигуру значительной и самобытной. Он внес в литературу то, о чем до него никто не говорил». (Будущая Сибирь. Иркутск 1934. Кн.6. С.54-55).

Сам Гольдберг предысторию «Тунгусских рассказов» описывал так: «Я задумал и с увлечением стал работать над циклом "Тунгусских рассказов". В процессе работы над этими рассказами я узнавал тунгусов и увлекался ими и пополнялся сочувствием к ним и изумлением пред их бесхитростностью и не испорченностью. В равной мере тянула меня к ним и внешняя необычность их быта. Конические чумы, удивительно гармонировавшие с грядой невысоких гор и остроконечных стремящихся ввысь елей и лиственниц, легкий, воздушный рисунок упряжек: олени с величественными рогами, впряженные в низенькие нарты, преобладание в одежде пушистых оленьих

шкур – то белоснежных, то серых, то пестрых и окрашивавших и седока, и оленя в одну гамму красок. Неизменный костер возле жилища и внутри, костер, огонь которого свидетельствует о жизни, о доме. И певучая речь, и бедные песни, и однообразные хороводы – "ехоры". Во всем этом было такое, о чем хотелось писать, о чем хотелось рассказывать в ритме и в словах, наиболее связанных с ритмами, с окраской и темпами этой жизни». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. Кн. 6. С. 54–55).

Бурные революционные годы и его участие в общественно-политической жизни Иркутска заслуживает отдельного большого разговора. Здесь мы будем освещать его творческую стезю.

«Мирные годы» литературной жизни

После установления в Иркутске большевистской власти Гольдберг отошел от политической деятельности и целиком сосредоточился на литературной работе. К 20-м годам XX века он – популярный публицист и писатель. Известный сибирский литератор В. Итин в одной из рецензий на книгу Ис. Гольдберга «Закон Тайги» (1923), писал: «Автор подлинный художник. Его описания, как явь. Его действие молниеносно, а кажется длящимся, словно представление о четвертом измерении. "Закон тайги" поэтому является самым значительным событием в беллетристике о Сибири, появившейся в текущем году». (Сибирские огни. 1923. № 1-2. С.240).

Уход Гольдберга из политической жизни был предопределен сложившейся ситуацией. Но вряд ли большевики могли «забыть» о его активной эсеровской деятельности, списки «врагов» с иными взглядами уже составлялись. Многие покидали страну, словно бы предчувствуя трагический конец. Гольдберг не уехал. Вероятно, он имел возможность эмигрировать за границу или перебраться в столичные города и затеряться. Почему не «исчез»? Здесь множество вероятностей – от семейных (в Иркутске оставались родители и многочисленные родственники) до личных. Личные обстоятельства – писательство. Сложно представить себе литературную деятельность «с нуля». Личные обстоятельства – встреча с Анной Кроль, старшей дочерью М. А. Кроля, которая вначале училась в Иркутском государственном, а затем Петербургском университетах. Этот роман по страсти, по глубине чувств совершенно точно можно назвать «бурным», «сумасшедшим», учитывая к тому же разницу в возрасте в 16 лет.

Гольдберг на какое-то достаточно длительное время вообще «исчезает» из общественного пространства. Вполне возможно, он вместе с Анной Кроль, которую называет «жена моя», находится в Москве и Ленинграде.

П. Забелин, один из первых биографов Ис. Гольдберга, считал 1920–1921 гг. самыми «странными» в его жизни. «В первой половине 1920 он еще выступает с лекциями, участвует в писательских мероприятиях, но затем исчезает в буквальном смысле слова.

Желающих спорить публично, да еще по вопросам партийным или государственным, почти не стало. «Разности» перекочевали в область литературы и искусства. Вызванные Октябрьской революцией трансформации привели к многочисленным изменениям, в том числе и в литературе. Сибирская литература также не осталась в стороне. Изменения порой принимали труднообъяснимые формы и выражались в странных поступках. К примеру, известная история с «настоящевцами», которые представляли направление, возникшее на базе журнала «Настоящее».

Вот что вспоминал Афанасий Коптелов в мемуарах «Дни и годы». Новосибирск становился литературной столицей края, простиравшегося в двадцатых годах от Урала до Забайкалья. Кроме "Сибирских огней", в нем издавался толстый экономический журнал "Жизнь Сибири". Не были забыты педагоги и дети: одни получали "Просвещение Сибири", другие – "Сибирский детский журнал", вскоре переименованный в "Товарищ". Были литературные отделы в кооперативном журнале, в "Красной сибирячке", в "Охотнике и пушнине Сибири", основанном Е. Н. Пермитиным в Усть-Каменогорске в 1923 году и через два года переведенном в Новосибирск.

Выходил журнал "Книжная полка". А главное, издавал художественную литературу Сибкрайиздат, возглавлявшийся деятельным публицистом Михаилом Михайловичем Басовым.

Мечтой сибиряков оставался тонкий иллюстрированный журнал. И вот с 1-го февраля в Сибкрайиздате начал выходить такой ежемесячник под названием "Сибирь". Он составлялся заботливо и любовно. В нем печатались Вяч. Шишков, Исаак Гольдберг, Кондр. Урманов, Вивиан Итин, Петр Драверт, Георгий Вяткин. По одному рассказу дали М. Горький и К. Паустовский, проезжавший через Новосибирск. Помимо фотоснимков журнал украшали гравюры талантливых художников-алтайцев Григория Гуркина и Николая Чевалкова. Широко пошел, как говорили тогда, "литературный молодняк", в особенности юные поэты: Леонид Мартынов,

Иосиф Уткин, Михаил Скуратов. Систематически помещались краеведческие репортажи и очерки специальных корреспондентов из городов Дальнего Востока. Нашлась страничка и для моего очерка о первой в мире паровой машине Ползунова, модель которой являлась гордостью Барнаульского музея.

Читатели ждали журнал, тревожились, когда он запаздывал. И тревога оказалась не напрасной: ловкие люди вознамерились исподволь "прибрать журнал к рукам". В номере 7–8 появилось невнятное уведомление о том, что журнал передается из Сибкрайиздата в издательство газеты "Советская Сибирь". Там, дескать, он будет выходить регулярно и два раза в месяц.

Естественно, журнал стал тощим и, хотя в нем появилось по одному рассказу М. Горького, Анны Караваевой и Вяч. Шишкова, вскоре захирел и на третьем номере тихо скончался. Как выяснилось позднее, не без умысла недругов художественной литературы. Ловкие люди говорили: мы, дескать, заменим "Сибирь" другим, остросовременным тонким журналом. И в январе 1928 года появился журнал под претенциозным названием "Настоящее". На первых порах писатели обрадовались: в редколлегию нового журнала включены М. Басов и В. Зазубрин. При этом была надежда, что новоявленный журнал объединит все литературные и художественные силы края. Однако настораживало то, что в редколлегию входили пришлые люди, незнакомые с Сибирью. Их было двое – новый редактор краевой газеты И. Шацкий и работник крайкома ВКП(б) А. Курс, одессит, в молодости, как мне скажет позднее Эдуард Багрицкий, анархист, разгуливавший с револьвером в кармане. А в Новосибирске Курса поддерживал работавший ранее в Одессе Сергей Сырцов, занимавший пост первого секретаря крайкома. Вскорости важный покровитель переберется в Совет народных комиссаров страны, пока его не выведут из ЦК за фракционную деятельность. Но при внимательном знакомстве уже первый номер журнала несколько ошарашивал. В программной статье "Наше направление" говорилось:

"Мы не хотим выдумывать ничего, кроме способов находить вас и факты вашей жизни. Вам надо сделаться хозяевами фактов, чтобы уметь их переделывать, мы хотим вскрывать факты. Мы хотим сшибать факты лбами, чтобы они начали кричать: тогда мы узнаем, куда они ведут. Отражать мы хотим те факты, которые надо отражать, как нападение врага. Мы хотим корчевать тайгу мозгов".

…Редакция разослала приглашение к сотрудничеству. Получил приглашение и я. Не разобравшись до конца в "направлении", послал

небольшую рукопись, о чем вскоре пожалел: рассказец был напечатан в изуродованном виде… Но подлинное лицо закоперщиков новоявленного журнала открылось нам лишь спустя несколько месяцев, когда "настоященцы" сколотили при журнале так называемую литературную группу под тем же наименованием, состоящую из не литераторов, и стали в печати кичиться тем, что под их "платформой" подписались такие-то и такие-то члены бюро Сибкрайкома ВКП(б). В окружных центрах "настоященцы" создали "группы содействия" тоже из не литераторов и объявили, что в эти группы вошли такие-то и такие-то члены бюро Новосибирского, Иркутского и Барнаульского окружкомов партии.

Вскоре "настоященцы", отрицавшие художественную литературу, не только вознамерились "взорвать академию сибирской словесности", как они именовали ненавистный им журнал "Сибирские огни", но даже принялись "корчевать" классиков. "Не учитесь у Толстого", – требовал Курс в своем журнале (М. Басов и В. Зазубрин к тому времени вышли из редколлегии, печатно заявив об этом). Борьбу художественных форм он объявил классовой борьбой, а современных писателей огульно обвинил в том, что они якобы "зачастую работают на мелкую буржуазию, если не на нэпмана". Охаяв Алексея Толстого, "настоященцы" принялись за Горького: он, дескать, "не посвятил советской действительности ни единого произведения". А в размашистой карикатуре доморощенного художника, подпавшего под их влияние, заставили Пушкина стыдить Горького за неточность в одной из цитат. И объявили: "Живи Пушкин сегодня, он стал бы настоященцем". Одной разухабистой статейке дали хулиганский заголовок: "Почему Шолохов понравился белогвардейцам"».

Создавая журнал и одноименную творческую группу, их организаторы – А. Курс, А. Панкрушин, И. Нусинов, В. Каврайский – по примеру литераторов группы ЛЕФ рассчитывали дать жизнь новому направлению в литературе. В выпущенной ими декларации объявлялось, что "Настоящее" ставит своей целью неустанную борьбу против "литературы прошлого – лживой нэповской и буржуазной литературы вымысла" – за "литературу настоящего", которая является "Литературой факта", единственно правильной и отвечающей советской эпохе. В целом теория "настоященцев" (самоназвание группы) сводилась к отрицанию художественной литературы вообще, к замене ее очерком и фактографическим описанием событий, а их идейная платформа выражалась в стремлении "преодолеть правую опасность в литературе". Группа и журнал проводили свои мероприятия с шумом и примесью эпатажа; устраивали эффектные диспуты, широкие публичные

выступления, часто нападали на своих противников с напором и остроумием, не щадя никаких авторитетов. Под огонь их критики попадали многие известные российские писатели – М. Шолохов, В. Катаев, Б. Пильняк, Вс. Иванов, А. Платонов, М. Горький, А. Фадеев. В дополнение ко всему журнал (с ведома Сырцова – секретарь Сибкрайкома ВКП(б)) опубликовал под псевдонимами несколько статей видных троцкистов, отбывавших ссылку в Сибири – Л. Сосновского и А. Воронского». (Сергей Папков. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года. Интернет-ресурс: magazines.russ.ru/sib/2011/2/Da15.html)

История с журналом и теми, кто стоял за ним, закончилась печально. Было специальное постановление ЦК ВКП(б), в котором их подвергли жесткой критике. Журнал закрыли, редакцию разогнали, Сырцова сняли со всех постов.

После первой русской революции в Сибири возникла «Молодая литература Сибири» – одно из многочисленных литературных движений. В группу входили И. Гольдберг, В. Шишкова, Г. Гребенщиков, А. Новоселов, И. Тачалов, П. Казанский, С. Исаков, В. Бахметьев, Г. Вяткин, и другие. Уже только по этим именам можно понять, насколько интересными были движение и его работа. По мнению В. П. Трушкина, именно эта литературная группа сыграла значительную роль не только в общесибирском литературном движении, но и в масштабах страны. Во всяком случае, произведения сибиряков публиковались в хороших общероссийских журналах, выходили отдельными книгами, приковывая внимание критиков и читателей. Специалисты констатировали, что это литературно-общественное движение сибирских писателей и поэтов, «сформировавшихся в атмосфере гражданского подъема первой русской революции», разрабатывало «темы своеобразного уклада жизни азиатской части России, а также порожденные ее социальными проблемами характеры. Идейная направленность их культурной программы заключалась в пробуждении самосознания сибиряков, в требованиях демократических преобразований в крае, что перерастало областническую доктрину и смыкалось с общерусской борьбой за свободу». (С. П. Рожнова. П. А. Казанский – критик // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск. 1986. С. 119.).

Весной 1920 г. в Иркутске возникло литературно-художественное объединение, о котором подробно рассказала Е. А. Юрьева. Среди участников мы видим известных в городе литераторов, в том числе сотрудников газеты «Власть труда». Это была знаменитая «Барка поэтов». Не

вдаваясь в анализ деятельности объединения, особо отметим лишь один аспект – просветительский.

Е. А. Юрьева писала: «Спорным является вопрос о принадлежности к "Барке поэтов" такого интересного писателя, как Исаак Гольдберг. Можно предположить, что участию Ис. Гольдберга в деятельности "Барки поэтов" помешало кардинальное различие в творческих установках и взглядах на содержание литературного творчества. Если "Барка поэтов" ориентировалась на чисто эстетские установки, то Ис. Гольдберг в своих произведениях стремился отразить реалии современности, обращаясь к теме гражданской войны, изображению жизни народов Севера» (http://www.mineralov.ru/Yurieva E.htm)

Мне думается, неучастие Гольдберга в «Барке поэтов» может быть объяснено и рядом самых простых обстоятельств. Напомним, что, во-первых, Гольдберг еще «не остыл» от революционной и политической борьбы, в которой он, известный эсер, принимал самое непосредственное и самое активное участие. Затем болезнь – туберкулез. Тут сказались годы революционной борьбы, ссылка, совершенно разлаженный быт и отсутствие лечения. И, наконец, в начале 20-х гг. XX в., судя по письмам к Анне Кроль, он продолжительное время находился в Ленинграде и Москве.

В повседневной жизни, несмотря на трудности, на сложности на каждом шагу и тотальный дефицит всего, люди стремятся к налаживанию быта. Разруха, нехватка продовольствия, в городах разгул бандитизма, в тайге «гуляют» отряды противников советской власти, нет бумаги для выпуска газет. А 3 августа 1921 года газета «Власть труда» публикует воззвание «К читателям книги». Чтение, выпуск новых книг серьезно рассматривается как один из шагов к улучшению ситуации в крае. «Книги – лучшие, наиболее прекрасные цветы жизни, книги – та идеальная райская жизнь, освобожденная от грубых, низких примесей будней, о которой уже тысячи лет грезят лучшие умы человечества. С таким определением назначения книг никто не станет спорить, все признают великую воспитательную и образовательную роль книги, но очень немногие занимаются ею, чтут и уважают книгу.

Книга у нас до сих пор еще не стала предметом первой духовной потребности, не служит украшением жилища, никто не заботится о ее внешности, красоте. Редко кто посвящает ей несколько строк поэтического вдохновения; даже внимание ученых к книге настолько ничтожно, что до сих

пор мы не имеем исчерпывающей истории ее, ни одного труда, посвященного ее значению.

Библиотечно-библиографический подотдел Иргубполитпросвета, желая усилить роль книги в своей просветительной работе и вместе с тем выяснить интерес к книге наших великих и малых писателей (также и западноевропейских) и место ее в их творчестве, обращается ко всем читателям с предложением: в читаемых ими книгах – стихах, романах, драмах, рассказах, научных и иных сочинениях отметить все, что говорится о значении слова, литературы и книг.

Говорит ли писатель о влиянии на него прочитанной книги, рассуждает ли он о просветительной роли литературы и книги (или вреде их), пишет ли о мощи или бессилии слова, воспевает ли (или бичует) какую-нибудь книгу или писателя, отмечает ли факты почета или гонения книги – все это имеет большое значение для изучения книги и ее образовательной миссии, все это желательно отмечать, выписывать (с указанием источника) или просто записывать (название прочитанного сочинения и страницу) и сообщать в библиотечно-библиографический подотдел Губполитпросвета. Здесь таким коллективным путем собранный материал будет систематизирован, подвергаться обработке и пущен как агитационный материал о книге и ее непреоборимой мощи. Другие газеты это обращение просим перепечатать.

Библиотечно-библиографический п/отдел Иргубполитпросвета». (Власть труда. 1921. 3 августа).

И в жизни Исаака Григорьевича Гольдберга, пусть медленно и постепенно, наступают видимые улучшения. 11 декабря 1921 г. в газете «Власть труда» опубликован его материал «Памяти юноши поэта», в это же время публикуется рассказ «Человек с ружьем». Ис. Гольдберг вспоминал: «Революционная тематика, тематика гражданской войны началась у меня с рассказа "Человек с ружьем". История деревенского мальчика Кешки, втянутого грозовыми событиями гражданской войны в самую гущу партизанства, не начинается, собственно говоря, с этого рассказа. Еще раньше я тяготел к рассказу о мальчике, силою вещей и обстоятельств становящемся одновременно самостоятельным, ответственным за свою судьбу и участвующим в делах взрослых». (Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Иркутск. 1989. С. 571).

1922 год – последний из «странных лет» Ис. Гольдберга. В Иркутске писатель ведет все еще замкнутый образ жизни, его почти не видно на общественных мероприятиях.

И лишь в следующем, 1923-м, его имя вновь в публичном пространстве... И становится ясно: в период «странных лет» он работал... В феврале газета «Власть труда» сообщила: «В ближайшее время выходит из печати книга рассказов Ис. Гольдберга "Закон Тайги"». Писатель вспоминал: «"Закон тайги" в ведущем рассказе цикла "Путь, не отмеченный на карте" (по этому рассказу и назван весь цикл) скомкал социальную сущность гражданской войны в таежной деревне, подменил собою эту сущность». (Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Иркутск. 1989. С. 572)

В 1923 году произошли события, которые сыграли важную роль в последующей жизни Гольдберга. Связаны они были с семейством М. Кроля. Сам М. Кроль уже несколько лет находился в эмиграции в Китае. Адвокатская работа позволяла ему вписаться в насыщенную экономическую жизнь зарубежья, завести полезные знакомства и частную практику.

В 1923 году по стране прокатилась волна эсеровских съездов, совещаний, собраний. Повестка была примерно одной – обсуждали ликвидацию партии. Одна из самых массовых партий России, в основе идеологии которой лежала народническая идея героического хождения в народ, не выдержала революционных испытаний. Победила идеология диктатуры пролетариата.

В Иркутске, как и во всей стране, продолжались аресты известных эсеров. В их числе оказалась и жена М. А. Кроля – Рони Ильинична. В 1922 году ее выпускают из тюрьмы, но вскоре вновь арестовывают и в 1923 г. приговаривают к ссылке в Соловки.

Жене Кроля повезло, все в итоге завершилось удачно. Ей и двум ее дочерям Анне и Елене разрешили выехать в Харбин. Огромную роль в этой истории сыграли Анна Кроль и Феликс Дзержинский. Вот что писал в своих мемуарах М. А. Кроль: «Когда участь сидевших в Иркутской тюрьме социалистов еще не была решена, моя старшая дочь имела смелость предпринять поездку в Москву с целью добиться освобождения матери из тюрьмы. Она хорошо знала, что взяла на себя очень трудную задачу, так как председатель Иркутской чрезвычайки Берман, как я уже отметил это в другом месте, был крайне озлоблен против моей жены, и можно было ожидать, что он пустит в ход все средства, чтобы не выпустить этой добычи

из своих рук. Но у нас в Москве были друзья, занимавшие ответственные посты. Жену также очень хорошо помнили некоторые очень влиятельные коммунисты, которые во время февральской революции воспользовались услугами Иркутского комитета помощи амнистированным и сохранили чувство глубокой благодарности к моей жене, председательнице этого комитета, проявившей по отношению ко всем амнистированным необыкновенное внимание и участие.

Случилось, однако, так, что моя дочь на первых же шагах в Москве наткнулась на весьма серьезные препятствия. Друзья наши не коммунисты определенно боялись, что их заступничество за эсерку навлечет на них немилость власть имущих, и потому они откровенно отказывались хлопотать об освобождении моей жены. В свою очередь, и коммунисты явно опасались выступать ходатаями за "контрреволюционерку".

Тем временам состоялся приговор об отправке заключенных в Иркутской тюрьме социалистов в Соловки, и дело еще более осложнилось. Но моя дочь не унывала и после долгих исканий и мытарств нашла ход к одному большевику, занимавшему крупный пост в коммунистических верхах. С этим большевиком я был знаком еще со времен революции 1905 года, и у меня с ним установились в тот памятный период очень хорошие отношения. Добившись свидания с этим моим добрым знакомым, моя дочь ему объяснила, что речь идет о спасении моей жены от крайней опасности для ее здоровья – ссылки в Соловки, и что ее спасение вполне возможно, если заменить ей отправку в Соловки высылкою за границу, в Харбин. По рассказам дочери, мой добрый знакомый, выслушав ее, очень близко принял к сердцу ее просьбу и обещал по этому делу переговорить лично с самим Дзержинским, который, как известно, в то время стоял во главе всероссийской чрезвычайки.

Можно себе представить, с каким нетерпением моя дочь ждала результата этого свидания. Через некоторое время наш добрый знакомый сообщил моей дочери, что Дзержинский уважил его ходатайство и послал председателю Иркутской чрезвычайки Берману телеграфный приказ освободить заключенную Кроль и выдать ей разрешение на свободный проезд в Маньчжурию. Само собою разумеется, что моя старшая дочь в свою очередь немедленно телеграфировала младшей дочери в Иркутск о состоявшемся распоряжении Дзержинского. Однако Иркутская чрезвычайка на все настояния моей младшей дочери об освобождении матери отвечала, что никакого распоряжения об освобождении Кроль у них нет и что она, моя

дочь, просто введена в заблуждение. Между тем старшая дочь снова и снова подтвердила, что такое предписание было послано самим Дзержинским. Пришлось опять обратиться к содействию нашего доброго знакомого, и только когда Дзержинский вторично отдал Берману грозный приказ об освобождении Кроль и выдаче ей пропуска в Маньчжурию, сопротивление его было сломлено. Оказалось, что он просто утаил первую телеграмму.

Жена была выпущена из тюрьмы и получила разрешение на свободный выезд за границу через станцию Маньчжурия. В то же время и обе дочери (старшая успела к тому времени вернуться в Иркутск), учившиеся в Иркутском университете, добыли удостоверения, разрешавшие им выезд в Харбин на определенный срок и беспрепятственный обратный въезд в Р.С.Ф. Казалось, что для выезда моей семьи в Харбин не существовало больше никаких препятствий». (М. А. Кроль. Страницы моей жизни. М. 2008. С.591-592».

Анна Кроль! Долгие годы она была музой писателя. Это была романтическая история. Разница в возрасте между писателем и студенткой Иркутского университета составляла 16 лет. Анна из Иркутска уехала в Петроград. Здесь она продолжала учиться – теперь уже в Петроградском университете. Гольдберг материально был все еще серьезно стеснен. К тому же болел туберкулезом. Его, слава богу, вылечили, в чем большую роль сыграли оздоровительные поездки в Крым.

В 1925 году старшие Кроль переехали во Францию и обосновались в Париже. Тогда же к ним переехала и Анна. За несколько месяцев до окончания обучения на историко-филологическом факультете Петербургского университета она сумела получить разрешение на выезд во Францию. Побудительных мотивов было много. Об одном из них в своих мемуарах рассказал М. Кроль: «В начале 1924 года власти решили произвести в высших учебных заведениях Ленинграда основательную чистку с тем, чтобы удалить из них "непролетарские элементы". Хотя на опросе комиссии по чистке мои дочери показали, что их отец старый народоволец, это не помогло: их отчислили как детей "интеллигента". Но тут произошло событие, которое казалось совершенно невероятным в советских условиях. Мой друг Лет Яковлевич Штернберг, бывший тогда директором Этнографического музея при Академии наук и ректором Этнографического института, им созданного, явился к университетскому начальству и предъявил им ультиматум: или моих дочерей вернут в университет, или он сложит с себя обе вышеуказанные должности и выйдет в отставку. И этот

мужественный акт Штернберга не только не навлек на него коммунистических скорпионов, но дал желаемый результат – моих дочерей приняли обратно в университет. Так, по-видимому, велик был научный и моральный авторитет Штернберга». (М. А. Кроль. Страницы моей жизни. М. 2008. С. 607.)

Анна и Елена Кроль решили продолжить образование. Анна – на литературном факультете Сорбонны, Елена – на юридическом Faculte de Droit. Впрочем, судя по всему, с учебой у девушек не сложилось из-за сложной материальной ситуации. М. А. Кроль вспоминал: «Прошел год, и мое материальное положение ухудшилось. Платной работы я все еще не имел, а мои сбережения приходили к концу. Нужно было принять экстренные меры перед лицом надвигающегося на нас материального кризиса. И тут первые жертвы принесли дочери. Они прекратили занятия в университете, простились со своими мечтами и стали искать платную работу. Вспомнился мне тогда один разговор мой со Слиозбергом в Париже. Осведомляясь как-то о моей семье, он, между прочим, задал мне вопрос: "А что делают ваши дочери?" – "Учатся в университете", – ответил я ему. "Учатся в университете, – повторил он с изумлением, – лучше бы они учились шляпки делать". Я был шокирован тогда этим замечанием. Но смысл этого замечания был таков: при скудости средств люди не могут себе позволить роскоши учиться в университетах. Младшая дочь скоро нашла место в одном коммерческом предприятии, управляющим коего был Е. Ф. Роговский, а старшая дочь взялась изучать косметическую химию и усваивать нелегкую науку ухода за лицом. Пройдя с успехом оба курса и получив надлежащие дипломы, она тоже стала немного зарабатывать. Так мы с помощью дочерей восстановили некоторое равновесие в нашем бюджете». (там же, с.612).

Роман Гольдберга и Кроль – история настолько же романтическая, насколько и драматическая. Сохранившиеся письма писателя к Анне Кроль с 1925 по 1933 г. проливают свет на многие факты его биографии. В этой книге мы приводим письма впервые, и каждое из них – уникальное свидетельство жизни и деятельности литератора.

Год от года популярность творчества Ис. Гольдберга растёт. В августе 1924 г. в четвертом номере журнала «Сибирские огни» опубликована повесть «Гроб подполковника Недочетова». Гольдберг вспоминал: «Повесть моя "Гроб подполковника Недочетова" вошла в меня из нескольких источников.

Многое самому пришлось передумать и перечувствовать, многое я узнал со стороны, из рассказов бывалых людей.

Рассказ крестьянина одной деревни, где я жил лето, дал основной толчок для построения повести на анекдоте с гробом. Крестьянин рассказывал мне убежденно о гробе, наполненном деньгами, золотом и где-то закопанном отступавшими белыми. Золото это потом пытались искать, о гробе по деревне шли преувеличенные толки и предположения. Сам по себе рассказ моего знакомого крестьянина являл собою занятный и интересный сюжет, и в прежние годы я именно за этот анекдот ухватился бы. Признаться, мне стоило некоторых усилий отойти от этого соблазна. И я пошел по пути отталкивания от случая с гробом для того, чтобы развернуть социальную сущность белых, чтобы, "обыгрывая" этот случай, показать опустошение, внутреннее и внешнее опустошение, происшедшее среди белогвардейцев в процессе гражданской войны». (Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Иркутск. 1989. С. 573).

В 1926 г. Б. Жеребцов публикует большой очерк о творчестве Ис. Гольдберга. Он называл Гольдберга «писателем-областником». «Главное достоинство Исаака Гольдберга – это то, что он дает читателю Сибирь такой, какой она есть на самом деле, а не такой, какой ее привыкли представлять в литературе. Особенно в литературе "не сибирской". В произведениях И. Гольдберга нет той развесистой клюквы, какая часто, к сожалению, встречается в произведениях писателей, не знающих Сибири, этой своеобразнейшей страны, и берущихся писать о ней.

В представлении российского читателя Сибирь эпохи колчаковщины часто представляется слишком упрощенно. Белый генерал на белом коне, сплошные порки и расстрелы, беспробудное пьянство офицеров и, с другой стороны, сознательные партизаны и твердокаменные подпольщики-коммунисты.

Все это было, но этим не исчерпывалась вся сибирская контрреволюция. Сибирская контрреволюция была сложным социальным явлением. В ней переплеталось несколько течений, часто противоречивых и вступавших в глухую борьбу между собой. С одной стороны, махровая черносотенная белогвардейщина, опиравшаяся на бежавший из России офицерский сброд и часть сибирского казачества, с другой – "демократическая" бело-зеленая "пепеляевщина" (по имени ее вождя, впоследствии генерала, Пепеляева), питавшаяся областническими иллюзиями и опиравшаяся, главным образом,

на местную сибирскую интеллигенцию и молодежь». (Б. Жеребцов. Исаак Гольдберг. Сибирские огни. 1926. № 5-6. С.243».)

По мнению Жеребцова, главная особенность творчества писателя – психологизм его произведений. Впрочем, критика без критики не воспринималась. И ради соблюдения правил игры Жеребцов «обнаружил», что в произведениях Гольдберга совсем не обрисована Красная армия и ее роль в разгроме белых, мало внешних событий, ярко даны фигуры офицеров, человеческое отношение партизан к классовым врагам, нет кровавых порок, расстрелов и прочих ужасов, связанных с колчаковцами. «Колчаковцы у него живые. Иногда даже симпатичные (молодой прапор из повести "Путь, не отмеченный на карте"). Люди, которым иногда не чуждо нечто человеческое. И все же, колчаковщина встает перед нами со страниц произведений Гольдберга в полной своей отвратительной, кровавой наготе». (Там же, С.244).

В 1927 г. В. Я. Зазубрин в блестящей статье «Литературная пушнина» (по поводу пятилетия журнала «Сибирские огни») дал портрет Гольдберга: «Исаак Гольдберг живет в Иркутске, но часто печатается и перепечатывается в России. Творчество его поэтому можно считать вполне экспортным. Гольдберг, как и Итин, чисто бреется, аккуратно стрижется, тщательно одевается. Он шапку надевает осторожно, как лавровый венок, боясь помять и ее, и свои пышные волосы. Гольдберг знает, что в Сибири он сейчас первый мастер.

Глаза у Гольдберга большие, влажные, и кажется, что они больше думают, чем ненавидят. А ведь этот человек в пятом году бегал по улицам с револьвером за поясом, сидел в тюрьме, отбывал ссылку. Царское правительство сделало доброе дело – оно показало сибирскому писателю Сибирь.

Не верится, чтобы Гольдберг сам, по своему желанию, поехал в деревню, в тайгу. Трудно себе представить, как он смог бы лечь спать в избе на полу, ведь у него так хорошо разглажены брюки и всегда чист цветистый галстучек. Гольдберг очень грамотен, он никогда не скажет лишнего или корявого слова. От этого бывает скучно.

Гольдберг наметавшейся рукой строит чистенькие деревянные домики своих рассказов. Читатель послушно идет за писателем и заранее знает, что он проведет его через светлые сени в маленькую переднюю. Там писатель

предложит читателю снять шубу и проследовать за ним в комнаты, где вымытые полы старательно покрыты пестрыми дорожками половиков…

Иногда Гольдберг заведет в один из этих домиков буйную компанию гуляк или боевую ватагу партизан, подожжет его со всех сторон. В горящем доме даже поднимется стрельба и будут разрывы бомб. Но читатель может быть совершенно за себя спокоен – ни одна пуля не заденет его, горящая балка неожиданно не свалится ему на голову. Опытный писатель своевременно отведет читателя в сторонку.

Иногда кажется, что Гольдбергу нужно поехать в тайгу и срубить себе новую просторную избу». (Сибирские огни. 1927. № 1. С.204)».

Гольдберг оставался «срединной фигурой» для сибирской литературы в том смысле, что являл собой писателя с «накопленной историей». Культурным кодом он принадлежал к литераторам дореволюционной поры, культуре, для которой фундаментом служила отечественная и мировая классика. Но точно также был и человеком нового времени. При этом и сам Гольдберг, и его герои тоже словно бы на перепутье – процесс вживания в эту новую жизнь никак не был простым. Это точно подметил В. Зазубрин в своем докладе на съезде сибирских писателей 11 ноября 1927 г.

«Наши противники за границей – эмигранты в том же сборнике "Вольная Сибирь", разбирая наш съезд, говорят: "Напрасно полагает Зазубрин, что "прогноз" Исаака Гольдберга верен только по отношению к дореволюционной сибирской литературе. Нет, это остается верным и в отношении современной сибирской литературы, остающейся, несмотря на "камлание" Зазубрина и его пророчества о приходе нового литератора, "певца пролетарского", – литературой народной, по преимуществу – крестьянской. Такова логика действительности... "

Эмигранты не верят в возможность перевода крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии. Они отрицают появление в сибирской литературе "певцов пролетариата". Эти эмигранты имеют единомышленников и здесь, людей очень крайних, таких, как Семен Абрамович Родов. Он тоже утверждал после съезда, что, несмотря на наши резолюции, несмотря на наши декларации, мы все же гораздо правее, чем говорим, что мы – крестьянские писатели в лучшем случае, что наши резолюции вообще не соответствуют нашим внутренним качествам. Нам приходится спорить как с теми, так и с другими». (Литературное наследство Сибири. Новосибирск. Т.2. 1972. С.230).

Сам Гольдберг не очень-то задумывался – крестьянский он писатель или пролетарский. Безусловно, больше, чем многие литераторы, мог считаться городским автором, стал искать своего пролетарского героя и вполне удачно обнаружил его в шахте, на фарфоровой фабрике, в городе...

В 1925 г. во втором номере «Сибирских огней» он публикует рассказ «Никшина оплошность», в котором восклицает: «Черт знает! Пишем о революции, о людях революции, о жизни, революцией с самого дна вздыбленной, перемешанной, а выходит трагедия, страхи выходят, нытье». (Сибирские огни. 1925. № 2. С.33).

Ему хотелось сделать героев счастливыми или хотя бы показать их движение к счастливой жизни, но слишком много испытаний и препятствий возникало каждый раз. Его герои и их жизнь выписаны из повседневности, где день за днем были житейские хлопоты, заботы о насущном хлебе, и поиск ответа, отчего и почему в его личной жизни и жизни страны многое сложилось «не так» и не очень счастливо.

Литературные взгляды

Мы подошли к периоду с 1925 по 1933 годы. В это время началась практически еженедельная переписка Ис. Гольдберга и Анны Кроль, которая хранилась в ее личном архиве. Зная все перипетии судьбы Анны Кроль (и главным образом факт её участия во Французском сопротивлении в годы Второй мировой войны, арест, годы, проведенные в Освенциме), сохранение этих писем иначе как чудом не назовешь. Эти письма в 1971 году были переданы в Российский государственный архив литературы и искусства младшей сестрой Анны – Еленой Кроль, и у нас есть уникальная возможность из первых уст узнать о многом, происходившем в жизни писателя. Конечно же, не всё! Гольдберг не мог не понимать, что его личная переписка, тем более с человеком, проживающим во Франции, в поле зрения соответствующих служб. Но «всё» нам и не нужно. Гораздо интереснее и информативнее «штрихи»: о его настроениях, заметках об Иркутске, литературной жизни, писательских мучениях, бытовых мелочах, контактах.

Гольдберг считал, что с начала 1925 года он работает очень интенсивно. Творчество, как следует из его писем, занимало все время: «Единственное, чего мне удалось добиться – это заставить себя работать регулярно, а не наскоком, по вдохновлению, как раньше. Я начал этот год с нормы – не меньше одного рассказа в месяц; теперь я эту норму увеличиваю и хочу добиться двух рассказов. Такая норма устроит меня и материально. Работа

меня чаще удовлетворяет: этого раньше не было в такой степени, как теперь!» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 12. Л. 40»).

Но, конечно, так было не всегда. В письме от 21 марта 1925 г. он писал: «Вокруг меня почти все по-старому. Новых знакомств не завел, со старыми поддерживаю связь скупо и вяло. Живут у нас скучно и однообразно. Истекшую неделю я почти ничего не писал – не было темы, не было настроения. Здесь, в Иркутске, печатается мой премированный рассказ… Издать его уговорили меня в ист.-литературной секции вост.-сиб. рос. географического общества, где я работаю. Книжка выйдет с предисловием проф. М. Азадовского». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 12. Л. 45»).

«Сибирские огни» на премию и книгу отреагировали библиографической заметкой. Она называлась «Маленькая книжечка с большим содержанием». Скупая информация, тем не менее, интриговала: «Ис. Гольдберг на каких-нибудь 24–25 страницах нарисовал глубокую женскую психологию, выявив просто, крепко трагедию опозоренной, замученной сибирской деревенской женщины…». Сообщалось также, что книжка издана хорошо, «выдержанная яркая обложка» и тираж в 2 250 экз.

В октябре 1925 года инициативная группа писателей – авторов журнала «Сибирские огни» – задумалась о создании единой сибирской литературной организации. Началась подготовка к всесибирскому съезду писателей. Он начал свою работу 21 марта 1926 г. в Новосибирске.

Поскольку такой опыт был крайне важен для местной и центральной власти в преддверии задуманного всесоюзного объединения писателей, поддержку сибирякам оказывали Сибкрайком ВКП(б) и Сибкрайисполком. Точнее, ее декларировали, поскольку на практике съезд откладывали и откладывали именно из-за нехватки средств. Даже с учетом помощи власти материальных ресурсов недоставало и пришлось организовать платный литературный вечер в пользу съезда.

Приглашение на съезд Гольдберг получил в Иркутске в первой половине 1926 г. Подробности узнаем из его письма к Анне Кроль: «На днях получил из Новониколаевска (который недавно переименован в Новосибирск) приглашение на съезд писателей-сибиряков, который состоится через две недели. Мне предложили сделать на этом съезде доклад о сибирской литературе дореволюционного периода. Я собираюсь съездить, хотя это и нарушит мой бюджет, т. к. делегатам предоставляется самим изыскать средства на поездку. Поехать надо: во-первых, интересно посмотреть, кого

же мы имеем в Сибири среди литераторов и поэтов, а кроме того, нужно мне договориться с Сибкрайиздатом об издании моей книжки и вообще о дальнейшей моей работе. Поездка займет не много времени, съезд рассчитали на два-три дня.

В последней книжке "Сибирских огней" (она только что вышла в свет) помещена моя повесть "Болезнь". Книжку, как только она получится здесь, я тебе пошлю… Если поездка в Новониколаевск состоится, то мне предстоит здорово поработать: во-первых, нужно подготовиться к докладу, во-вторых, неловко ехать туда с пустыми руками, нужно иметь с собою пару новых вещей, с которыми где-нибудь публично придется выступить. Начинаю брать себя в руки и готовиться к завоеванию Новосибирска. Пожелай мне, родная моя, успеха!» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 31 об. – 33 об.)

К докладу Гольдберг отнесся очень серьезно и даже не потому, что публичное выступление было для него чем-то совершенно новым. Тема доклада была важной по многим причинам. Он понимал, что это шанс прочнее связать «старую», дореволюционную литературу с современной, возможность укоренить органическую неразрывность в литературном процессе. В письме к Анне Кроль 23 февраля 1926 г. он писал: «Целую неделю сижу я "обложенный" книгами и готовлюсь к докладу на съезд, о котором тебе писал в предыдущем письме. Если ничто не помешает, то послезавтра выеду, так как съезд назначен на 28 февраля в Новосибирске (Новониколаевске). Так как я от такой работы отвык, то потею и потею я над книгами и материалами здорово. Очень не хочется мне оскандалиться на съезде, но боюсь, что доклад получится у меня не яркий: мало материалу да и прорабатываю я тему очень туго. Жаль будет, если это отравит мне поездку: я-то надеюсь повидать нашу сибирскую пишущую братию, поглядеть на нее, себя показать, укрепить и усилить свои литературные связи и немного освежиться. Ну, ладно, не буду раньше времени умирать!..» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 34–34 об.)

Большую часть денег на проведение съезда писателям пришлось добывать самим. Дорогу оплачивали самостоятельно и для многих затраты на поездку вылились в бытовые сложности. Делегатов местные новосибирские литераторы разбирали по своим квартирам, так как гостиничные расходы никак не вписывались в скудный бюджет съезда. Но уже и по приезду писателей возникли новые организационные проблемы, и участникам съезда пришлось несколько дней ждать начала работы.

Из письма Ис. Гольдберга Анне Кроль 3 марта 1926 г.: «Третий день сижу в Новосибирске. Приехал сюда на съезд писателей, но он еще состоится не скоро – и мне придется проторчать здесь зря больше недели. Правда, даром время у меня не проходит – знакомлюсь с здешней пишущей братией, себя им показываю. В день приезда сюда читал в кружке литераторов свой новый рассказ из тюремной жизни – и, кажется, произвел впечатление. Если съезд состоится вовремя, то мне придется участвовать вместе с некоторыми другими литераторами и поэтами на открытом вечере с чтением своих произведений. Вообще хлопот и неудобств с этой моей поездкой много – а удовлетворения пока никакого…

Встретили меня тепло и искренно, а это одно уже что-нибудь стоит… Остановился я у члена редакции "Сиб. Огней" В. Зазубрина. У него жена и ребенок – пятилетний мальчонка, который сейчас, когда я пишу, возится недалеко от меня и щебечет. Сплю я за неимением кровати на столе, но это не очень неудобно, зато весело и оригинально…». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 38, 40)

Ожидание «нескольких дней» явно затягивалось. К оргвопросам стали все сильнее примешиваться идеологические. Про них мы вообще мало что знаем, они были скрыты от большинства делегатов съезда.

10 марта 1926 г. Гольдберг сообщает Анне Кроль, что он «застрял в Новосибирске». «…Вышло так, что я вместо недели-полутора пробуду здесь, быть может, около 4-х. Чувствую себя выбитым из колеи, мотаюсь по городу без толку, хожу по знакомым и, конечно, ничего не пишу. Настроение у меня подавленное, хотя объективные условия здесь не при чем. Весь секрет в том, что у меня нарушен тот размеренный порядок моей жизни, и я устал, физически устал. Здесь нет хождений, нет неудобной квартиры и т. п. Поэтому я гоню от себя свое брюзжание, жду открытия съезда и возможность после него уехать домой... При всей неустроенности моей бивуачной здешней жизни, при всех неудобствах, которые меня здесь окружают, есть ряд положительных сторон в любой поездке: приглядываюсь я к новым людям, отмечаю условия и приемы работы моих товарищей по цеху, коплю в себе на их примере, на их ответе силы для работы. Знаю теперь, твердо знаю, что нужно приниматься за большую вещь – и если ничто извне не помешает, примусь за нее... А пока что я слоняюсь по здешней "столице", встречаю знакомых, брожу по улицам. Был в театре, на опере "Хованщина": сценка маленькая, зрительный зал паршивый, но оркестр и хор хорошие, да и некоторые исполнители, и к тому же пел бас-гастролер.

Хожу по редакциям, посещаю литературные собрания (они здесь бывают регулярно) – все это в небольшой дозе интересно и занимательно, но может скоро приесться…» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 42–43)

Спустя день в следующем письме Анне Кроль: «Все еще, как видишь, сижу в Новосибирске. Правда, предыдущие дни был занят на профсоюзной конференции, а теперь готовлюсь к писательскому съезду. Устал я от здешнего пребывания, выбил себя из колеи, растерял мысли и живу как-то бездумно и не глубоко. Устал и физически: не хватает мне моей собственной комнаты и давят чужие стены, новые предметы, новые люди... Но сегодня стояла весенняя погода: утра вставали яркие, свежие, журчали вешние воды, таял и обращался в яркую грязь снег. Но сегодня с утра выпал новый снег, который, падая, превращался в грязь, улицы неприветливы, на редких тротуарах ленинградская каша, которая мне напоминает Лиговку, мои скитания там, радостные, обжигающие, незабываемые...

…Череда предыдущего дня, закрытие профсоюзной конференции меня здорово утомили: приходилось целыми днями, с перерывом только на обед, высиживать в накуренном зале, слушать, напрягать слух и внимание. На эту конференцию меня выбрали в Иркутске, и мне нельзя было не поработать на ней. Если наш писательский съезд, ради которого я и торчу здесь, оправдает хоть половину возлагаемых всеми нами надежд на него, то я буду считать, что не зря мотался здесь, не зря потревожил себя... Я тебе уже писал, кажется, что бывал здесь на собраниях группы местных писателей и читал на одном из них маленький рассказ. Послушал я, что дают другие, чем они живут, мои братья-писатели (местные, конечно, зеленые еще), и пришел к заключению, что я очень скромничаю сам, перед собою скромничаю. С кем ни поговоришь из этих пишущих людей, почти каждый или мечтает о создании романа, или же уже пишет его. Это для меня большая наука – я все отмахивался внутренно от настроения, от создания большой вещи, а теперь, видимо, пришло уже для меня время засесть за нее и засесть серьезно и прочно... И вот, если я, благополучно вернувшись домой, сяду работать в том направлении и таким темпом, как я об этом думаю теперь, то моя поездка будет оправдана во всех отношениях...». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 46–48)

Наконец, первый всесибирский съезд писателей начал свою работу. В президиум съезда от Иркутска были избраны Ис. Гольдберг и М. М. Басов. Гольдбергу предоставили слово в качестве одного из основных докладчиков. Сообщение «Сибирская литература дореволюционного периода», с которым

он выступил перед делегатами, отражало его место и роль в сибирской литературе. В глазах литературной общественности он рассматривался как ветеран литературного движения, известный писатель.

Гольдберг проявил себя хорошим знатоком истории литературы. Доклад начал с разбора первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», он вспомнил Словцова, Щапова, Ядринцева и Потанина, Шашкова, Ершова, Наумова, Федорова-Омулевского…

Гольдберг характеризовал сибирскую дореволюционную литературу как крестьянскую. Исходил ли писатель из факта, что основным населением Сибири было крестьянство, было ли это отголоском его народническо-эсеровского прошлого? Не исключено, что и то, и другое.

«Крестьянская» направленность Гольдберга, хотел он того или нет (скорее, нет), выставлялась в противовес пролетарской, а это было чревато, поскольку самого Гольдберга враги советской власти, там, за границей, возводили в ранг лидера именно крестьянского направления в сибирской литературе. Напомню, Зазубрин приводил отклики эмигрантской литературной среды: «Наши противники за границей – эмигранты в том же сборнике "Вольная Сибирь", разбирая наш съезд, говорят: "Напрасно полагает Зазубрин, что "прогноз" Исаака Гольдберга верен только по отношению к дореволюционной сибирской литературе. Нет, это остается верным и в отношении современной сибирской литературы, остающейся, несмотря на "камлание" Зазубрина и его пророчества о приходе нового литератора, "певца пролетарского", – литературой народной, по преимуществу – крестьянской. Такова логика действительности... " Эмигранты не верят в возможность перевода крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии…». (Сибирские огни. 1927. № 6. С. 187)

Не верили не только эмигранты, но не верила партийно-идеологическая машина. Неверие порождало уверенность, что перевоспитание писателей старой школы в массе своей невозможно. А во имя светлой идеи, как считали творцы всемирного счастья, все средства хороши. На практике в ход шло даже физическое уничтожение.

...В целом, съезд сибирских писателей принимал установку на индустриальное развитие страны. Именно промышленность рассматривалась в качестве главной и лидирующей силы в будущем. «Сибирские огни», осмысливая итоги съезда, писали: «Будущее Сибири – блестящее будущее промышленной страны; будущее ее литературы – блестящее будущее

литературы того класса, который является носителем светлейших идеалов всего человечества.

Нам, людям, по-звериному влюбленным в таежные просторы Сибири, тяжела мысль о городе, о городской культуре и лязге фабрик и заводов. Но пусть будет так, пусть человек в нас повалит зверя, поволочет его за гриву.

Пусть рыхлая, зеленая грудь Сибири будет одета цементной бронею городов, вооружена каменными жерлами фабричных труб, скована тугими обручами железных дорог. Пусть выжжена, вырублена будет тайга, пусть вытоптаны степи.

Пусть будет так, и так будет неизбежно. Ведь только на цементе и на железе будет построен железный братский союз всех людей, железное братство всего человечества». (Сибирские огни. 1926. № 3. С. 224).

Время подхода к индустриализации в СССР и новая идеология требовали жертвенности и жертв во всем, в том числе в литературе. Крестьянские приоритеты уходили в прошлое, крестьянские мотивы писателя Гольдберга должны были раздражать новых идеологов. Не случайно в выступлении Гольдберга Владимир Яранцев усмотрел эти мотивы и посчитал их криминальными по отношению к действующему режиму.

На съезде развернулась дискуссия. Вегман, признавая наличие сибирских литераторов, тем не менее считал, что говорить о сибирской литературе нельзя, так же, как о рязанской или тульской. Сам термин «сибирская литература», по его мысли, заключал в себе противопоставление ее русской литературе, а это «пахнет политическим областничеством».

С этим не согласились Гольдберг и Казанский. Они были твердо убеждены – сибирская литература существует. И доказательства их строились на интерпретациях областнических идей. Сибирская литература, несомненно, существует, «поскольку существует своеобразная природа, история Сибири, своеобразный быт и порождаемая этими факторами своеобразная психология сибиряков, но существует она внутри общерусской литературы отнюдь не как противоположность ей, а как ее своеобразная ветвь, кровно с ней связанная».

Съезд закончил свою работу только 25 марта 1926 г. Более месяца провел Гольдберг в новой столице Сибири – Новониколаевске-Новосибирске. В письме к Анне Кроль 26 марта 1926 г. он писал: «Больше

недели я мотаюсь по съездам, устаю дьявольски, ложусь спать поздно и утром встаю с головною болью. Вчера, наконец, кончился наш писательский съезд и я уже собрался уезжать домой. Но чувствую себя таким разбитым, что решил передохнуть здесь день-другой: как бы не слечь в поезде... При всей напряженности, при всей усталости, при всем беспорядке, которые сопровождали мою работу здесь, я съездом доволен: все-таки, как-никак, а мы соорганизовали сибиряков-писателей в Сибирский союз, создали центр – правление. В последнее избрали и меня... Теперь только бы не расхвораться и можно приниматься за работу...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 50–50 об)

Разумеется, Гольдберг пытался оценить какие-то стороны съезда. Первые выводы делались по горячим следам. 31 марта 1926 года он сообщал Анне Кроль: «В Новосибирске, как я тебе уже писал, я попал в сутолоку: я был там для некоторых кругов, близких к литературе, человеком свежим, ко мне приглядывались, от меня чего-то ждали. Не знаю, вполне ли я оправдал эти ожидания, но кажется мне, что я оставил по себе хорошую память. При этом, Нюсик, я оставался самим собою, не кривил душою и предлагал брать меня таким, каков я был и есть… Уехал я из Новосибирска с еще больше укрепившимся убеждением, что нужно работать и работать – писать и писать. К этому я и должен приступить после небольшого отдыха...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 54–55.)

Он отдыхал целую неделю! Как писал Гольдберг Анне Кроль 7 марта 1926 г.: «…Приходил в себя и исправлял здоровье. Сейчас чувствую себя несравненно лучше, чем когда приехал из Новосибирска: в первые дни приезда я все боялся слечь в постель, а сейчас я крепок, бодр и здоров. Привожу в порядок запущенные дела, продолжаю прерванную поездкой деловую переписку, роюсь в своих начатых рукописях – вообще принимаюсь за дело. На днях делал два доклада о съезде – один в местной литературной группе, другой в историко-литературной секции отдела географического общества. Докладами этими я отдал дань общественности и теперь могу вплотную приниматься за личные дела…

…В поездке резко и ярко осознал необходимость засесть за большую работу – за законченную повесть; сейчас я брожу и в голове оформливаю скелет будущей повести. Оформление пододвигается туго, но я себя все утешаю, что не пришел в себя окончательно от поездки, еще не вошел в обычную, постоянную колею: когда приду в себя, работа пойдет продуктивнее и интенсивнее...

…Мои товарищи по работе (по "Сиб. Огням") в Новосибирске, особенно один из них, Зазубрин, у которого я прожил там все время, мне как-то сказал: "С Вами, Ис. Гр. удобно в общежитии, вы нисколько не стесняете, а вместе с тем вы молчите... Вы все таите в себе..." И верно: я слушал и впитывал в себя все, что меня окружало, а сам не раскрывался, был замкнут, не нелюдим, а сдержан – и не даром они там только потом спохватились, что это было именно так... А между тем, девочка родная моя, сколько раз я хотел, я жаждал по душам поговорить с кем-нибудь! Как часто мучило меня мое одиночество!.. Ведь это так тяжело носить в себе самом все... Единственный выход – как-нибудь сказать об этом в своих произведениях, но здесь нужен максимум деликатности, тонкости и искусства: чтобы не затмить в край передачи того, что почитаешь самым дорогим, самым сокровеннейшим в себе самом, для себя...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 57–59)

Новосибирская поездка на писательских съезд и все, что с ним было связано, реально «встряхнули» Гольдберга, «засидевшегося» на одном месте. Новые впечатления, знакомства, а главное – явная человеческая востребованность персонально и его литературных произведений расширили среду его «обитания». И хотя входил он в рабочую колею, по его собственному определению, очень медленно, возвращался в Иркутск с новыми мыслями, идеями и ощущениями. 22 апреля 1926 года он сообщал Анне Кроль: «Работаю сейчас над повестью из обывательской жизни 1920–1922 годов. Задумал я ее и даже начал еще год назад, но только теперь руки до нее дошли. Хочу рассказать об обыкновенных мелких людях, о том, как шарахнула их жизнь, как размолола... Пишу и не знаю, кончу ли и когда... Одновременно заканчиваю два мелких рассказа». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 67 об.–68)

В мае он получил несколько приятных новостей: «…два и/д (издательства – С. Г.) "Прибой" и "Огонек" желают издавать мои рассказы в своих общедоступных сериях. "Прибой" издает рассказ "Наследство капитана Алешкина" одной книжкой, а в другую включит что-нибудь из "Закона тайги". Материально это даст мне в общей сложности 200 руб. "Огонек" издаст книжкой "Бабью печаль" и "Человека с ружьем», за эту книжку я получу 150 рублей. Вот я сразу и разбогатею! Но дело здесь не только в "богатстве": книжки будут выпущены в 25–30 тысяч экземпляров. Для популярности это пустяк...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 78 об.)

14 мая 1926 г. он сообщал Анне Кроль: «Вчера целый день я возился с интересным делом: подбирал материал для книги моих рассказов, которая,

кажется, выйдет нынче в свет. Я тебе, Нюсик, уже писал, что после поездки в Новосибирск, узнав там, как относятся к нам, сибирякам, в центре (в Москве и Ленинграде), я предложил госиздату в Ленинграде мою книгу рассказов страниц на 160–180. Вчера я получил от них телеграмму, извещавшую меня, что они согласны издать меня и просят спешно выслать рукопись не откладывая в долгий ящик, я вчера же подобрал рассказы, выправил их, отправил спешной почтой.

Теперь, если не произойдет никаких изменений, у меня выйдет в этом сезоне три книжки: две маленьких в издании "Прибой" и "Огонек" (об этом я тебе, родная, писал) и одна "настоящая" книга – в издании госиздата»(РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 81–81 об).

В июне журнал «Сибирские огни» опубликовал рассказ Ис. Гольдберга «Путь, не отмеченный на карте». Гольдберг вспоминал: «Гражданская война, отображенная у меня в основном цикле повестей и рассказов "Путь, не отмеченный на карте", надолго довлела над моим творчеством. Темы гражданской войны, партизанщины были ряд лет основными и даже исключительными темами, во власти которых я находился целиком. Героика гражданской войны, окрашенная своеобразием таежной обстановки, таежных нравов и таежной природы, соблазняла углубляться в дальнейшее продолжение линии "закона тайги»", линии, которая была доминирующей для меня раньше»(Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Иркутск. 1989. С. 571–572).

Пришло важное для писателя известие из Ленинграда в начале июня. «Вчера получил из Ленинграда от госиздата письмо по поводу книги: книгу, в которую войдут шесть рассказов и которая будет названа "Путь, не отмеченный на карте", они издадут в ближайшее время: для того, чтобы не было задержки в издании, они не пошлют мне корректуру; обложку для книги заказывают художнику. На днях обещают выслать договор мне на подпись. Попутно пишущая братия ленинградская выражает желание связаться со мною частной перепиской. Если все пойдет нормально, то не позднее, чем через месяц, я получу уже первую часть гонорара за эту книгу». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 95)

В быту Гольдберг был скромен и не особенно притязателен. Но деньги ему нужны были постоянно: его не покидала надежда на встречу с Анной Кроль. Оплатить поездку из Парижа в Ленинград или Москву, а тем более в Иркутск, было делом дорогостоящим. Кроме того, они еще мечтали отправиться в путешествие в Крым…

В письме от 10 октября 1926 года писатель сообщает: «Только что получил из госиздата телеграмму, извещающую меня, что книга моя сдана в печать целиком, т. е. включая и тот рассказ, который встречал кой-какие сомнения. Первым моим побуждением – поделиться этой вестью с тобою, моя единственная, и я пишу тебе эти строки. Ты представишь себе, девочка, как меня огорчила возможность изъятия из сборника лучшего, по моему мнению, рассказа. Изъятия по чьему-то недосмотру, капризу или упрямству! Хорошо, что в Ленинграде у меня нашлись новые, неведомые мне друзья, которые спасли мою книгу от калечения, а меня от большого огорчения. Я знаю, что ты разделишь мою радость, моя единственная, что тебе будет только приятно узнать об этом – и я, не откладывая, сразу тебе пишу... Книга, как я тебе писал, выйдет под общим названием "Путь, не отмеченный на карте"; в нее входят рассказы: 1) "Круг", 2) "Борель", 3) "Пятый четверг", 4)"Бабья печаль", 5) "Гроб подполковника Недочетова", и 6) "Путь, не отмеченный на карте". Именно последний рассказ стоял под ударом, но, к счастью, уцелел». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 160–161)

В начале декабря он писал Анне Кроль: «…Несколько дней тому назад, 1-го, я пережил потрясающую радость. С почты принесли посылки с авторскими экземплярами моей книги. Как у меня, Нюсик, дрожали руки, когда я вскрывал посылки! Как у меня на мгновение замерло сердце, когда я вытаскивал первый экземпляр! И этот первый экземпляр в придачу к нему еще одной книжки я тут же подписал, заделал в бандероль и послал тебе, девочка моя! Потому что радость моя не была бы полной, если б я не почувствовал, что и ты разделяешь ее со мною. Когда ты получишь книжку, я знаю, что и ты переживешь такие же минуты, как и я. Я это знаю, чувствую, и это еще больше множит мою радость…

Книжка внешним видом своим мне понравилась, меня удовлетворила. Издательство, по-моему, сумело сделать ее изящной и внешне культурной. Художник, рисовавший обложку, проникся общим настроением книги и дал обложку, в значительной степени гармонирующей с содержанием рассказов… Вот как я принимаю мою книгу. Напиши, Анна, как тебе понравилась книга в целом. Пиши все так, как ты мне всегда пишешь. Имей в виду, что споры вызвал последний рассказ. Он помещен без всяких изменений». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 193–193 об.)

В творческом плане 1926 год завершался для писателя вполне успешно. Книги его теперь издавались в главных издательствах СССР, он получил всесоюзную известность. Участие в сибирских писательских съездах

значительно расширило его круг общения, знакомство с издателями усилило профессиональную востребованность. Он становится автором, в котором заинтересованы издательства, – вышедшие книги этого писателя не залеживаются на складах и хорошо продаются. Более того, появляется, хотя и не очень внятный, интерес к нему со стороны зарубежных издательств.

Наступает 1927 год. Последнее письмо уходящего 1926 года, написанное 31 декабря, адресовано Анне Кроль. Она по-прежнему в Париже. Он в Иркутске. Все эти годы он живет иллюзиями, что Анна рядом, она незримо присутствует в его жизни. И он общается с ней, как будто бы и нет этих тысяч километров, задержек с письмами, у каждого «своей» жизни…

«Мне дорог и ценен твой отзыв, и во многом, девочка моя, ты права. Права ты, Нюсик, в том, что у меня встречаются стилистические перебои. Я сам вижу и знаю их, но они появились и появляются в процессе творческой работы. На прошлых ошибках, которые, к счастью, не всегда делаются у меня органическими и непоправимыми, я учусь и развиваюсь. Несомненно, что есть в любой работе какая-то черта, которую я никогда, может быть, не смогу перейти: может оказаться, что мои творческие способности ограничены, но с этим ведь ничего не поделаешь… Напиши, пожалуйста, родная, какие места остановили в смысле стиля твое внимание. Как странно, Нюсик, что рассказ, который я сам люблю больше многих своих вещей, "Круг", тобою нелюбим… Меня даже сжало как-то всего, когда я это прочитал в твоем письме. Вообще, к своим рассказам после появления их на свет я всегда отношусь сам с собою наедине скептически, а вот "Круг" я ценю. Может быть, то, что происходит, это оттого, что с "Кругом" внутренне у меня связан ряд будущих вещей: рассказов о таких вот людях, с такой своеобразной "правдой", как хитрый бывший поселенец из "Круга". Меня тянет к таким типам, и возможно, что я вижу в старике этом больше того, что сумел показать читателю, в данном случае тебе... То, что "Болезнь" я растянул, я чувствую и вижу, и каюсь… Теперь о тенденциозных концах. Нюсик, родная, есть одно достоинство в моих рассказах, которые я хочу, чтобы ты почувствовала: своих героев я ненавижу или люблю, как живых людей. Разложившиеся белые, которые идут по пути, не отмеченному на карте, это те живые люди, к которым сердце мое искренне пылает ненавистью. Но разве я ударил где-нибудь лежачего? И не являются ли доказательства этому (что я не бил лежачих) на каждом шагу в книжке, в особенности в последнем рассказе и в "Болезни»!?.. А концы, которые покоробили тебя, родная, ведь вытекают органически из каждого рассказа. Но если они коробят тебя, чуткого человека, то значит, они грешат против

художественной правды и, следовательно, сделаны они мною плохо. Это, жена моя, родная моя, я учту в дальнейшем... Что касается того, чтоб дать книгу для отзыва, то представляю это полному твоему усмотрению». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 204–205 об.)

Весной 1927 года Гольдберг интенсивно работает. Из письма Анне Кроль 15 марта 1927 года: «Кажется, у нас уже появились признаки весны: солнце светит весело и по-новому, с крыш капает, дорога портится. Вместе с предчувствием, с осторожным приходом весны отогревается мое сердце: эту неделю чувствую себя бодро и спокойно. Помимо уверенности в скором приходе весны и тепла в этом отогревании моего сердца сыграло значение и бодрое желание работать, работать и работать. Кроме того, я собираюсь съездить на несколько дней в Новосибирск, где состоится пленум правления Союза писателей, на котором мое присутствие, как члена правления, обязательно. В эти же дни в Новосибирске состоится празднование пятилетия "Сибирских Огней" – и на этом празднике мне также необходимо быть. Но помимо всего этого я из того же Новосибирска от краевой газеты "Советская Сибирь" получил предложение написать авантюрный роман, который можно было бы печатать в газете ежедневно в течение летних трех месяцев. Я подумал, посоображал – и дал уже свое принципиальное согласие принять этот "заказ". Соблазнили меня на это дело не только хорошие материальные условия (обещают заплатить хорошо), но и целый ряд иных, не менее важных соображений. В Новосибирске я договорюсь с ними окончательно. Работать над "романом" я уже начал. Я знаю и предупредил моих "заказчиков", что роман будет в значительной мере халтурным, это все принято во внимание и никого не отпугивает. Если сделка эта состоится, я засяду за работу, и как только потеплеет, уеду в ту же Маркову возле Иркутска, чтоб убить двух зайцев – работать и дышать свежим воздухом. Работать над "романом" придется месяца три...

… Кроме материальной стороны в этом деле есть для меня еще другая, так сказать воспитательно-педагогическая: я впервые засяду за работу дисциплинированно, зная, что должен ежедневно написать не менее определенного числа строк. Это будет трудно для меня с непривычки, но надо попробовать – и я сознательно влезаю в этот хомут. Пожелай мне, роднуля моя, успеха в этом деле! Жалко будет, если я сдам!» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 31 об. – 33.)

В Ленинграде и Москве выходит книга «Путь, не отмеченный на карте». Книга была хорошо встречена и читателями, и издателями, и коллегами по

писательскому цеху. Переиздания рассказов, которые вошли в нее, следовали и дальше. Правда, время от времени их отдавали на обязательную закрытую рецензию. В это раз рецензентом выступал Иван Евдокимов. Положительных оценок в ней значительно больше, чем критических. «Ис. Гольдберга читаешь, забывая порой о недостатках языка и построения его книги. Забываешь и о знакомых темах, бесконечно использованных молодой советской литературой. Это уже много. Это значит – перед нами писатель со своим индивидуальным лицом, умеющим передать внутренний "мир в себе"…

Ценность книги Ис. Гольдберга, зарисовавшего неглубокие и не дающие материала для широких… обобщений эпизоды гражданской войны, главным образом в умении показать людей живыми, отметить в них индивидуально-человеческое, горькое и смешное, трагическое и комическое, вызвать перед глазами художественно правдивые образы людей; водруженных на ходули нет ни в одном из шести рассказов, составляющих книгу…». (РГАЛИ. Ф. 1246. ОП. 1. Д. 135. Л. 1.)

21 марта Исаак Гольдберг приехал в Новосибирск на празднование пятилетия журнала «Сибирские огни». Ему было поручено выступить на торжественном вечере в честь юбилея первым – он открывал праздник от имени Сибирского союза писателей. 25 марта, спустя несколько дней после юбилейных торжеств, он пишет Анне Кроль: «На этом праздновании мне пришлось председательствовать на торжественном заседании в здешнем театре. Говорились речи, произносились приветствия и все, что обычно бывает в таких случаях. Устал я здорово. Устал еще и от того, что пришлось ходить в гости, делать "визиты". Завтра собираемся ехать домой. Поездка сюда встряхнула меня, у меня куча "заказов", над которыми нужно будет засесть, как только я вернусь домой. Я умышленно не отказался от ряда литературных заданий, которые здесь получил, чтобы проверить свою трудоспособность. Для того, чтобы я с честью вышел из положения, мне придется в ближайшие два-три месяца работать не меньше четырех-пяти часов ежедневно». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 35–35 об.).

Пятилетний юбилей журнала «Сибирские огни» сделался заметным событием литературной жизни Сибири. Один из немногих регулярно выходивших толстых журналов был одинаково ценен для начинающих и опытных литераторов.

Красивая, содержательная речь Гольдберга не могла не вызвать подъема в зале. «Пять лет – ведь это еще не юбилей. Пять лет – еще не

астрономическая цифра. В дореволюционное время над таким юбилеем смеялись бы, так как для времен дореволюционных, чтобы праздновать юбилей, нужно было пятьдесят, сто лет, самое меньшее – 25. Но мы живем в эпоху, когда исторический период не измеряется столетиями. Мы пережили 10 лет, которые ознаменовали собою большие перемены, ряд эпох. Мы живем в момент, когда считают не годами, а эпохами, и поэтому пять лет существования какого-нибудь общественного или культурного учреждения или предприятия – это не пять лет, а целая эпоха, ряд эпох.

Поэтому наш праздник, скромный праздник "Сибирских огней" – наш праздник сибирской литературы приобретает большое общественное значение». (Сибирские огни. 1927. № 2. С. 174.)

Из письма Анне Кроль 6 сентября: «…Как видишь, я еще в Иркутске. Работа моя подходит к концу, но все-таки еще удерживает меня здесь… На днях из Москвы из издательства "Гудок" получил предложение (и согласился на него) издать маленькую книжечку, куда войдет "Бабья печаль" и пара других рассказов. Книжечка эта войдет в библиотечку, идущую вроде приложения к газете "Гудок" – орган железнодорожников. Материально это даст рублей 200; кроме материальной выгоды здесь важна связь, которую я устанавливаю с этим издательством. Там, говорят, сидят ребята хорошие, и с ними интересно иметь дело. Вообще, по всей вероятности, если сам я нынче побываю в Москве, я крепче свяжусь с издательствами и редакциями и наберу на зиму работы. Сейчас я стараюсь не думать ни о какой работе. Единственно, что меня очень прельщает, это непременно устроить где-нибудь новую книгу рассказов с центральным рассказом "Сладкая полынь" во главе. Кстати, на днях вышлю тебе 4-ю книжку "Сиб. Огней", где помещено окончание этой повести…». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 111 об. – 112 об.)

15 ноября. Из письма Анне Кроль в Париж: «…Здесь я пробуду еще с неделю. Задержался я в Москве, во-первых, потому, что вообще мне хотелось побродить по ней, побывать в музеях и театрах, а во-вторых, чтобы закончить кой-какие дела с издательствами. Мне удалось, моя любимая, заключить договор с Госиздатом на новую книгу "Сладкая полынь". Книга будет размером с "Пути, не отмеченного на карте" и выйдет, по всей вероятности, в конце этого года. Договор я подписывал в день своего рождения…»(РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 140.).

Это была сложная книга для писателя. Заглавный текст – повесть «Сладкая полынь» о судьбе и несчастной любви бывшей партизанки Ксении

– он посвятил «Другу моему – Анне». Анне Кроль, которую он называл своей женой, которая, без сомнения, была его музой до момента женитьбы на замечательной женщине Л. И. Исаковой. Напомню, что Анна Кроль с 1925 г. находилась в Париже с родителями, и переписка оставалась единственной возможностью общения.

28 ноября. Из письма Анне Кроль в Париж: «Я еще все в Москве! Собираюсь на днях, наконец, уезжать. По совести, меня уже утомили мои путешествия: хочется вернуться к налаженной жизни, засесть за работу… Вкратце подведу итог тому, что мне удалось сделать, не затрачивая больших усилий. Госиздат взял у меня книгу рассказов "Сладкая полынь" – договор уже подписан и часть гонорара получена. В Ленинграде Госиздат же принципиально решил выпустить второе издание "Пути, не отмеченного на карте", кроме того, они сами возбудили вопрос о переиздании моих "Тунгусских рассказов". Окончательно этот вопрос будет решен, когда я с ними спишусь из Иркутска. В Москве "Московское товарищество писателей" возьмет у меня книгу рассказов и просит дать свои вещи в выпускаемый ими альманах. Как видишь, жена моя любимая, итоги значительные. Теперь только засесть за работу и творить... И если не будет никаких неожиданностей, то в дальнейшем я смогу выбросить на книжный рынок несколько книг и укрепить свое имя не только в Сибири, но и по Союзу...». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 150–150 об.)

24 декабря. Из письма Анне Кроль в Париж: «…Привожу в порядок некоторые старые уже напечатанные рассказы – хочу собрать книжку листов в 7–9 печатных для Московского Товарищества Писателей, которое принципиально согласно издать меня. Третий день сижу за машинкой и перепечатываю (и попутно отделываю) один рассказ. Сегодня думаю окончить эту техническую работу и отослать рукопись в Москву в издательство... На днях мне пришлось здесь выступать от имени Сибирского Союза писателей с приветствием в театре на торжестве по случаю 30-летия гор. театра.

Принимали меня очень тепло, даже смутили этим приемом, но приветствие мое многим не понравилось; оно явилось диссонансом среди всех приторно-юбилейных, в большинстве случаев неискренних приветствий... Я и сам не очень-то доволен, что выступал...». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 159–159 об.)

30 декабря. Из письма Анне Кроль: «…За последние дни я приступил к работе. Намечаю сравнительно большую вещь. Боюсь только, что придется в

январе-феврале съездить в Новосибирск, и это немного собьет меня с толку...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 14. Л. 159 об.)

Декабрь. Рассказ «Гроб подполковника Недочетова» прочитан на публичных читках учителем А. М. Топоровым в крестьянской коммуне «Майское утро» на Алтае. Книга «вызвала живейший интерес и оживленнейшую дискуссию среди коммунаров. По наблюдениям Топорова, "весь цикл рассказов Ис. Гольдберга "Путь, не отмеченный на карте" очень понравился коммунарам "Майского утра", но особенно сильное впечатление у них оставил "Гроб подполковника Недочетова". "В этом произведении, – писал Топоров, – моих слушателей захватила не только человеческая трагедия, развернутая на величественно-жутком таежном фоне, но и самое живописание тайги и быта обитателей"». (Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Иркутск. 1989. С. 618).

В целом 1927 год прошел спокойно, без особых потрясений. В его личной жизни нет видимых изменений. Он надеется на встречу и создание семьи с любимой женщиной Анной Кроль. В октябре ему исполнилось 43 года. И, судя по имеющимся отрывочным сведениям, он тяготится одиночеством, хранит верность своей Анне, но отсутствие возможности общения, создания семьи явно отражаются на его настроении. Вся энергия уходит в литературную и организационную работу. Нетрудно заметить, что прошедшем году Гольдберг много издавался. Он становится востребованным автором всероссийского масштаба. Его произведения включаются в тематические планы крупнейших советских книгоиздательств. За изданиями следуют переиздания. Будучи членом руководящих органов литературных организаций, он много ездит по Сибири, что помогает ему «напитываться» новыми впечатлениями. Это, безусловно, способствует поиску новых сюжетов и новых тем.

В 1928 году переписка Гольдберга и Анны Кроль продолжалась, в письмах он писал ей о событиях, настроении, планах. Писатель участвовал в различных городских мероприятиях, выступал в коллективах, ездил в командировки в составе писательских литбригад. Работал с молодыми, помогал профсоюзам. Искрометный, быстрый, не требующий каких-то особых подходов человек. Его настроение меняется по многу раз на дню, он легко обижается, легко идет на контакт, мирится... Он настоящий, живой, всем интересующийся. И одинокий: один прогуливается вдоль Ангары, один ухаживает за своим маленьким садом, один путешествует по стране... И это накладывает отпечаток на его психотип – он частенько впадает в грусть,

тоскует в письмах, тоскует в текущей жизни, а бесконечная тревога за Анну привносит нотки нервозности, депрессии.

В 1928 году исполнилось 25 лет литературной деятельности Ис. Гольдберга. Эту дату как начальную точку отсчета писательства он назвал сам. Следовательно, он считал, что литературная работа началась у него с 1913 года. Мы не будем листать страницы назад, не будем спорить с Ис. Гольдбергом, правильно ли он определился с хронологией, ведь его статьи в периодической печати появлялись и раньше. Ему виднее. Никаких юбилеев по этой части ни он сам, ни общественность не устраивала. Время для больших праздников еще не наступило.

23 мая он пишет Анне Кроль в Париж: «О твоих планах ты мне ничего не пишешь. Вот тебе немного о моих: я, по всей вероятности, через месяц поеду в Хайту (недалеко от Иркутска фарфоровый завод). Там я буду собирать материал для большой вещи – повести или романа. Одновременно буду писать очерки (штук 10) для "Сов. Сибири" (новосибирской газеты). В Хайте или в ее окрестностях хорошая природа, и я смогу там подышать свежим, лесным воздухом. Предполагаю пожить там не менее месяца. Я уже договорился с редактором "Сов. Сиб", который как раз находился в командировке в Иркутске...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 15. Л. 54–55).

19 июля. Из письма к Анне Кроль в Париж из поселка Хайта: «Вот живу я здесь несколько дней. Все для меня тут ново и необычно, и я без устали брожу по поселку, по фабрике, по цехам. К вечеру устаю, но чувствую себя бодро. Знакомых у меня тут нет, а я временами остаюсь в одиночестве в своей неуютной комнате и перемалываю в себе дневные впечатления. Впечатлений много и они с трудом откладываются во мне, отсеиваются. Начал понемногу работать. Пишу полубеллетристические очерки. Один уже закончил и послал в редакцию. Намечаю ряд других. А попутно коплю в себе материал для художественной вещи. Хочется приглянуть что-нибудь действительно ценное и стоящее, хочется наверстать время, ряд зря ушедших месяцев». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 15. Л. 79–79 об.)

7 августа. Из письма к Анне Кроль из Хайты в Париж: «Я живу здесь вторую неделю. Хожу тихо и внутреннее одиноко. Впитываю в себя все, что вижу, с чем знакомлюсь, и пишу очерки. Послал уже несколько очерков в газету, а попутно намечаю себе ряд художественных работ. Если бы ты знала, родная, как много для меня здесь нового и неизвестного! Вот на днях съездил я на день в ближайшую сельскохозяйственную крестьянскую коммуну и полюбовался вполне обобществленным трудом и полным

коммунальным распорядком внутренней жизни коммуны. Это те же окрестные крестьяне, веками привыкшие к единоличному хозяйству, а ты бы посмотрела, Нюсик, на них в этой новой обстановке дружного, коллективного труда!.. Брожу я по окрестностям фабрики. До некоторой (и только до некоторой) степени пребывание здесь заменяет мне дачу: хорошая река Белая, пруд, кругом леса. Утрами и вечерами с полей и от лесов тянет ароматом трав и хвои. Вечером любуюсь закатом и прекрасным видом на пологие лесистые горы и на излучину реки. Порою чувствую себя отрешенным от мира, предоставленным самому себе, по-хорошему одиноким. Такое одиночество изредка полезно и прямо необходимо... Вот так и живу, родимая моя, моя желанная. Через недельку возвращусь домой и примусь за приведение в порядок и систему накопленных впечатлений. Что войдет, не могу еще сам себе представить. Пока что ношу в себе пару рассказов, которые оформлю по приезде в Иркутск. О большой вещи вплотную еще не думал, но не теряю надежды засесть за нее. Если работа пойдет, то вряд ли нынче осенью поеду куда-нибудь. Скорее всего, съезжу только в Москву, но это постараюсь сделать попозже, к началу зимнего сезона. А впрочем, не стану загадывать вперед!..» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 15. Л. 80–83 об.).

В апреле следующего года он пишет Анне: «Моя летняя поездка на Хайтинскую фарфоровую фабрику дала мне порядочное количество материалу, но я как-то путаюсь в нем, еще целиком не переварил его в себе, и оттого, пожалуй, работа моя идет очень вяло. Вообще, как ты могла уже заметить, я не очень "плодовит": ведь почти за весь прошлый год я написал одну только вещь "Ли Тян уходит". Правда, у меня "валяется" много начатых вещей – когда я их закончу, не знаю… Порою мне от моей неспособности работать делается, Нюсик, так тошно, так тошно! Зато в те минуты, когда то, что пишешь, самого захватывает – тогда на мгновение на сердце песни поют и мир кажется прекрасным!». (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 16. Л. 32 об.)

8 февраля 1930 года «Власть труда» сообщает о выходе первого номера журнала «Сибирские огни» за 1930 г., где опубликована повесть Ис. Гольдберга «Поэма о фарфоровой чашке». И. Гольдберг вспоминал: «К чисто производственной теме вплотную я пришел впервые в моей "Поэме о фарфоровой чашке"…

Уже первое соприкосновение с новым материалом обогатило меня. Между тем материал грозил затопить меня. Его обилие, его новизна затрудняли на первых шагах работы построение сюжета. Был соблазн

строить сюжет на чьих-либо личных переживаниях, на какой-нибудь личной драме. Был еще и другой, более опасный соблазн: углубиться в прошлое, увлечься экзотикой и романтикой старины. Наконец, не исключена была опасность запутаться в мелочах производственной техники, заняться показом технических, производственных деталей и процессов. Все это я ясно представлял себе, и со всем этим мне приходилось бороться. Нужно было, как мне казалось, показать человека на производстве, не как часть, не как придаток к этому производству, а как нечто более значительное, более важное и целостное. И, с другой стороны, производство, его особенности, его элементы не должны были являться в произведении только каким-то фоном. Сложность задач, поставленных предо мною современной производственной темою, принудила меня пересмотреть некоторые методы и приемы работы, заставила как-то по-новому, не совсем так, как до этого, брать необходимый материал. По-новому, уже с меньшим наполнением наблюдения, с меньшей объективностью и безучастностью, присущими прежнему моему отбору материала для очередного произведения».(Исаак Гольдберг. Сладкая полынь. Иркутск. 1989. С. 580)

Именно в 1930 г. Гольдберг делает поворот к производственной тематике. Героика и романтика Гражданской войны, кажется, все менее и менее интересует его. Его роман «Поэма о фарфоровой чашке» – в духе времени. Рабочий класс создает новую жизнь. Гольдбергу, вероятно, было интересно прикоснуться к новой для себя теме, новым героям. Связь с прошлым не мешает ему постоянно думать о будущем. Вся страна диктатуры пролетариата думает о нём. Вслед за первым производственным романом появятся и другие, а воспоминательная нить приведет к книгам о революции, в том числе и первой русской революции в Иркутске.

Гольдберг продолжает ездить по области, он вовсю включен в общественно-политическую жизнь. Вероятно, это был последний год, когда партийные идеологи не «замечали» его книги. Уже в следующем году все резко изменилось.

Весной 1931 года Гольдберг встречался с М. Горьким в Москве. Как раз в это время проходил пленум писательского союза. Гольдберг вспоминал: «У сибиряков было поручение: пригласить Алексея Максимовича побывать в Сибири, посмотреть на ее рост, на ее процветание.

К Алексею Максимовичу в это время трудно было попасть. Опыт первого приезда писателя в Москву, когда его буквально осаждали сотни посетителей, научил, что затруднять и беспокоить его зря не следует, и к М.

Горькому допускали по выбору. Сибиряков он принял охотно. Он вышел из кабинета навстречу и, сияя молодыми глазами, сказал:

– Так вот вы какие!

О Сибири Алексей Максимович заговорил с воодушевлением и пылом. Эта страна всегда привлекала его внимание». (Литературное наследство Сибири. Новосибирск. 1969. Т. 1. С. 81).

Информационное поле вокруг писателя сужается, упоминания о писателе и его произведениях крайне редки. Подоплеку таких резких перемен со стороны идеологов к произведениям Гольдберга описать сложно – источников крайне мало. Все готово к созданию одной-единственной литературной организации – практически министерства по делам литературы – Союза Писателей СССР. Безусловно, свою роль играет общая обстановка в стране – внутрипартийная борьба, нагнетание негативного фона и отношения к интеллигенции вообще. В Иркутске это особенно ярко видно на примере университета – Иргосуна. Фактически он уничтожается как единый универсальный вуз, взамен которого партийные идеологи создают ряд отраслевых учебных заведений.

23 апреля 1932 года ЦК ВКП(б) принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций. Перестали существовать ВОАП и РАПП и был создан единый Союз советских писателей. Идея централизации литературного хозяйства была претворена в жизнь. Высшее политическое руководство считало, что создание литературного министерства позволит свободнее, а главное реально управлять литературным процессом – РАПП с этой миссией явно не справлялся, погрязнув в склоках, пристрастиях, борьбе с теми, кто исповедовал иные литературные, философские взгляды. Исходили также из того, что к этому времени подавляющее большинство литераторов «повернулось в сторону советской власти».

Анализируя изменения, происшедшие в писательской среде Восточной Сибири после постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций, прежде всего отмечались лучшие книги писателей. В их числе первой стоит «Главный штрек» И. Гольдберга. «В "Главном штреке" И. Гольдберг ставит одну из основных проблем нашей современности – социалистическую переделку, переплавку людей на основе коллективного труда, производства. Ярко, убедительно рисует он, как темный, неразвитый крестьянский парень Федор попадает из деревни в каменноугольную промышленность, как он со страхом опускается в шахту,

как недоверчиво относится к рабочим, но затем, втянувшись в производственную жизнь, сблизившись с рабочими, комсомолом, из несознательного отсталого становится сознательным передовым рабочим, ударником и комсомольцем. Путь рождения ударника и комсомольца рисуется во всей его сложности, противоречивости: тут и сомнения, колебания, тут болезненная, мучительная борьба с вековыми предрассудками, пережитками проклятого прошлого. Наряду с переделкой крестьянского парня Федора И. Гольдберг рисует переплавку инженера Осталовского. Инженер, так же, как и Федор, в результате тесной связи с рабочими массами, видя их героизм, энтузиазм в борьбе с прорывом, заражается их энергией, порывает со своими интеллигентскими сомнениями, колебаниями и целиком встает на платформу советской власти. Глубина переплавки Осталовского видна из того, что он, мучительно преодолевая пережитки старого, не останавливается перед выдачей ГПУ своего бывшего товарища, ставшего вредителем, рвет с женой, желавшей видеть в нем противника советской власти. Художественно, правдиво показывает автор роль социалистического труда, переплавляющего в своем горне психику, основание людей, рождающего новых людей, достойных нашей эпохи. Этим произведением автор продолжает путь, начатый "Поэмой о фарфоровой чашке", путь художественного показа социалистической стройки, решительно порывая с надклассовыми мотивами, экзотикой, преобладавшими в "Тунгусских рассказах", "Тайга в огне" и др.». (Восточно-Сибирская правда. 1933. 23 апреля).

28 декабря 1932 года на расширенном пленуме Западно-Сибирского оргкомитета Советских писателей в Новосибирске было принято решение торжественно отметить 30-летие литературной деятельности Ис. Гольдберга.

Декабрь. В шестом номере журнала «Сибирские огни» публикуется рассказ Ис. Гольдберга «Двойное шаманство».

В журнале «Будущая Сибирь» опубликована статья Ис. Гольдберга «Учитель и старший товарищ (к 40-летию литературной деятельности Максима Горького)». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1932. № 4–6).

Вышел сборник рассказов Ис. Гольдберга о Гражданской войне «Тайга в огне».

Гольдберг часто обращался к жизни и творчеству М. Горького. Об их взаимных симпатиях хорошо известно. И, конечно, сибирский писатель не мог не откликнуться на юбилей литературной деятельности Горького.

Гольдберг вспоминал о встрече с ним весной 1931 года на писательском пленуме в Москве. В разговоре, между прочим, Горький отметил создание «Сибирской советской энциклопедии»: «…Я за сибиряками слежу. Я, – обратился он к одному из сибиряков (Гольдбергу – С. Г.), – все ваши книги знаю. Как же!». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1932. № 3–6. С. 90.)

Гольдберг «привязывал» Горького к сибирской литературе, словно хотел сделать именно его тем начальным звеном литературного процесса в крае, тем нулевым меридианом, от которого начинается отсчет советской литературы. При всем космополитизме самого М. Горького Гольдберг, кажется, вполне сознательно вспоминает областничество, которое в данном конкретном случае выражено в идее о краеведческом характере литературной жизни перед Октябрьской революцией и довольно длительное время после установления советской власти. «М. Горький немало вложил своего участия в рост и созидание сибирских литераторов и сибирской литературы. Еще задолго до революции, в годы царизма, когда все живое обречено было на унылое и бесцветное прозябание (оставим эти строки без комментариев, учитывая время, реальность происходящего да и революционное прошлое самого Гольдберга – С. Г.), а чаще всего и на прямую гибель, еще в те годы М. Горький действенно помогал молодым сибирским писателям и молодой сибирской литературе. В то время можно было говорить именно о сибирской литературе, как о чем-то до некоторой степени самостоятельном, ибо слишком большие противоречия существовали тогда, в условиях капиталистического (а, пожалуй, именно вследствие этих условий) развития между интересами метрополии – Европейской России и колонией – Сибирью. И гнет метрополии, гнет центрального самодержавного правительства и центральных промышленников и капиталистов был по отношению к Сибири особенно тяжким». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1932. № 2–4. С. 90–91).

Складывается впечатление, что в этой статье, формально посвященной Горькому, сам Гольдберг неожиданно для времени ностальгирует по областническим идеям, по несбывшимся мечтам молодых сибиряков. Конечно, виновником того, что не сбылись «те» мечты, являлось самодержавие, но это как бы и напоминание – как нельзя относиться центру к провинции.

Гольдберг вполне согласен с тем, что интересы окраины стояли в полном противоречии с интересами центра. В дореволюционной полемике с экономистом Масловым Гольдберг он защищал «особые» интересы Сибири.

Но тогда не было никакой угрозы со стороны государства. И вот статья, когда Гольдберг в традициях сибирского областничества обозначает свою позицию по части «центр-провинция». Такой взгляд сулил неприятности.

1933 год – год всесоюзного признания. Формальный повод – 30-летие литературной деятельности Гольдберга – отмечали с размахом во многих городах, областях, краях. Книги писателя выходят одна за другой в крупнейших всесоюзных издательствах. В самой Сибири на собраниях, в научных и литературных кругах идёт анализ его творчества. Внешняя сторона жизни и деятельности писателя, как это было принято говорить, под постоянным вниманием общественности. Нет никаких признаков надвигающейся беды.

Годом раньше он получает известие, что Анна Кроль выходит замуж. Десять или более лет он упорно пытался решить проблему поездки за границу к любимой женщине, но все оказалось тщетно. Да и сама Анна, дочь известного эсера, эмигранта, судя по всему, понимала призрачность воссоединения. Гольдберг также, наконец, обретает семью, женившись на замечательной женщине Л. И. Исаковой, становится отцом близняшек, получает отдельную квартиру. Он востребован как писатель, наставник литературной молодежи, он целиком и полностью принял новую власть и ту реальность, которая его окружает.

Декабрь. Восточно-Сибирский крайгиз в честь юбилея литературной деятельности И. Г. Гольдберга выпустил 10 известных произведений писателя, объединенных в книгу «Люди и дни: Повести и рассказы разных лет».(Иркутск. 1933. 304 С.)

В январе 1934 года, в первом номере «Сибирских огней» опубликована большая литературно-критическая статья Вас. Непомнящих «Тридцатилетний творческий путь», посвященная И. Гольдбергу. Автор называет писателя одним из зачинателей сибирского литературного движения.

В первом номере журнала «Будущая Сибирь» опубликован материал М. Гудошникова «О творчестве Ис. Гольдберга».

Гудошников – известный историк, исследователь общественно-политической жизни Сибири. «…Факт его обращения к творчеству литератора Гольдберга не вызывает большого удивления, ибо он был человеком обширных гуманитарных знаний, в его библиографии материалы

о Ядринцеве, историческая хрестоматия и др., требующие знаний литературоведческого порядка. Гудошников много писал о Гражданской войне, т. е. времени, к которому был особенно близок биографией и творчеством сам Гольдберг.

Взгляд историка на творчество писателя дал новые литературные "привязанности" Гольдберга, те, о которых по разным причинам не писали другие критики и литературоведы. Гудошников отметил мастерство в описании пейзажа. "В его вещах чувствуется восточносибирский пейзаж, какого нет в Западной Сибири, ни тем более в России. Прелесть русского пейзажа мы знаем по произведениям русских классиков: Тургенева, Льва Толстого и друг. Прелести сибирской природы нам дает Гольдберг"». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. № 1. С. 95)

Литературная критика явно проигрывала историку Гудошникову в анализе творчестве писателя Гольдберга. Несколькими предложениями он показывает отличие его партизанской прозы от того, что делал, к примеру, В. Иванов. Он увидел особенности гольдберговской прозы и эволюцию его взглядов.

«Гольдберг – писатель краевой, восточносибирский, по преимуществу, в своих рассказах он редко и неохотно покидает свой край. Он все время во власти Восточной Сибири, ее общественных отношений...» (Там же).

В первом номере журнала «Будущая Сибирь» опубликована статья Ис. Гольдберга «На отстающем участке» (по поводу Восточно-Сибирской краевой художественной выставки). Там же опубликована статья Ис. Гольдберга «Ошибки начинающих авторов».

Опубликован библиографический указатель «Исаак Григорьевич Гольдберг» (к тридцатилетию литературной деятельности (1903–1933)). (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. № 1.).

В феврале в первом номере журнала «Сибирские огни» опубликовано начало большого романа «Жизнь начинается сегодня». Первые строки – картина раскулачивания сибирской деревни. И сегодня, спустя многие десятилетия, это описание несет в себе мощный эмоциональный заряд. И это при том, что уже даны самые различные ответы на вопросы, зачем индустриализация проводилась жесточайшим способом, зачем были уничтожены крепкие крестьянские хозяйства.

Будем цитировать автора, как очевидцу событий, ему удалось передать эту трагедию.

«Дым простирался низко по земле, как отвергнутая жертва Каина.

Ветер свирепел и носился ошалело над пустынными стынущими полями.

Голые деревья гнулись и стонали.

Влас стоял на опушке леса и глядел вдаль. Он видел низко стелющийся дым, видел обожженные, еще мертвые поля, покачивающиеся деревья, видел привычные, знакомые дали. Мохнатые брови нависали у Власа над глазами, и взгляд его прятался под ними. И взгляд его был наполнен холодною и упорною тоскою…

… Влас знал, что назьмовые кучи зажжены на полях его вчерашними соседями и друзьями. Вчерашние соседи и друзья, думал Влас, отступились от него, предали его.

– Куды докатитесь? – громко сказал Влас полям, тяжелому дыму, узкой полоске леса и скрывавшейся за ним деревне.

– Что с вами станет? – прибавил он и отвернулся.

Весна была молчаливая и злая.

Оплывшая Устинья Гавриловна, позеленев от злобы и ужаса, стояла в стороне и глядела:

– Ах! Пеструху выводили из стайки. Чужие люди писали о ней что-то на бумагах.

Чужие люди, улыбаясь, сказали:

– Хороших кровей, породиста!

И нужно было стоять молча в стороне, сцепив пальцы, сжав губы, молча, чтобы не взъяриться, не прорваться в крике, в вопле:

– Грабители!.. Грабители!..

Вывели со двора карего, трехгодовалого. У него шерсть, как шелк, он поблескивал живым, горячим, играющим телом. Карий вытянул шею и ткнул теплой мордой в того, кто вел его в поводу. А морда у карего гладкая, нежная, и он любит, когда его треплют и щекочут по губам.

Вывели, – а она упиралась и не хотела идти, – Пегашку. Стригунок, взбрыкивая желтенькими копытцами, проскочил вслед за нею и тонко поржал. И стригунка было жалко, как родное, как кровное детище. Стригунка стало жальче всех.

Выводили, выводили. Гнали мимо, на широкую улицу. А на широкой улице гудел народ…

…Выносили, выкатывали со двора все добро. Все добро!» (Сибирские огни. 1934. № 1. С.1-2)

Влас отпартизанил, после гражданской «накинулся на работу, как полоумный, как одержимый… И в результате жадной и упорной работы земля стала приносить плоды. Обласканная и обихоженная неустанными и тщательными трудами, Власу она принесла много плодов. Хлеб в его амбаре заполнил все сусеки. Хлебом Влас стал богат.

И вот тогда-то за этим хлебом пришли… Ничего не спрашивая, не допытываясь, каких усилий и мук стоил он Власу. Сказали:

– Сдавай, Медведев, Государству!.. Рабочим!» (Там же. С.3)

Разумеется, такой зачин не мог не вызвать вопросы читателя, уже вполне советского, но все еще помнящего недалекое прошлое: уж не против ли власти пошел писатель? Но через несколько страниц возникает новое слово – колхоз, и становится ясным: писатель явно ведет «линию партии». Но то, как сильно и точно Гольдберг описал процесс продразверстки и настроений крестьянства… не могло не привнести второй смысл.

«– Колхоз… – покачал он головою. – Это, выходит, примерно, так – я буду работать, поты проливать, а лодыри и пьяницы от трудов моих все себе забирать станут!.. Не пито, не едно, подай им все!.. Сла-авно!..

А Балахня, в которую метил свои злые слова Влас, неуемной бурливой оравой приходила на собрания и единодушно, захлебываясь и разбрызгивая веселую удаль, требовала, приказывала:

– Колхоз!.. Даешь колхоз!.. Чтоб всем!.. Окромя кулаков, всем в колхоз!..

– Я не согласен! – негодуя против балахинцев упирался Влас. – Моего согласия нет на это! Не желаю трудами своими на шантрапу трудиться!..» (Там же. С.4)

В беседе с женой Влас, распаляясь, закончил разговор тем, что даже если его силой заставлять будут, не пойдет в колхоз – «Ни в жисть».

Всех, кто выступал против колхозного строя, ждала печальная участь. Роман был опубликован в 1934 г., когда советско-колхозный строй уже был вживлен в экономику государства. Но написать иначе Гольдберг, видимо, тоже не мог, «эсеровские идеи» свободного хозяйствования брали свое.

Из истории мы знаем: когда шло раскулачивание, часть имущества распределяли между колхозниками.

«В дом (Устиньи Гавриловны – С. Г.), в жилую половину его, вселили самых захудалых, самых грязных балахнинских обитателей. И самые захудалые, самые грязные балахнинцы расположились в никаноровских горницах, как у себя дома, словно были они век тут хозяевами».

Так начинался новый путь преобразования деревни, провозглашенный партией власти. Так начиналась коллективизация…

Все линии романа еще только в развитии, но уже можно догадаться, что первые страницы, вызывающие стойкое негативное отношение к «такой» коллективизации, будут постепенно «перемалываться» чередой других ситуаций, других событий. Ведь социальная справедливость, которую декларировала новая власть, идея всеобщего благосостояния, была куда как сильнее и востребованнее, чем та, которую исповедовали удачливые, трудолюбивые, оборотистые работники. Разумеется, в итоге наступит развязка, которая покажет победу нового колхозного строя над единоличниками и кулаками.

Увы, пути к этому призрачному всеобщему благосостоянию, к коллективным формам труда и организации в деревне оказались жестокими и несправедливыми. Но именно с их помощью внедряли коллективизацию: сына Устиньи Гавриловны «вычистили» из вуза за происхождение, он был вынужден отказаться от родителей по той же причине, чтобы как-то устраивать свою жизнь. «Отказался? – изумилась Марья. – Как же так?

– Через газету. В газетке пропечатал, что отказывается от родителей, потому, грит, они кулацкого звания… Обидно, конечно, ну, все-таки, слава тебе, Господи, бать, теперь ему ход буде в жизни. Перестанут притеснять!» (Там же. С.8)

Или вот этот эпизод.

«Соседняя деревня настороженно следила за жизнью коммуны…

Кто-то из соседей единоличников пришел в правление коммуны:

– Вот вы камуна… Помогите, товарищи! Семян нету. Можно сказать, на пропитание жизни нехватка, а об семенах – одно скажу, горюшко!

Председатель озабоченно наморщил лоб

– Туго у нас, брат, у самих. Мы нонче более шестисот гаек поднимаем. Самим не хватит!

Мужик оглядел стены, увешанные плакатами, и зло усмехнулся:

– Натрепали: ка-му-уна! Она, мол, усякую подмогу даст мужику, хрестьянину! А выходит так: прежде я бы пришел, к примеру, к Некипелову, к Никанору, он бы без разговоров до осени ссудил… Ну вытряхнули вы его. А у самих кишка слабая!

– Скучаешь о кулацком режиме? – строго спросил счетовод.

– Об справедливости! – угрюмо отрезал мужик. – Я режимов никаких не знаю. Знавал умного да понимающего мужика, у которого от ума его и способностей капиталы были. И, значит, который всей волости помогал… А хто он: по-вашему, кулак али еще как-нибудь, этого я не дознавался!» (Там же. С.12)

Вера в будущее – качество сильного народа во все времена. Вера в будущее может быть главной идеей революции! Крестьянство принимало большевистскую революцию как надежду, как средство, которое позволит мирно уживаться тем, кто добивался достатка в крестьянской жизни, с городской средой. Счетовод, типичный представитель новой колхозной жизни, над которым уже поработала революционная мораль, убежденно говорит: «Погоди! Обрастем мясом. Не хуже Некипелова твоего всей волости помогать будем!.. Погоди».

Теперь, по прошествии почти века, понимаем – коммунистический эксперимент «всеобщее согласие и равные возможности одновременно» поставить не удалось. На социалистической стадии что-то пошло не так. Индустриализацию провели ценой громадных людских потерь! В борьбе за индустриализацию были подорваны многие другие отрасли хозяйства, уничтожено большое число выдающихся умов, работоспособных и смекалистых людей. Ставка на то, что «всем будет хорошо», оказалась

утопией, ужасным экспериментом в социальной истории. Оказалось, что справедливого распределения материальных ценностей достичь сложно, и никто не знает как. Впрочем, и мужик в романе, получив на свой вопрос жизнеутверждающее «Погоди», с сомнением парировал: «Навряд ли!»

Конечно, литературные приемы допускали подобного рода сюжетные конструкции, когда к концу романа все неверующие в новый строй будут посрамлены или перевоспитаны. Но нет никакого сомнения – такое чтение рождало разные смыслы.

Настоящему писателю были необходимы сильные характеры разной правды. У Гольдберга все участники его произведений невероятно эмоциональны и объемны. И это ничего, что еще совсем недавно жена крепкого мужика, по всей видимости, кулака Власа, вдруг обрела голос, когда речь зашла о судьбе общего стада коммуны. Проснулась в ней та истинная боль за добро, нажитое трудом, и злость за то, что, порушив одно, не могут сохранить коллективное.

Нужно сено – так вот же оно, по соседству, нетронутое. Есть хозяин единоличник? Так забрать, у него скота мало, а кормов излишки. Тем более владелец оказался раскулаченным. Весело и задорно коммунары забирают сено. «Василий ходил сияющий, гордый. Василий ликовал и, нахлестывая лошадь, ездил по заимкам. Убежденный, что ему и дальше удастся разыскать еще немало спрятанного кулацкого сена».

Литература Гольдберга, созданные истории и раскрытые сюжеты наводят на мысль, что, возможно, он-то и был предтечей «деревенщиков». Это он одним из первых показал беду и радость сибирского крестьянина, вмиг оказавшегося на развилке жизни. Он не поддержал империю и колчаковские посулы, он поверил в социалистическое счастье, которое социалисты-революционеры, социал-демократы и прочие сторонники социалистического завтра проповедовали и стремились достигнуть на практике. Увы, социал-демократическое и близкое к нему большевистское мифотворчество оказалось сильнее, хотя эсеры к крестьянству были ближе и лучше понимали его, никогда не допускали в своих программах тотальную национализацию крестьянского добра. Они были реальной крестьянской партией. Большевики крестьян понимали плохо, их интересы лежали в иной культуре и ином быте – пролетарской среде. Станок оказался сильнее плуга, а трактор мощнее доброго коня. Крестьянин боролся с ближним и видимым противником – барином, который сам с землей сделать ничего не мог. Рабочий оказался начитаннее, грамотнее в спорах с деревенскими, потому

что предмет спора-то был не крестьянский, а идеологический, где шла игра словами, жонглирование смыслами. А здесь исконной рассудительности, мудрости и опыта зачастую не нужно было. И уж тем более крестьянин проигрывал городскому интеллигенту, который мог красиво увлечь будущим. Революцию делали города при молчаливом согласии или испуге деревни. Беда в том, что крестьянин и думать не думал, что его обдерут как липку, лишат нажитого, удушат по всем статьям. А когда почувствовал реальную угрозу, мгновенно соорганизовывался в партизанские отряды, летучие дружины, которым города тут же дали имя – банда!

Крестьянство поняло, что пришла беда, но было уже поздно… и не на кого было ему опереться. Эсеров изрядно «пощипали» в революционных боях, а чуть позже и вовсе уничтожили. Меньшевиков, которые были чуть менее радикальными, чем их собратья по социал-демократии, большевики тоже изничтожили в одночасье.

Разумеется, будет слишком самонадеянно утверждать, что гольдберговские крестьянские произведения следует читать между строк, где он осторожно, но все-таки сумел показать весь ужас крестьянского раскулачивания и административной коллективизации. Но точно так же трудно поверить, что известный эсер Гольдберг забыл лозунги и идеи своей партии. У него как литератора, оставалась возможность использовать литературные приемы. К примеру, напоминать в произведениях о крестьянстве как классе, как экономически сильном населении, вызывать положительные эмоции и вообще положительное отношение к отдельным персонажам (даже бывшим кулакам), которые в процессе развития романа «перевоспитывались», но независимо от классовой принадлежности выказывали уважение к земле, труду, основательность к хозяйствованию.

У Гольдберга неутихающая боль за добросовестного земледельца, за крестьянина и его крепкое хозяйство.

Сквозная линия романа – тема вредительства – одна из главных в новостной и журнальной прессе 30-х гг. XX в. в России. Сталинская идеология просто обязана была провести очередную чистку не только в партийных рядах, но и в обществе в целом. Индустриализация требовала концентрации всех ресурсов государства. Крестьянство рассматривалось как источник средств для индустриализации. Материальные и людские ресурсы, черпаемые из деревни, должны были поступать бесперебойно. Но крестьянство в разной степени и в разные годы оказывало сопротивление – нередко в виде вооруженных восстаний и бунтов. Легальных политических

партий, выражавших интересы крестьянской среды, уже не было. Процессы над эсерами показали, что леворадикальная идеология, нацеленная на сверхиндустриализацию, готова на все.

Роман Гольдберга отражал конкретно-историческую правду, ему удалось передать тревожное состояние общества. К сожалению, не состоялся исторический выбор, как не случилось и народного согласия. Идея, утвержденная диктаторской властью, определяла целесообразность всего – от жизни до смерти. Отсюда и утверждение, что цель оправдывает средства, и оправдание самых страшных, самых несправедливых деяний большевистской идеологии. Социальный эксперимент – очень азартная игра…

4–6 апреля 1934 года в Иркутске работал второй пленум оргкомитета Союза советских писателей Восточной Сибири. На нем выступили члены спецбригады Всесоюзного оргкомитета Союза советских писателей Б. Губер, Е. Пермитин, В. Кудашёв и Н. Острогорский, а также местные писатели А. Балин, И. Гольдберг, профессор П. Черных, фольклорист А. Гуревич и другие. Были заслушаны доклады заведующей отделом культуры крайкома Харченко «Об итогах XVII съезда партии» и Н. Острогорского «Исторические решения XVII съезда и перестройка литературной работы в свете постановления ЦК ВКП(б)».

«Предсъездовские заметки» стали предтечей его выступления на пленуме. Формально, исходя из опубликованного, Гольдберг вполне себе советский писатель, который вписался в реальность СССР. К этому времени он неоднократно публично говорил о том, что все лучшее идет от партии, что ряд писателей «показали на своей работе благотворное и животворящее влияние постановления партии, литературные организации воспрянули духом и ожили». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. № 2. С. 101).

Гольдберг впервые заговорил о социалистическом реализме в связи с тем, что на предсъездовском оргпленуме в Москве от писателя «потребовали произведений и притом произведений высоких и значимых по идеологии и не менее высоких по форме. Был крепко выдвинут на должное место вопрос о качестве продукции». (Там же).

С Гольдбергом явно что-то происходит. Он пишет: «И повышение формальных достоинств художественного произведения наряду с углублением его идейного содержания должно стать важнейшей задачей каждого советского писателя…». (Там же. С.84)

Известно, что перед арестом в 1937 г. Гольдберг подвергся жесткой критике за неправильную постановку работы с молодежью, за её «зажим», излишнюю резкость в оценке начинающих литераторов. Конечно, это был лишь повод в ряду выдуманных обвинений для обоснования законности ареста писателя. По иронии, именно на этом пленуме в 1934 г., за несколько лет до трагических событий, Гольдберг с трибуны призывал работать с молодежью «правильно». Тогда же состоялась встреча с секретарем ВКП(б) тов. М. Разумовым, в ходе которой Ис. Гольдберг говорил: «...Нам был брошен совершенно прямой, совершенно правильный и прямо попавший в цель упрек, что мы не включились в целый ряд актуальных кампаний, которые, по существу, не являются кампанией, а жизнью, насущнейшими элементами строительства в нашем Восточносибирском крае. Нам был брошен упрек, что мы не включились в непосредственную работу на колхозных съездах, мы не обслужили колхозный съезд». Журнал «Будущая Сибирь» тоже прокомментировал слова литератора: «…Гольдберг указывает, что это произошло в результате очень узкого представления о месте и формах участия писательской организации в жизни края. Нужно изменить методы и формы работ. Жизнь выдвигает их каждодневно, "мы должны быть гибкими, этой гибкости от нас требует сегодняшний день. Я считаю, что это будет правильным пониманием тех задач, которые поставлены перед нами XVII партийным съездом…

Первой практической боевой работой является активное участие писателей в развертывающемся севе. На полях нужны культурные силы и одной из культурных сил, которая может сделать очень много – является сила писателей. И эту силу мы сегодня дадим"». (Там же. С.138)

Нетрудно заметить, что писатель встроился в повседневную жизнь. В ней, кроме собственно литературного труда, большое место занимает общественная повестка: собрания, различного рода встречи, выступления перед читателями, поездки с другими литераторами в «агитбригадах» и многое другое. Гольдберг идет в русле позитивных изменений в стране и это свидетельствует о его глубинном взгляде на писательство вообще. В его понимании писательство – это один из видов деятельности, такой же, как работа в шахте, в поле, в строительстве, только со своими компетенциями. Конечно, сейчас это можно воспринимать с иронией, критическим настроем, но эпоха строительства социализма в России вообще изменила восприятие действительности. Принципы планового хозяйства переносили на все сферы деятельности, в том числе и на литературный труд. Неоднократно Гольдберг будет повторять мысль о том, что и писатели не могут жить без достижения

неких рубежей, что они должны ежедневно работать, независимо от вдохновения и творческого подъема. В 1934 г. он высказывает идею, что подготовка к I съезду советских писателей требует «серьезной постановки организации живых, молодых, новых сил, которые могут явиться заменой "кадровых" литературных творческих сил, давно работающих писателей... Пора поставить вопрос о персональном прикреплении старших писателей к начинающим…» (Там же).

Речь Гольдберга на пленуме длилась полтора часа.

В шестом, июньском номере журнала «Будущая Сибирь» был опубликован драматический этюд «Хлеб насущный» П. Боровского по одноименному рассказу Ис. Гольдберга. В этом же номере опубликован доклад Бориса Губера «Творческий путь Ис. Гольдберга», сделанный на пленуме Восточно-Сибирского оргкомитета Союза советских писателей.

Статья критика назрела, коль скоро об этом говорил сам Горький, поздравляя Ис. Гольдберга с тридцатилетним юбилеем литературной деятельности. На отсутствие полезной критики нередко указывал и сам писатель.

Б. Губер писал: «Когда я начал знакомиться с творчеством Гольдберга, мне не удалось найти буквально ни одной критической статьи о нем. Я столкнулся с девственными дебрями, сквозь которые мне пришлось прорубаться самому. Ни одна книга Исаака Гольдберга не получила ни разу развернутой, детальной оценки, его литературная деятельность совершенно не учитывалась». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. № 6. С. 53).

Вероятно, Губер первым дал периодизацию литературного творчества Гольдберга, разделив ее условно на три части, три периода: Сибирь каторжную, Сибирь в годы гражданской войны и Сибирь «сегодняшнего дня». Конечно, периоды носят символическое название, поскольку, к примеру, писатель на каторге никогда не был. «Тунгусские рассказы», принесшие Гольдбергу известность, никакого отношения к каторге не имели, если не считать, что автор их являлся политссыльным. Но ссылка и каторга понятия не равнозначные. Именно первая книга, наполненная таежным колоритом, картинками реальной жизни таежного народа, много позднее, когда Гольдберг писал свою знаменитую статью «Биография моих тем», позволила ему заключить: «Сущность "Закона тайги" казалась мне в упорном, почти зверином стремлении насаждать власть сильного и наиболее приспособленного в жадном становлении жизни за счет слабейшего и почти

высокомерное отношение к слабому и ко всякому проявлению слабости. В понятие "Закона тайги" я вкладывал все то специфическое, что характеризует таёжную жизнь и неподчинение чему ведет к гибели». И уже на основании писательского заключения критик сделал и свой вывод: «Таким образом, по собственному признанию Гольдберга, первый период его творчества отражал ошибочное представление, будто человеческое общество развивается по тем же законам, по каким развивается эволюционирующаяся природа. Этот "дарвинистический" подход, ничего общего не имеющий с нашими взглядами и с сегодняшними взглядами Ис. Гр., неизбежно приводил к неверному идеалистическому пониманию действительности». (Там же. С.56).

Спрашивается, как иначе мог выстраивать свою жизнь в тайге таежный охотник, в буквальном смысле дитя природы? Но у критика была своя цель – писательство при новом режиме обязано было хоть как-то сопрягаться с классовой борьбой. И не просто борьбой, которая всегда имеет место быть, а «правильной». А с гольдберговской трактовкой закона тайги в светлое социалистическое будущее не уедешь. Так что проще объявить взгляды молодого Гольдберга в этом плане ошибочными. «Сложная и разнообразная по формам борьба классов в глазах Гольдберга подменялась каким-то всеобъемлющим процессом естественного подбора – торжеством физической силы над физической слабостью, звериной борьбой, в которой вся правота сильнейшего решается с помощью зубов, когтей и крепкого кулака…

Можно сказать прямо: обладай Гольдберг в те годы более передовым мировоззрением, художественное значение его книг было бы неизмеримо больше.

Впрочем, это было не только его бедой. В том же положении находилось большинство дореволюционных русских писателей, вышедших из интеллигентской среды, настроенных в той или иной степени революционно, но еще очень далеких от пролетариата и его марксистско-ленинского учения!» (Там же)

Второй этап, естественно, был связан с гражданской войной в Сибири. Этот этап Губер также удачно типизирует, ибо, по его мнению (справедливому и тоже вроде лежащему на поверхности), Гольдберг и другие представители дореволюционной интеллигенции в своих жизненных взглядах меняются. Но пока они окончательно «не изменили взгляды», их будут называть «попутчиками». Эдакое срединное положение во всем и прежде всего в отношении преобразований послереволюционной российской жизни. Решающий недостаток попутничества, опять-таки, в «неверном

восприятии писателями окружающей действительности. Революцию и гражданскую войну они воспринимали не как последовательные формы классовой борьбы, направленные к определенной цели, а как "стихийное" явление, лишенное внутренней закономерности и исторического смысла. Отсюда возникала и недооценка роли пролетариата, и схематическая романтика "кожаных курток", и пристрастие к партизанским темам (в которых прельщала наиболее легкая возможность живописать все ту же крестьянскую "стихию"), и чрезмерный объективизм и т. д.». (Там же. С.57)

На этом этапе, по мысли критика, писатель Гольдберг совершил все возможные ошибки – от непонимания классовой роли пролетариата до локализации событий отдельными эпизодами, группами партизан или белогвардейцев и т. д.

Всегда забавно читать критиков, которые вскрывают «ошибки» писателей, художников, композиторов. Именно вскрывают, будучи уверенными, что их «критическое восприятие» и есть правда жизни. По-другому и быть не может, таков закон этого жанра. Но справедливость, базировавшаяся на классовом подходе, далека от объективности, а другого подхода в то время в советской литературе и быть не могло. Губер попытался глубоко «поднять» литературный пласт непаханой с точки зрения критики литературной целины И. Гольдберга. Один из выводов критика о втором творческом этапе таков: «На примере тунгусского цикла мы уже видели, что, несмотря на ошибочность своего мировоззрения, Гольдберг сумел показать много правдивого, что объективный смысл его произведений иной, чем он хотел им придать. Произошло это потому, что он – художник, и пусть с неверных позиций, но изображал все-таки живую, подлинную действительность. То же мы видим и сейчас. Чутье и талант художника не изменили Гольдбергу. Даже не различая классовой принадлежности описываемых людей и не понимая сущности описываемых событий, он дает все же в своих рассказах картины, характерные для того, что происходило в Сибири в 1918–20-х гг. Он сплошь и рядом смазывает лицо своих героев, то раздевая их до первобытной наготы, то изображая их "общечеловеческие" качества, – и тем не менее он показывает разложение колчаковской армии, которое неминуемо должно привести ее к гибели, а с другой стороны – цепкость, упористость, жизненную силу партизан и тем самым неизбежность их победы». (Там же. С.59)

И как итог второго этапа его литературной деятельности – победа революционной действительности. Гольдберг-художник во взглядах своих «шаг за шагом» освобождается от всего, что мешало ему видеть ее.

Третий этап в творчестве писателя – время социалистического строительства. «Поэма о фарфоровой чашке», по мнению Бориса Губера, – переломная в его творчестве. Критик говорит о скачке, крутом переломе во взглядах писателя. Критик считает, что эта книга – окончательный и бесповоротный переход в лагерь пролетариата. Он ставит Гольдберга и его книги в один ряд с такими литераторами и произведениями как «Соть» Леонова, «Время, вперед!» Катаева, «Гидроцентраль» Шагинян, «Волга впадает в Каспийское море» Пильняка и др. Последующие работы Гольдберга «Главный штрек», «Жизнь начинается сегодня» лишь убеждают критика в переходе на пролетарскую тематику.

Критик не преминул «пройтись» по творчеству Гольдберга, указав на ошибки, свойственные лефовцам. Попенял за то, что сибирский автор ставит равенство между понятиями «факт» и «действительность», за то, что тот считает факт основой художественного творчества.

Один из выводов большой критической статьи Бориса Губера вызывает немало полемических вопросов и ответов одновременно:

«…Раньше, когда Гольдберг ошибался на каждом шагу, когда мировоззрение его оставалось на идеалистическом уровне, когда он не понимал подлинных законов жизни и придумывал взамен свои собственные "законы тайги", он обладал такими незаурядными художественными средствами, что даже вопреки неверным установкам все же ярко и художественно изображал подлинную жизнь. Теперь же, когда мировоззрение его поднялось на неимоверно более высокую ступень, когда он начал, наконец, не только видеть, но и понимать действительность, достаточных художественных средств для передачи этой действительности у него не находится».

Губер исходил из того, что «передовое сознание обогнало в данном случае более отсталое чувство или, вернее, чувственное восприятие мира».

Но подспудно у читателя могли возникнуть и иные вопросы-ответы. А может быть, такой внутренний диссонанс у писателя от той реальности, в которую идеология загнала творчество, от отсутствия выбора «иного» творческого пути? Или, попросту говоря, от той смертельной личной

опасности, которую не могли не чувствовать в творческой среде? К этому времени утверждение силы власти над «жизнью-смертью» было фактически завершено. Оставалось ждать практических результатов, которые последовали в скором будущем. Страшно читать патетические строки критика всего за три года до страшной развязки. «Путь Гольдберга, начатый тридцать лет тому назад, еще не кончился. Этот путь был труден, извилист – Гольдберг много раз спотыкался на нем, много раз ошибался и колесил по сторонам. Но он двигался все вперед и вперед. Он сумел освободиться от груза ошибок, которые тащил на себе четверть века. Годы ошибок и срывов уже позади. Впереди – четвертый этап, решающий и последний. Впереди – еще не написанные книги». (Там же. С.70).

Если подумать, то все эти строки в главном были ошибкой. Кроме одного – четвертый этап оказался пророчески последним в жизни писателя.

17 августа – 2 сентября в Москве проходил I-й Всесоюзный Съезд советских писателей. М. Скуратов вспоминал: «Помню дни Первого съезда советских писателей. Столица радушно принимала гостей со всего мира. Шумно и многолюдно было тогда в Доме Союзов. Из Иркутска понаехала немалая дружина писателей – делегатов и гостей съезда. Среди них подвижный, как ртуть, Исаак Григорьевич Гольдберг, и потуплявший глаза долу застенчивый, как девушка, Иван Молчанов-Сибирский, и непоседливый невысоконький Павел Маляревский, все разыскивавший беспокойными глазами в густой толпе писателей, съехавшихся со всех концов света, своего кумира – Бориса Пастернака, и крепко сбитый, тоже "просмешливый" сибиряк, когда-то вожак саянских партизан, Петр Поликарпович Петров, можно сказать, по-партизански ворвавшийся в литературу своими прекрасными романами "Борель", "Золото", "Саяны шумят".

В коридорах Дома Союзов, наполненных народом, после доклада Горького со мной столкнулся лицом к лицу возбужденный Исаак Григорьевич:

– Ну, как вам показался Максим Горький? Каков он сегодня-то? А!

– Да что там спрашивать, Исаак Григорьевич? Максим Горький!..

– Да, что бы мы все – писаки – были без него! – задумчиво произнес Гольдберг...» (Библиофил Сибири. Иркутск. 1988. С. 229–230).

29 сентября прошла встреча писателей с комсомольцами Иркутска. И. Гольдберг и И. Молчанов-Сибирский рассказали о впечатлениях от I съезда писателей. На встрече выступили: А. Балин, К. Седых, И. Луговской, П. Маляревский и Е. Жилкина. В девятом номере журнала «Будущая Сибирь» вышла статья Ис. Гольдберга «Заметки делегата I Всесоюзного съезда советских писателей».

Он искренне описывал свои первые впечатления об этом событии. «Над Москвою стоял плодоносный август. Сложный шум колыхался над бульварами, площадями и улицами столицы. Деловая сутолока потрясла город. У дома Советов стояла плотная толпа. Она была плотной, сосредоточенной и взволнованно-спокойной. И когда мы проходили в охраняемые и контролируемые двери, сотни глаз жадно и приветливо оглядывали нас, и порою мы встречали дружескую улыбку, которая заставляла всколыхнуться и напрячь память: "Кажется, знакомы?". Но это улыбались чужие, незнакомые люди, в эти дни ставшие близкими и родными…В эти дни Москва жила литературой, писателями, литературным движением». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. №. 9. С. 105).

3 декабря в здании клуба КОР состоялось торжественное заседание, организованное оргкомитетом союза советских писателей Восточно-Сибирского края совместно с общественными организациями, посвященное тридцатилетию писательской деятельности Ис. Гольдберга». (Восточно-Сибирская правда. 1933. 3 декабря).

Это беспрецедентное заседание открывал Ив. Молчанов-Сибирский. С большим докладом о творчестве Гольдберга выступил профессор Гудошников. «От имени 385 тысяч организованных пролетариев Восточной Сибири с приветственным словом выступил зав. Культотделом Крайсовпрофа т. Бакулин. Председатель Оргкомитета союза советских писателей Западной Сибири В. Непомнящих передал горячий привет Ис. Гольдбергу от Западно-Сибирской литературной организации: "Растущие кадры писателей горячо ценят вас как учителя и друга. Тридцать лет – огромный опыт борьбы и побед, но мы привыкли считать вас молодым, ибо молод и ярок огонь в ваших последних вещах".

Тов. Озерников от имени рабочих Иркутской типографии подносит писателю грамоту, верстатку, спецодежду и звание почетного наборщика…

Под музыку из зала выходят пионеры литкружка 6 ФЗУ. Поздравив писателя, они выстраиваются и хором произносят: "Ждем хорошую детскую книгу". В заключение с ответным словом выступил Ис. Гольдберг.

В день юбилея в ряде кружков и учебных заведений были проведены собрания, посвященные творчеству Ис. Гольдберга. Радиоцентр организовал специальную радиопередачу, посвященную юбиляру…

Большую работу по составлению библиографии творчества Ис. Гольдберга проделала библиотека госуниверситета. Ею были собраны произведения писателя, критические статьи, рецензии и составлен библиографический указатель. Совместно с библиотекой Дворца культуры была развернута выставка произведений Ис. Гольдберга и критической литературы.

Восточно-Сибирское отделение Союзкинохроника готовит кинохронику, посвященную юбилею писателя». (Будущая Сибирь. Иркутск. 1934. № 2. С. 120–121.)

1934 год пройден. Вместе с ним завершились, кажется, бесконечные мероприятия по случаю 30-летия литературной деятельности Ис. Гольдберга. Размах этих чествований был поистине всенародным. Смущает одна деталь. На фоне громких слов, восхвалений и чествований ни одного намека на государственную награду – ни медали, ни ордена знатный юбиляр не получил. То ли власть все-таки не доверяла бывшему эсеру, и в этом случае награждать большевистскими наградами было уж совсем двусмысленно, то ли властные органы решили, что литературный юбилей не тот повод, чтобы появился новый орденоносец. Хватит с него творческих вечеров, заметок в газете и новых изданий.

В следующем году Гольдберга, кажется, по инерции еще будут «лакировать» как советского сибирского литературного классика, но время начинает обратный отсчет. В тиши кабинетов уже плетутся нити несуществующих заговоров, тасуются, как карты в колоде, те или иные персоны, и их уже готовы раскладывать по стопочкам – заговор такой-то, такой-то, такой-то. А пока все более-менее спокойно. Семья, молодая жена, дети. Потихоньку налаживается быт. Он много работает, много издается...

3 февраля 1935 года в газете «Восточно-Сибирская правда» опубликована статья руководителя Иркутской писательской организации М. Басова «Передовой участок культуры». Он привел отзывы читателей о

книгах Ис. Гольдберга. К примеру, мнение рабочего о книге «Дела и дни»: «Его рассказы описывают все то, что можно встретить в жизни. Книгу эту читать хорошо, потому что она понятна, в ней нет затруднительности в какой-нибудь повести».

О книге «Главный штрек»: «Хотя самой и не приходилось работать в шахте, но, читая эту повесть, невольно вместе с Федором и Осмоловским заражалась их переживаниями, увлекает этот размах строительства, желанье выйти из прорыва». (Восточно-Сибирская правда. 1935. 3 февраля).

Известный факт: в 20-30-х гг. XX в. в Советской России писатель имел большой общественный вес. Писатели и в последующие годы играли в общественной жизни заметную роль, но в период укрепления советской власти читающий народ верил литераторам как никогда. Каждый причастный к литературе и журналистике в глазах публики был человеком особых знаний, умений, влияния. Вот почему сами литераторы в вертикали идеологических приоритетов занимали исключительно высокое место. Вот почему даже к самой маленькой писательской организации было такое пристальное внимание со стороны партийных руководителей.

При этом существовал мощный разрыв между пропагандой и реальностью. В быту носитель литературного дара, не говоря уже о литературном подмастерье, оставался «недолюбленным» той самой властью, которая нещадно эксплуатировала его во всех отношениях: экономическом, идеологическом, агитационно-пропагандистском… Вот Коршунов говорит: «Мы можем поздравить себя и всю советскую общественность с тем, что сегодня имеем возможность собрать такую широкую конференцию писателей и поэтов, среди которых есть имена, известные далеко за пределами нашего края. …Наш край принадлежит к числу тех, где местная литература стала прочно на ноги, что, конечно, является крупнейшим культурным достижением. У нас есть несколько таких литераторов, которые имеют широкую известность в Советском Союзе. Я говорю о товарищах Ис. Гольдберге, П. Петрове…». (Новая Сибирь. Иркутск. 1935. №. 2. С. 9).

В 1935 году вокруг имени Гольдберга создается ореол классика. Первая краевая конференция Союза писателей Восточной Сибири лигитимизирует это негласное решение власти. Не верховной, возможно, знать не знавшей, кто такой Гольдберг, а того звена, которое работает на местах и создает мнение для верхушки. Имя иркутского прозаика звучит в выступлениях участников съезда по разным поводам. А как иначе, ведь нужен был местный пример, в особенности, когда на первом всесоюзном съезде советских

писателей, делегатом которого был и И. Гольдберг, в приветствии Сталину прозвучало: «Наше оружие – слово. Это оружие мы включаем в арсенал борьбы рабочего класса». (Новая Сибирь. 1935. № 2. С. 37).

И хотя советская литература рассматривалась как общенародное явление, левацкая идеология большевизма была склонна искать главного исполнителя и ревнителя своих концепций именно в индустриальной рабочей среде.

Выступление Гольдберга на первой краевой писательской конференции Восточной Сибири кажется странным. Он всерьез говорит о плановом подходе к «выращиванию» литературных кадров. «Задача созидания новых писательских кадров может ставиться и должна быть поставлена так же, как она поставлена во всех областях нашей жизни, на всех участках нашего социалистического строительства. Ее надо ставить так же серьезно и глубоко, как она ставится в области техники, как ее ставят в отношении научных и культурных кадров. Без четкого и продуманного плана эта задача не может быть разрешена. Случайность, бесплановость, самотек здесь так же недопустимы, как и во всех остальных отраслях нашей перестраивающейся жизни». (Там же).

Идея поставить на поток подготовку литературных кадров была не нова. И, думается, сам Гольдберг понимал весь абсурд такого подхода. Но в условиях тотального планирования всего и вся было в тренде объявить, что и в писательстве кадры можно и нужно готовить планово. Впрочем, судя по всему, речь шла об образовательном процессе, возможно, о прообразе будущего литературного института, где, конечно же, не готовили писателей, но шла углубленная специализированная подготовка в области филологических наук. Неслучайно сквозной темой во всем его выступление была образованность. «Писатель должен над собой учиться, в том числе молодой писатель не только в области технической и писательской учебы, не только в области теории своего ремесла над формой, над языком, он должен учиться в широком смысле этого слова». (Там же. С.39).

Многое из того, что говорил в своем выступлении Гольдберг, следует признать лозунгами и партийными идеями. «В нашем представлении о писательской работе мы не выносим плановости и организованности. Очень часто мы встречаемся с вредными разговорами о том, что писатель работает только "по вдохновению", что писатель, как птица: поет потому, что поется и когда поется. Условимся, что и птица поет по причине голода, или полового голода, или страха. Поэтому все разговоры о писателе, как о певчей птице, о

писателе, творящем от случая к случаю, по вдохновению, вредны. И у писателя в его работе должен быть план. Что значит план в работе писателя? Это значит, что я, писатель, ставлю перед собой конкретные творческие задачи, осуществить которые должен в такое-то время. Этот план очень индивидуальный, очень субъективный, но при всей индивидуальности и субъективности этого плана он не отъемлем от большого плана – перестройки нашей жизни. И его нельзя оторвать от плана вообще, от окружающего нас плана». (Там же. С.40).

За общими словами, безусловно, вписывающимися в тогдашние представления о месте писателя в общественной жизни, гораздо интереснее личная лаборатория писателя Исаака Гольдберга. В особенности, если учесть, что он постоянно издавался, выступал с лекциями, принимал участие в различных творческих встречах и вечерах.

«Очень важен вообще вопрос о нашей работе. Мы работаем от случая к случаю, мы не умеем распределять свою работу, не умеем распределять свой рабочий день. У писателя, как у начинающего и молодого, так и у квалифицированного, должен быть рабочий день, должен быть какой-то участок его жизненных часов, когда он работает. Он должен вести учет своего рабочего времени, ибо, если он не ведет учет, он не работает или работает непродуктивно. А многие ли из нас (я говорю одинаково и о начинающих, и о квалифицированных писателях) этот рабочий день соблюдают, и вообще считают и сознают, что у них имеется писательский рабочий день? Нужно уметь насытить плодотворно свой писательский рабочий день. Нужны навыки, нужна упорная работа.

В работе писателя должна быть своеобразная гигиена труда. И мы должны обучать начинающих писателей этой гигиене, научить их охранять свое время писателя, рабочие часы, научить их относиться к художественному творчеству как к работе. Мы должны воспитывать это и в начинающем, и в себе, потому что без этого не будет плодотворной работы, без этого не будет настоящей работы». (Там же).

Вероятно, стоит сказать несколько слов о том, как работал сам Гольдберг. Творческая лаборатория этого писателя сложна и проста одновременно.

В письме Анне Кроль 19 апреля 1926 г. он писал: «Набрасываю кой-какие строчки, отрывки будущих работ. Обдумываю, рассчитываю и нащупываю планы будущих произведений, но работать – не работаю. Но я

уже тебе писал, родная, что я сознательно ничего не делаю, стараюсь сконцентрировать в себе силы для работы осенью. Что из этого выйдет – покажет будущее. Пока же мое безделие меня еще не тревожит...» (РГАЛИ. Ф. 1348. ОП. 7. Д. 13. Л. 98 об)

Из письма Анне Кроль 15 сентября 1926 г.: «Последнее время очень много читаю по художественной литературе и учусь на достижениях и ошибках других лучше работать. Чувствую, что нужно мне работать много, но не могу себя заставить это сделать. Никак не могу добиться плановости и системы в работе: пишу только, когда бывает "настроение", а в сущности это неправильно, так как сам иногда замечал за собою, что вот принудишь себя сесть за работу при отсутствии "настроения", сделаешь усилие воли над собой и, глядишь, поработаешь так, что потом сам доволен результатами своей работы… Нужна бы мне палка, чтоб висела надо мною и подгоняла. Думаю, что всегда был бы большой толк…». (Там же. Л.142-143)

Из письма Анне Кроль от 21 сентября 1926 г.: «За последнее время я много читал по нашей новейшей литературе и читал не без задней мысли: учился на достижениях писателей писать лучше и грамотней. Не знаю, какие будут от этого результаты, это дело будущего, но уже сейчас обрел в себе критическое отношение к слову как к таковому. Знаю, что нужно много работать над собою, надо здорово вынашивать в себе вещи прежде, чем они созреют для писания. Плохо то, что мне здесь почти не с кем поговорить о своих сомнениях и литературных заботах: приходится все носить в себе, все разрешать самому, своими силами…». (Там же. Л.145)

Подробности организации творческой работы Гольдберга рассказывала его жена Л. И. Исакова. «Обычно Исаак Григорьевич никому не говорил заранее, что собирается писать. И только когда его замысел, идея приобретали для него нечто реальное, осязаемое, он коротко говорил, что задумал написать, над чем работает...

Памятью обладал незаурядной. И никогда не набрасывал ни плана, ни сюжета, а, выносив в себе главную мысль будущего произведения, образы его, садился за свою маленькую портативную машинку и отстукивая на ней рассказ, повесть или роман. После внесения поправок в напечатанном тексте снова перепечатывал, при этом вносил новые исправления, сокращения, заменял один абзац другим, стилистически измененным.

Творческой работе он обычно отводил первую половину дня. С утра, иногда до завтрака, уходил на "творческую" прогулку. Очень скоро

возвращался. Завтрак признавал только легкий. Стремительно уходил в свой кабинет и садился за машинку. Иногда кабинетную работу он внезапно оставлял и снова совершал прогулку, чтобы запастись свежими впечатлениями или проверить свои старые наблюдения. И тогда маршруты его походов были другие, в соответствии с его писательскими целями.

В период работы над романом "День разгорается" о событиях 1905–1907 годов в губернском городе (Иркутском он не называется) походы по городу были особенно часты. Они были необходимы ему для зарисовки обстановки, в которой происходили воображаемые события. Частенько Гольдберг работал в архиве, в Научной библиотеке, знакомился с документами полиции и жандармерии, читал газеты и журналы тех лет, разыскивал фотографии участников революции, фотоснимки эпизодов борьбы: грандиозной октябрьской стачки, бастующих рабочих, подпольной типографии.

Для воссоздания обстановки на улицах Гольдбергу приходилось ходить или ездить на извозчике в разные концы города, в бывшее Спасское предместье, где были Кузнечные ряды, где строились баррикады, в железнодорожное депо, где происходили митинги, собрания рабочих, бывал в солдатских казармах и во многих других местах». (Библиофил Сибири. Иркутск. 1988. С. 224–225.).

Кстати, Александр Фадеев отмечал, что первые свои произведения написал под влиянием творчества Исаака Гольдберга. (www.people.su/29432).

Роман – не хроника, не историческое исследование. Что-то в нем зашифровано, что-то, наоборот, выпукло известно, а в целом атмосфера и детали жизни и быта того периода выписаны очень хорошо. И описание первых массовок, позиции губернской власти, действий местной полиции, забастовки железнодорожников… Почти все – без художественного вымысла.. Все-таки роман о революции, которая творит свой ход без сантиментов, жестко и прагматично. Он был актуален, ведь от реальных событий до момента публикации книги прошло всего-то 30 лет…

Нужно понимать, что в середине 30-х годов, когда роман появился в продаже и стал доступен для читателей, в СССР уже вовсю бушевала внутрипартийная борьба, тонус ее уже поддерживался поиском врагов народа, недавние герои на полном ходу выпадали в кювет жизни, становились изгоями, а их героические дела минувших дней больше не брались в расчет. Такова была проза, которую вперемешку с замечательной музыкой, литературой, трудовыми подвигами, создаваемыми еще вчера

этими же героями, а сегодня «врагами народа», писала реальная жизнь. Время фантасмагорий, искаженного сознания властвовало над страной и людьми.

И слова, которые написал Гольдберг в романе о 1905 годе, ничуть не теряли своей актуальности: «Он понимал, что предстоит тяжелая и упорная борьба, что нет еще полной победы и что завтра может потребовать больших и тяжких жертв. Он готов был, как ему казалось, на эти жертвы. Ведь недаром он вошел в революцию и целиком, до отказа отдал себя ей. Опасности? Гибель? – Ну, что ж, он готов к этому! Он готов, потому что в действии, в борьбе – жизнь!..» (https://www.litmir.co/br/?b=548770&p=40)

В январе 1936 года, в первом номере журнала «Сибирские огни» опубликован материал Ник. Острогорского об И. Гольдберге в разделе «Критика и библиография».

20 июня в драматическом театре состоялся траурный митинг в связи со смертью А. М. Горького, который открыл секретарь крайкома ВКП(б) С. П. Коршунов. На митинге выступил И. Г. Гольдберг и другие.

В первом номере «Сибирских огней» за 1937 год опубликована «Сентиментальная повесть». Разумеется, сдана она была раньше. Пусть это будет даже конец лета – начало осени 1936 г. Таким образом, упоминание о повести в 1936 году вполне закономерно. Год рождения ее именно тут. И с первых же строк именно предчувствия и тревоги – сцена гадания, монолог цыганки: «Не жалей, не жалей, золотая! Всю судьбу твою вижу, всю правду тебе скажу! Не жалей, бриллиантовая!» (Сибирские огни. 1937. № 1. С. 16).

Повесть датирована декабрем 1936 года – время, когда тучи над Гольдбергом уже сгущались. Уже придумывался очередной заговор шпионов и предателей, в котором писатель играл одну из заглавных ролей. И повесть эта, опубликованная за несколько месяцев до ареста, возможно, отчаянный жест, сигнал тем, кто втайне трудился над смертельным сценарием. Маховик новой трагедии уже был раскручен... Колесо истории! Он же – писатель, понимал его силу и неотвратимость... Разве что еще одна отчаянная попытка хотя бы объяснить, что он не враг.

Трудно восстановить во всех деталях последние месяцы жизни литератора. Возможно, предчувствия уже заполняли его жизненное пространство, он уже знал о печальной судьбе знакомых, которых увозили по ночам, на писательских собраниях недосчитывались коллег…

1 января 1937 года в «Восточно-Сибирской правде» появляется эссе «Родина» за подписью «Ис. Гольдберг». Читая этот материал, невольно задумываешься об авторстве. Действительно ли Гольдберг писал его сам? Не его стилистические обороты, не его интонация.

«Родина… Каждый из нас любит и гордится ею. Но любить – значит действовать, значит творить. Не может быть какой-то пассивной, созерцательной любви. Не может быть какой-то платонической любви. Каждый из нас должен отдать всю полноту своих сил и способностей на то, чтобы Родина наша и впредь процветала, на то, чтобы свободный человек в ней был счастлив. И вместе со всеми – мы, писатели.

Я знаю, как неполно мы уплачиваем свой долг стране, вскормившей, взлелеявшей нас. Я знаю, как отстаем мы нашим творчеством, нашей работой от творчества, от работы великого коллектива Страны Советов. Я знаю, как наша советская литература, имеющая тем не менее великие заслуги перед Родиной и перед трудящимися всего мира, как она запаздывает, мешкает, порою слишком медленно и неторопливо делает свое дело. И на пороге 1937 года, на пороге года, в котором мы будем праздновать двадцатилетие Октября и чтить столетнюю годовщину со дня гибели величайшего поэта мира – Пушкина, я хочу верить и верю, что все силы прекрасной моей Родины, и в том числе силы советской литературы, объединенные под знаменем сталинской Конституции, добьются дальнейшего еще большего процветания страны Советов!»

28 января в газете «Восточно-Сибирская правда» появляется материал «Огнем и железом выжечь остатки врагов Родины!». Под ним стоит подпись Исаака Гольдберга. Бывший эсер выступал против троцкистов. В жизни, в партийной борьбе у них случалось множество споров, ожесточенных идеологических сшибок. Но в публичной сфере требовать смерти (!) – такого, пожалуй, не было никогда.

«То, что раскрывается на происходящем в эти дни процессе троцкистского "параллельного центра", трудно квалифицировать привычными понятиями. Пятаковы, Радеки, Сокольниковы, Мураловы и десятки других – изобличенных и пока еще не изобличенных преступников – докатились в своем падении до самого дна. Дальше падать некуда. Даже трудно представить себе, чтобы в одном человеке могло сконцентрироваться столько подлости и гнусности, сколько сконцентрировано в этих жалких людях!

К чему они стремились? Какие "идеалы" руководили ими? – Звериная ненависть к тому, что создано в моей стране, звериная злоба к тем, кто создавал и создает мою прекрасную жизнь!.. Что имеют они за душой – они опустошенные, лишенные принципов и совести "дельцы", готовые пойти в союзе с каждым фашистом, с каждым убийцей, с каждым преступником. Они вызывают чувство омерзения, и к ним не может быть жалости. "Если лекарства не помогают – помогает железо. Если железо не помогает – помогает огонь", – так учил их затаившийся за рубежом, злейший наш враг Троцкий. Так пусть же падет на них наивысшее наказание! Огнем и железом выжечь последние остатки врагов Родины!..» (Восточно-Сибирская правда. 1937. 28 января)

Странный материал, появление которого можно объяснить разве что диктатом, приказом писать именно так и не иначе. Возможно, это элементарный шантаж, в котором на весах жизнь. Схожие мысли возникают и по части заметки от 1 января в «Восточно-Сибирской правде». Трудно сказать – реально ли Гольдберг сам писал эти газетные строки?

21 февраля газеты сообщают о следствии по делу троцкистского «параллельного центра». Арестованы многие сподвижники Ленина, участники подполья и ветераны борьбы с монархией – Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков… Их деятельность связывают с так называемым троцкистско-зиновьевским центром, с ближайшими соратниками Ленина – Зиновьевым и Каменевым. «Огнем и железом выжечь остатки врагов Родины», «Процесс контрреволюционной троцкистской вредительской группы в депо Нижнеудинск», «До конца выкорчевать врагов народа!» – некоторые заголовки «Восточно-Сибирской правды» того времени.

По всей стране проходят митинги и собрания против оппортунистов и предателей. Самый популярный лозунг – «Никакой пощады врагам народа».

Атмосфера нагнетается. В Черемхово голосуют за беспощадность к троцкистским бандитам, в единодушно принятой резолюции в центре угольной промышленности требуют «Уничтожить гадину». Карательная операция на спусковом крючке…

Не знаем точно, когда появился на свет рапорт уполномоченного Союза советских писателей по Иркутской области в обком ВКП(б), но этот документ где-то рядом со смертью Ис. Гольдберга. Уполномоченный докладывал: «В результате притупления бдительности областная организация Союза писателей оказалась засоренной врагами народа. Долгое

время у руководства Союза стояли неразоблаченные такие матерые враги народа, как Басов, Гольдберг, Балин и Петров» (www.baikvesti.ru/archive/arcive2/1393-2012-01-26-11-06-56)

Что точно вменялось Гольдбергу как контрреволюционеру, сказать сложно. Источник не опубликован. Но, судя по фактам, которые приводит историк В. Томилов, рассказывая о трагической судьбе П. Петрова (Петров и Гольдберг старательно объединялись следователями в одно дело, точнее в одну контрреволюционную организацию), можно представить, о чем идет речь.

Петров обвинялся в участии в деятельности Иркутского повстанческого центра и правотроцкистской организации, руководителем который был ни много ни мало первый секретарь Иркутского обкома ВКП(б) М. Разумов. На одном из допросов 26 февраля 1939 года Петров твердо заявил: "Виновным себя не признаю. В контрреволюционных организациях не состоял". Следователи уже не надеялись сломить Петрова, но "дело" надо было заканчивать обвинительным заключением. И для этого они использовали героя романа "Половодье" Шабрина, приписав его политические метания, описанные Петровым в художественном произведении, самому автору. "Вещдоками" стала критическая рецензия К. Горна, опубликованная в десятой книжке журнала "Литературная учеба" за 1936 год. Критик считал, что в образе Шабрина скрывается автор.

В феврале на заседании правления общих собраний актива писателей громили известного в литературных кругах Сибири М. Басова. В Иркутске он работал заведующим краевым отделом народного образования, одно время возглавлял Крайгиз, иркутскую писательскую организацию… Басов пострадал, за то что «засорял педагогические кадры троцкистами, чуждыми, случайными людьми…» (ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 1. Л. 2).

Басов находился в руководстве писательской организации. И вот уже следователями формируется преступное сообщество – Басов, Гольдберг, Балин, Петров… Писательская организация неминуемо должна была быть втянута в молох заговоров против партии, ее лидеров, шпионских страстей. Ведь практически все сталинские процессы так или иначе имели идеологическое обоснование. Только в ходе поиска внутреннего и внешнего врага можно было списать все просчеты и неудачи руководства страны, только определением виновных можно было отвести обвинения от конкретной группы партийных руководителей.

На своих активах литераторы, разумеется, по приказу партийных властей обсуждают судебные процессы над «врагами народа», втягиваются в самобичевание и самокритику.

На одном из таких собраний иркутских писателей в прениях выступал Гольдберг. Учтем, что стенограмма отрывочна, сокращенная запись в некоторых местах теряет смысловое продолжение.

Ис. Гольдберг: «Я сигнализировал о неблагополучии не однажды, даже хирургически путем, путем выхода из правления. У товарищей сложилось так, что явилось поводом хулиг. выходки, поводом этой резкой, необществ. обстановки, как мы живем. Валить на него можем. Но как мы могли жить без настоящего руководства. Кое-кто из нас почти доходил до бытового разложения……Сидим на творч. (творческих – С. Г.) сундуках. Мы совершенно беспризорны... Разве это нормально, что мы потеряли товарищеские взаимоотношения? Причин искать поздно.

Раскрыть творческие сундуки. Творчество такая вещь, где лицемерить и лгать невозможно. Как мы идем к XX-летию Октября.

…Мы могли стать взрослее. Мы даже друг друга не любим. Если мы ее утратили – это ущерб для творч. работы каждого писателя. Что делать?

Наша связь с парторганами должна быть настоящ. Мы отгород. от парт. организ. китайской стеной» (ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 1. Л. 10 об. – 16).

2–3 апреля. Состоялось собрание писателей Восточно-Сибирского отделения Союза Советских писател

ей.Процесс движения репрессивной машины запущен и набирает обороты. Схематично выглядит он примерно так. С критикой в адрес Ис. Гольдберга выступил А. Ольхон. На своих натравили своих. Трудно сказать, была ли у Ольхона поставленная кем-то задача выступить против Гольдберга, или это было естественным эпизодом полемики. В любом случае, он не мог не понимать, чем каждое слово, сказанное в такой момент, может отозваться. Учитывая всегдашнюю осторожность Ольхона, известную его боязнь быть заподозренным в идеологической несостоятельности, приходится думать, что, скорее всего, его выступление срежиссировано. На этом собрании он выступил с критикой доклада руководителя писательского союза Ив. Молчанова-Сибирского, а значит, и критикой его деятельности.

Из выступления А. Ольхона на собрании писателей Восточно-Сибирского областного отделения Союза советских писателей 2–3 апреля 1937 г.

…«Обращение в правление стало невозможным. Особенно, когда в нем сидел Ис. Гольдберг. У нас проваливаются альманахи. Сейчас готовятся к печати книжки Седых и Луговского. Но их предварительно не обсуждают, а это необходимо, если мы желаем повышать качество литературной продукции.

Ис. Гольдберг: Ольхон не установил причины, почему не издаются альманахи. А не издаются они потому, что нечего печатать. Писатели не работают или работают плохо. В среде писателей нет спайки. Писатели разучились уважать друг друга и потеряли вкус к собственному творчеству. Атмосфера плохая. Смена у нас не работает. У молодых дурные тенденции – получить побольше гонорара, стремление к профессионализму – это ложный путь молодняка. Надо иметь основную производственную профессию. Пример с Рождественским, который выпустил плохую книжку стихов и уже возомнил себя маститым писателем.

С молодняком нужна большая воспитательная работа. Правление не провело ее. Да правлению и трудно было руководить. У нас создалась такая обстановка. Лист не будет слушать меня. Бутенко возомнил себя маститым, не желал считаться ни с чьим мнением. Словом: не притерлись друг к другу. Надо оздоровить атмосферу, перебрасывать людей на новые места, побывать в командировках и проч.

Основная причина создавшейся обстановки та, что нами слабо руководила партийная организация. Значение нашей организации часто расценивалось ниже, чем значение свинофермы. Не знаю, намеренно или случайно, нас держали в отдалении от партийной организации, пока еще вывод делать подожду. Но факт остается фактом, в партийных органах нашего авторитета не создано. Надо добиваться того, чтобы нашу работу считали частью партийной работы и по-настоящему, а не от случая к случаю.

Мы стали замкнутыми, разобщенными в буквальном смысле этого слова. Кто, например, знает, что делаю я, старейший писатель Сибири? Никто. Обругали Петрова. Облыжно обругали. И мы молчим, в силу своей разобщенности и антагонистического отношения друг к другу. А ведь это дело не только Петрова – это наше общее. Мы все отвечаем за нашу

литературу. Не будь бы натянутых отношений среди писателей, мы могли бы предотвратить многие, теперь выплывшие недостатки.

Нам надо по-настоящему встретиться с партийным руководством области, откуда пойдет помощь и оздоровление нашей организации. Наступает 20-летие Октябрьской революции, а мы к нему не готовимся. Надо сейчас начать смотр. Что каждый делает, с чем он готовится к 20-летию. Надо узнать, что мешает каждому в работе. Надо узнать, не топчутся ли Гольдберг, Петров и Лист на одном месте. Я уверен, что топчутся.

Стали зажиточными в плохом смысле этого слова, сидим все на одних образах. Мы не знаем не только, как работают стахановцы, но как пахнет снег.

Громоздкий аппарат правления нужно свернуть. Москву копировать нам нечего. Оставить в правлении трех человек – и хватит. Создать городскую группу. В ближайшее время поставить творческие самоотчеты.

Многие думают, что пушкинские дни кончились. Это не верно. Пушкина подняли на щит потому, что с этой датой совпадает новая полоса в литературе и во всей культурной работе социалистической страны. Это надо помнить и проработать по-настоящему…» ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 1. С. 36–48).

Мы совсем близки к развязке. Трагическое время уже на пороге.

13 апреля состоялся творческий отчет писателя Ис. Гольдберга на правлении ССП ВСО. Мы приводим текст отчета как важный документ времени, отражающий внутреннее состояние писателя, вероятно, почти загнанного в угол идеологической бойней страшного 1937-го.

«Сейчас, товарищи, идем к двадцатилетию Октября. Подготовка и празднование этой даты кое-где понимается, мне кажется, очень примитивно и неверно в качестве парадного ознаменования этой исторической даты, как парадный смотр. С точки зрения творческих вопросов предполагают, что надо написать произведение к двадцатилетию, нарочито сугубое, отмечающее двадцатилетие. На мой взгляд, дело должно обстоять совершенно иначе. Дело должно обстоять в том смысле, чтобы каждый из нас, работающий на этом культурном фронте и на одном из очень деликатных участков этого фронта, фронте литературы, просто-напросто подвел итоги своей работы, многолетней, малолетней, словом, работы, которую человек проделал.

Обращаясь к самому себе, я просто-напросто хотел бы и для себя, и для окружающих резюмировать, с чем же я прихожу к двадцатой годовщине Октября, все-таки пройден путь немаленький, с какими достижениями, главным образом, с какими недостатками. Ошибок достаточно хотя бы потому, что в сделано немало, хотя бы потому, что охватывают мои работы значительное количество тем, где можно спотыкнуться…Мы поставлены здесь в очень тяжелое положение и потому, что живем на окраине, потому что остаемся далеко от Москвы, и потому, что вообще и Москва не умеет прийти на помощь настоящей критической мысли, критической работы. Приходится самому говорить о себе, потому что разговоры о тебе со стороны не очень обильные, здесь, может быть, источник большей смелости, большей уверенности, чтобы рассказывать свои ошибки.

Мне на своем веку пришлось однажды проделать работу по отношению самого себя, когда я попытался суммировать свой творческий путь в большой статье, которую назвал "Биография моих тем". Характерно, что эту статью неоднократно использовали как раз те, которым нужно было бы самостоятельно заняться мной, не идти по проторенному пути, мною указанному. Работа эта в конце концов для меня не была бесследной, и тогда я все-таки считаю, что нам, работающим в области деликатной, в области словесного искусства, хорошо другой раз, очень полезно становится определить пройденный путь для самого себя, подвести те или иные итоги с тем, чтобы, может быть, отсюда сделать размах более уверенной, более плодотворной, более ценной работы…

Наши местные условия усугублены тем, что, как мы не разговариваем, все-таки творческой среды у нас нет. Я сейчас, когда думал о том, что я буду говорить перед вами, мне пришло в голову, что если, скажем, группа поэтов у нас, здесь, так или иначе как-нибудь сталкиваются в своей работе друг с другом, если тут может быть какой-нибудь элемент такой не коллективной работы, а просто-напросто обмена мысли в процессе работы того или иного товарища, налицо, то у прозаиков наших и этого нет.

Как правило, вещи наши уже появляются готовыми вещами, выношенными где-то втихаря, над ними товарищи работали, очевидно, без всякой помощи, причем этой помощи товарищи и не пытались найти, и не заявляли о ней. Это тоже своеобразие наших провинциальных условий, своеобразие, заключающееся в том, что большинство из нас пытаются сидеть на закрытых сундуках, когда засел за что-нибудь, может быть, делается величайшим секретом, над чем работает, какие бы сомнения в течение

работы не были, не находится внутреннего стимула пойти и просто-напросто о наболевшем поговорить с кем-нибудь. Может быть, это зависит от того, что мы утратили чувство веры в силу, во вкус, знание рядом стоящего – это тоже, несомненно. Может быть, наши иркутские условия усугубляются тем обстоятельством, что помимо отсутствия творческой среды и товарищеской взаимопомощи, настоящей творческой, мы еще находимся на участке, где очень слабо представлен редактор, когда редактор, по существу, еще не поставлен в условия работы с автором. А все-таки жизнь говорит, действительность говорит о том, что редактору нужно работать с автором, кто бы этот автор ни был.

…

Для меня совершенно ясно, что мы, например, друг друга здесь не читаем. Правда, когда я об этом говорю, я начинаю утешать себя, что большинство из нас не читают вообще художественной литературы в том объеме и в том размере, котором писателю полагается и нужно в современную художественную литературу.

Это плохое отношение, товарищи, для моего творческого настроения было в достаточной степени больно, что наш актив и мои близкие товарищи равнодушно прошли мимо этой книги, равнодушно в том смысле, что она их не затронула, ни с той, ни с другой стороны. Я говорю не затронула ни с той, ни с другой стороны потому, что я не слышал никаких взволнованных речей по отношению меня. Я говорю, что это совершенно ненормально не потому, что я написал книгу, что книга мною созданная, ненормально, товарищи, что молодняк, который хочет и учится – не попытался на этой книге научиться ничему ни с положительной, ни с отрицательной стороны. Это тоже, товарищи, несомненно, не поддержало моего внутреннего творческого самочувствия.

Я сегодня буду говорить о двух своих книгах – старой книге и книге, которая делается. Я сейчас говорю о романе о 1905 годе "День разгорается", но после этого появилась моя книга "Простая жизнь". Книга во многих отношениях очень любопытная, любопытная книга в том смысле, что если бы нелюбопытные товарищи попытались проанализировать книгу вместе со мной, они могли бы очень широко уразуметь в области литературной работы, в области приемов работы, а ведь никто не любопытствовал. Никто не заинтересовался такой самой простой, бросающейся в глаза вещи. Книга "Тунгусские рассказы" была написана и издана в 1913–1914 гг. Книга "Простая вещь" издана в 1936 году, она состоит из двух частей, первая часть

– дореволюционные рассказы, большинство которых написано в дореволюционное время, и вторая половина – послереволюционное время.

Я все время ждал от товарищей, которые тоже работают в области литературы, такого вопроса: как ты, как Вы, одним словом, писал свои рассказы пореволюционной темы, ведь там не был, оттуда уехал в 1912 году, и оправдано ли то, что написал.

…

"День разгорается" я писал долго. Это не значит, что я долго сидел над рукописью. Это значит, что года три с половиной я вынашивал эту тему, это значит, что прежде чем приступить к работе над этой вещью, как и всеми моими большими вещами, я проделал другую, попутную, но органически связанную с непосредственной работой над этой вещью, работу такого характера. Когда я писал "Поэму о фарфоровой чашке", я предварительно прожил несколько раз разное количество времени на плацдарме будущего развития моей вещи – на Хайтинской фарфоро-фаянсовой фабрике. Я не только прожил, я дал об этой фабрике цикл, серию очерков десять штук. Десять подвалов, где я по-настоящему окунулся и в производство, и в быт, и во взаимоотношения, существовавшие тогда на фабрике.

Когда я писал "Главный штрек", я предварительно побывал 4 раза в Черембассе, в первые два раза кончились тем, что я дал тоже ряд очерков.

Когда я писал "Жизнь начинается сегодня", я прожил значительное время в колхозе, и об этом колхозе я дал тоже ряд очерков.

Когда я приступил работать над "День разгорается", я сначала вел работу над воспоминаниями о 1905 годе, небольшим участником которого я был.

Это неслучайный у меня метод, товарищи. Я не хочу сказать, что этот метод самый последовательный, самый лучший. Я не хочу сказать, что этому методу надо непременно следовать. Но это был мой метод – метод моей работы. Я сначала вспомнил, затем проверил на архивных и мемуарных данных и только затем начал писать "День разгорается".

Рассказывая об эвенках, несмотря на то, что здесь имеется большой разрыв во времени – что-то вроде 20 с гаком лет, что я первые рассказы дореволюционного времени писал, непосредственно имея перед собой натуру, мне дало возможность, впитав в себя этот метод, от которого трудно

теперь отойти, путем интуитивным любить современных эвенков, которых я видел только здесь на съезде, которых не видел в новой обстановке там у реки.

Я считаю, предварительные рассказы, которые ни в коем случае не были очерками, для меня сыграли роль этой работы над натурой, над непосредственной натурой, почему я и счел себя совершенно вправе брать этих эвенков сейчас.

В чем я нахожу погрешности мои творческие, когда книга уже напечатана, типографская краска пошла и бумага, по отношению, скажем, книги "День разгорается". Когда я теперь думаю, я прихожу к такому заключению, что это историческая вещь. Я эту историческую вещь писал, не применяя полностью методы работы над историческим произведением.

Какие я применял методы? Я хорошо продумал, прочувствовал, проработал обстановку, какая была, я посмотрел, нащупал, мне кажется, верно расстановку классовых сил и прослоек, я хорошо, мне думается, взял аксессуары былых дней, деталей, отдельные штрихи, отдельные моменты, но меня внутренне ввергло в неудачу в этой вещи то обстоятельство, что я не оттолкнулся от живых конкретных людей. Мне нужно было не солидаризировать своих героев, которые имеются, не пытаться списать их такими, какими я их знал. Мне надо было оттолкнуться от настоящих людей, действовавших в настоящей обстановке на определенный отрезок времени. Мне не нужно было бояться. Если бы я взял какое-нибудь крупное историческое лицо времени 1905 года и перенес бы его в Сибирь, если такового я не мог найти в Сибири, а можно было найти, т. е. я испугался сойти с пути настоящего художественного описания, оттолкнувшись от живого конкретного лица.

Если бы я имел перед собой большого политического деятеля времен 1905 года, если бы пошел по биографии его, отступая, запутывая, привнося много творческой фантазии, тем не менее костяк взят имяреке, хотя бы даже при условии, если вы его, читатели, не узнали, а не нужно, чтобы узнали, если бы оттолкнулся от настоящего героя – большого человека 1905 г., что бы это для меня дало и что бы это дало вам, читателям?

Это дало бы, во-первых – более или менее крепко вылепленный характер. Это бы дало крепкий, сжатый костяк, ибо, если бы имел перед собою одного-двух человек настоящих живых людей, с живой биографией, строя которую я имею право продолжать видоизменять, у меня бы родился

настоящий сюжет. Я не пошел по этой линии, отсюда все качество, отсюда все промахи.

Вторая ошибка в "День разгорается" заключается в том, что мне захотелось показать будни 1905 года – на будничных людях, а будни 1905 года на будничных людях в таком сравнительно большом полотне показывать не так было просто. Достаточно было бы просто фон давать на втором плане этих будней. А надо было давать героику. Героика имеется, но героику подлинную, героику, развернутую с большой фантазией, не боясь, что действия могут перехлестнуть с улиц предполагаемого Иркутска и Красноярска в другие места. Я шел в целом ряде глав, событий по пути выдумки, я должен был идти по пути выдумки в самом основном, в самом главном.

Здесь, я считаю, еще ошибка, вытекающая из того, что сказал. Ошибка заключается в том, что мне теперь кажется после довольно большого опыта, что историческую вещь в конце концов надо строить на показе, на ситуации положений, а не показе характеров и исторической вещи, потому что показ характеров в определенной обстановке раскрывает сущность обстановки. Если раскрыть по-настоящему главные движущие силы революции 1905 года в двух-трех образах, то не нужно нагромождать показ этого столкновения всех главных прослоек и классовых сил. Достаточно показать крепкую сбитую фигуру одного-двух человек с одной стороны баррикад и одну-две фигуры с другой стороны баррикад.

…Надо иметь в виду, что у каждого из нас бывают периодические увлечения той или иной тематикой, тем или иным кругом образов, совершенно естественное и законное. Я помню, как мне было трудно отойти от тематики гражданской войны. Закончив цикл "Путь, не отмеченный на карте", думал, что отошел от нее, и еще написал почти столько же количественно, сколько заключает в себе книга "Путь, не отмеченный на карте" потому, что не очень легко отойти, внутренне сживаешься с идеями, образами, даже если они не воплощаются в героев. Всех их любишь, их ненавидишь, с ними живешь и если чувствуешь, что чего-то не досказал в одном месте, хочешь досказать в другом месте и в третьем. Внутренняя потребность досказывать и, конечно, никто из нас до конца никакой своей темы не досказывает.

Я говорю, что было бы неверно, если бы сказал, что книга имеет существенные недостатки и, значит, она для меня чужая книга, нет, не чужая для меня, во-первых, что в нее положено достаточная крупица меня самого,

моей души и потому, что, несмотря на то, что я не выполнил своих намерений, не разрешил задачу, как я должен разрешить и как мог бы разрешить, но та часть разрешенной задачи, которая находится в ней, не позволяет мне сказать, что это не я. Нет, это целиком я, здесь многое, от чего мне неприятно, но есть то, что мне дорого.

Я прохожу мимо, товарищи, формального разбора своих вещей, прохожу я не потому, что мог бы подвергнуть хорошей большой развернутой критике и со значительным знанием этого дела, потому что вещь хорошо знаю, нет, не поэтому. Я думаю, что все-таки основное в нашей работе сейчас – это не преодоление технической отсталости, и здесь нужно сказать, ежели корявый язык, сядешь, поработаешь и выправишь, если композиционно плохо сделано, сядешь, поработаешь – можно лучше сделать. Основное в самой сущности, в подходе к теме, в подходе к материалу и это, товарищи, очень существенно – подход к материалу, и здесь подхожу к книге "Простая жизнь", она очень характерна, работа над ней многому меня научила, и мне казалось, если бы заинтересовались товарищи, они многому бы научились.

…

Я считаю, что мимо моих рассказов, собранных в книге "Простая жизнь", напрасно прошли товарищи, работающие в области литературы, напрасно прошли хотя бы уже потому, что не все здесь безукоризненно, не все безупречно. Небезупречно вот почему. Потому, что я поставил перед собой задачу вот это синтезировать. А что у меня получилось? А вот что получилось, это часто получается вообще с товарищами, что когда читаете отдельный рассказ, то каждый в отдельности рассказ сильней играет, ежели вы прочтете рассказы один за другим.

В чем дело? Дело в очень простой вещи. Дело в той простой вещи, что в этих рассказах по преимуществу поданы ситуации и по преимуществу не поданы характеры. И вот здесь, если бы, о чем я говорил, этого живого эвенка я бы пощупал, взял бы за руку, посидел бы рядом с ним, я бы почувствовал, что мне нужно, что он стал колхозником. Стал грамотным, чистым и т. д. Я почувствовал, чем отличается от рядом находящегося такого же эвенка, т. е. его особенность внутреннюю и внешнюю, чего в этих рассказах в значительной степени не было.

Я очень мало работаю над характерами, особенно в последнее время. Я просматривал свои прежние вещи. Я беру тот же цикл рассказов "Путь, не отмеченный на карте". Я беру один из рассказов – простой рассказ "Болезнь",

не знаю, помните ли вы его, товарищи. Этот рассказ "Болезнь" в свое время, если бы критики обращали внимание на меня, он был написан тогда, когда психология внутренней жизни героев была в загоне со стороны определенной и господствовавшей в то время части критиков и литераторов. У меня Канабеевский – главный герой показан с нервами, со всем нутром, с какими-то переживаньицами подленькими, подленькими. Какой-то промежуток времени я сам пережил так, как, скажем, этот Канабеевский.

…

Я работаю над рассказом "Возвращение". Это ссыльный возвращается в те места, где был в царское время. Это для меня очень тяжелая тема, тяжелая потому, что здесь очень много знакомого для меня, поэтому мне нужно от этого знакомого отрешиться и постараться вырваться из таких обычных представлений, т. е. перейти к освещениям. Бьюсь над ним с очень большими усилиями, приходится некоторые места несколько раз перерабатывать, чего со мной очень давно не было.

Весь цикл для меня важен тем, что я пишу его под одним музыкальным ключом, в одном настроении, с разными творческими приемами. Мне хочется взять повседневность сегодняшнюю и на этой повседневности, на этих разных людях показать сегодняшний день, каким этот день доходит до двадцатилетия Октября. Я для себя считаю эту книгу, если ее удастся нормально закончить, итоговой книгой двадцатилетия Октября, из-за этих рассказов я отложил другую работу.

Было ли что-нибудь, что тормозило моей работе?

Обыкновенно, когда начинают говорить, и в Москве об этом уже говорилось, раньше всего ставятся материально-бытовые вопросы. Я должен сказать, что материально-бытовые вопросы мне не мешали, они не могли тормозить мою работу. Пишущая машинка у меня есть, бумага есть, комната, в которой работать можно – есть. Но вот я начал, товарищи, с самого начала говорить, я считаю, что атмосфера в значительной степени тормозила моей работе, от этого никак не уйдешь. Если нет внутренней потребности делиться с более или менее широким кругом людей, то ведь для этого есть какие-то предпосылки, а вообще не делиться человеку, который пишет, – это ненормально.

У нас, в нашем обиходе не было даже и в помине, чтобы, скажем, делиться замыслами. Я не говорю о том, чтобы делиться тем, что сделано

целиком или наполовину. Эти замыслы, они где-то складывались, они лежали, они вынашивались. А сколько, товарищи, замыслов не осуществлялось. Думаете, мало? Их много. Почему не осуществлялись те или другие замыслы – это относится к области творческой лаборатории. Может быть, ежели своевременно каждому из нас, в том числе мне, была подсказана необходимость остановиться не на таком замысле, а на другом, может быть, он был бы осуществлен иначе.

Когда разговариваем здесь о будущих работах, говорим вообще, говорим большую часть по тематике. Что есть тематика золота, скажем, север, ссылка, скажем. Все берется общими категориями, просто заголовки к темнику. Мы никогда не собирались, не говорили о возможностях разработки внутри этих тем чего-нибудь. Мы друг к другу чрезвычайно нелюбопытны. Если любопытны, то нездорово любопытны, не говоря уже о другой стороне, о которой надо говорить. Хотя бы о той стороне, что, товарищи, давайте, по совести, посмотрим друг на друга, в глаза и признаемся, может быть, еще до сих пор живет такое чувство, совершенно ненормальное, патологическое чувство, когда положительно затрагивают промахи рядом с тобой стоящего. Ведь они есть, они были, а мы, товарищи, все-таки в достаточной степени люди с нервами, которые более обострены, чем у нормальных людей, не занимающихся этой работой. У нас обострена чувствительность, ремесло такое, мы очень многое понимаем без слов, мы должны это делать по характеру своей работы, и мы это понимаем.

Если все, мною написанное за последние 5 лет, идет на снижение, то почему об этом не говорилось открыто? Почему об этом не били тревогу хотя бы с той точки зрения, что, товарищи, незримо мы какое-то влияние друг на друга творческое в этом отсутствии творческой обстановки оказываем? Если мы разучились учиться друг от друга, то в конце концов бессознательно друг у друга учимся и на ошибках и достижениях, не стараясь отдавать себе отчета в этом, не признаваясь.

Если за последнее время помимо промахов были не промахи, почему об этом молчали, почему такое равнодушие к своей судьбе писательской и к писательской судьбе рядом стоящего? Это отсутствие товарищества, я не сказал бы, чтобы не отражалось так или иначе, в частности, и на моей работе.

Давайте будем откровенными, это очень неприятно, когда тебе показывают твои ошибки. Не верю я тем, которые с радостной улыбкой прослушают, что говорят им об ошибках, не верю. Это выходит – хорошая мина при плохой игре. Но, во-первых, все зависит от степени восприятия.

Можно такую горькую пилюлю воспринять с большей яростью и с меньшей яростью. С большей яростью воспринимают и совершенно безрезультатно тогда, когда пилюля преподносится не с точки зрения лекарства, а с точки зрения тайного умысла отравить, т. е. когда ошибки другого преподносятся этому другому с плохо замаскированным злорадством. Это бывало, от этого никуда не уйдешь. Некоторые сильно размагничивались от этого, другие слабее, но есть, товарищи, еще одна сторона. Об ошибках когда говорят – нормально, даже не дружески, а просто по-товарищески – это полезно, но, товарищи, ведь помимо ошибок у каждого из нас в нашей работе имеется еще что-то и положительное. Я не помню в нашей практике таких разговоров общественных, мало их было, поэтому можно хорошо помнить, когда бы о работе кого бы то ни было из нас было сказано что-нибудь положительное, хорошее, от души, от сердца, когда вдруг человек бы почувствовал, что все-таки не вхолостую крутишь, а что-то есть. Это тоже создает не ту творческую обстановку, которая необходима.

Я сегодня начал с того, что я все-таки убежден, что товарищи не настолько вооружены сейчас, скажем, чтобы говорить о моем творческом пути. Я, товарищи, пошел навстречу и взял только две книги, и я здесь могу не ошибиться, сказав, что большинство с этими книгами не знакомы, нелюбопытны. Я, кажется, говорил, что меня "утешает", что плохо вообще читают. Поэта – читают, тут вот свойства поэта и то, что поэта читать легко, книжечка маленькая, от своей большой занятости отрывает товарищ не очень большое количество времени, тоненькая книжечка. Прочитал и, глядишь, весь гаврик налицо, а такие книги – трудно читать.

Какие для себя выводы делаю. Работать можно и нужно работать. Сразу в какой-нибудь день, неделю, месяц улучшить творческую атмосферу трудно. Был бы наивным человеком, чтобы в это уверовал, что с этого заседания все пойдет по маслу. Трудно сделать, но попытаться встать на такой путь, конечно, следует. Конечно, какие-нибудь результаты положительные могут быть, и они рикошетом могут повернуться и для меня.

Какие у меня мысли помимо того, что сказал – это цикл рассказов, внешне не объединенных, а только внутренне. Замыслы, конечно, имеются большие, трудно конкретизировать их. Трудно конкретно сказать, над чем буду работать, в какой области, за какую тематику возьмусь, будет ли это прошлое, если прошлое, то в каких областях. Одно время и материал подобран был, меня сильно тянуло к старой Сибири, не очень старой, а

второй половине 19 столетия, но опыт работы над этой вещью показал, что мне надо эту работу отодвинуть. Я все-таки надеюсь пожить еще.

…

Я сейчас пришел к заключению для себя, что на какой-то отрезок времени мне полезно, по моему внутреннему состоянию сейчас, не работать над пространными большими вещами, ограничить себя площадью, жилплощадью, ввести ее хотя бы в нормы Иркутского горсовета.

С точки зрения внутренней моей учебы писательской, я считаю, что мне сейчас, как воздух, необходимо засесть за очень короткие рассказы. Я признаюсь вам, 6 коротких рассказов написано, но печатать я их не собираюсь не потому, что эти рассказы, с моей точки зрения, плохо сделаны, пусть вылеживаются эти короткие рассказы на 3–4 странички, напечатанных на машинке.

Почему считаю необходимым для себя перейти на эту студийную работу, работу над короткими рассказами? По таким основаниям, во-первых, на коротких рассказах хорошо, вульгарно выражаясь, набивается рука на владении сюжетом. Здесь, когда максимум экономии, когда рассказ нужно вести очень сжато, очень напряженно, многому можно научиться для будущей пространной вещи.

Короткие рассказы, как у ювелира, требуют очень тщательной внешней отделки над языком. Нужно мне работать над языком. Вопреки тому, как будто сейчас перестали говорить насчет того, что вот новаторство не нужно в языке, не нужно новые приемы изобретать, одним словом, не нужно дерзать.

…

К сожалению, мы очень торопимся все то, что написано, предавать огласке, здесь отталкиваясь от себя, считаю, что вообще надо подумать, часто бывает плохо, когда буквально горяченькие вещи сдаешь в издательство, не успели остыть, ведь даже имеется постановление Наркомвнуторга, что нельзя горячий хлеб пускать в продажу (голос: тяжелый) – и вредный. Я думаю, что здесь в нашей писательской общественности, в издательской обыденности на это дело надо обратить внимание.

Но и учиться надо время от времени, и с учебником посидеть, и время от времени проветривать свою голову в вопросах и текущей политики, и в вопросах идеологии.

Сейчас, товарищи, мы пережили интересное событие – Пушкинский юбилей, принятие Сталинской Конституции, два процесса – троцкистов-зиновьевцев, Пленум ЦК. Все это не просто должно нами восприниматься, не должно мимо нашей работы пройти не в том смысле, что, скажем, Сталинская Конституция принята – написал рассказ, где фигурирует Сталинская Конституция – это тоже неплохо, но в смысле большого творческого обобщения всего этого.

Я попытался для себя сделать кое-какие выводы из 3-х совершенно разных моментов. Вывод из процесса. Вывод политический вполне понятный для меня, как и для каждого советского человека, но кроме того, для меня как писателя я должен какие-то выводы еще сделать хотя бы с той точки зрения, что вот мы имеем дела, товарищи, с человеческой душой, с человеческой психологией писателя.

Разве вы, товарищи писатели, не почувствовали некого такого внутреннего шока, когда следили за этими процессами и увидели, до какой же бездны падения может довести человека, и разве это внутреннее не должно было насторожить по части анализа вообще человеческой души не в том смысле, что вообще что-то темно, а с точки зрения того, что она извилиста, что есть такие провалы, что мы очень мало занимаемся, мы, которых назвали инженерами человеческих душ, т. е. мы должны знать лучше этот материал, из которого эта сложная машина, именуемая человеческой душой, сделана. Тут какая-то внутренняя писательская бдительность должна быть.

Я думаю, что для себя сделал правильный вывод из как будто бы двух разных, но органически между собой связанных громадного значения фактов – это явление Сталинской Конституции и столетний юбилей со дня смерти Пушкина. Сталинская Конституция – это другая сторона отношения к этой человеческой душе, нормальное отношение, это вознесение человека, и здесь форма, в которой проводится вознесение человека, нас равнодушными оставить не должна, ибо, товарищи, как мы воспринимали и воспринимаем Пушкина, даже те, которые родились с Пушкиным, жили с Пушкиным в духовном смысле слова, в смысле творчества.

Все-таки, товарищи, большое раскрытие Пушкина сейчас перед страной, перед миром – это логическое следствие того большого, громадной важности документа – как Сталинская Конституция. Это нужно поднять на недосягаемую высь человека и человеческого творчества. Это, товарищи, когда многие сейчас вульгаризируют Пушкина и представляют его стопроцентным революционером. Я прочитал в "Восточно-Сибирской правде" по части Герцена. Герцен на 3-м месте после Пушкина. Этот вульгаризм, место, размеры Пушкина как революционера вполне ясно раскрыты. Это громадный человек, в котором самые сокровища человеческой души, невзирая на невероятный гнет, все-таки расцветали и могли расцвесть только у нас.

Пушкинский юбилей, пушкинские дни для вас, писателей, имеют то громадное значение, что это, по существу, была демонстрация, завершение тех больших разговоров, о которых мы здесь говорили и, может быть, мало думали о народности в искусстве, а сейчас забыли – это была компания. Пушкинские дни были тем подходом к завершению этих дней, ибо Пушкин – безграничный и невероятный народник.

Когда я соприкоснулся по-новому с Пушкиным и многое для себя почувствовал, понял, почувствовал, как можно, в конце концов, работать, если Пушкин мог работать в исключительных условиях невероятного зажима, в тисках, как должны работать сейчас, невзирая на всякие имеющиеся мелкие ущемления, отсутствие творческой атмосферы, как говорим, и т. д.

Я все-таки верю, что эта творческая атмосфера будет создана. Я искренно говорю, что нормальная творческая атмосфера, невзирая на большой писательский опыт, может и должна многое дать. Без комплиментов, не хочу никому их делать, говорю, что я думаю, я мог бы поучиться от рядом стоящих со мной товарищей в соответствующей атмосфере и, с другой стороны, считаю – многому рядом стоящий человек может поучиться у меня, может много учиться на ошибках и будет ему легче, чем самому на ошибках учиться, и может значительно поучиться на моих достижениях» (ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 3. Л. 1–29).

В тексте стенограммы этого выступления много опечаток, но мы приводим его по архивному оригиналу. Возможно, эта рукопись лишь близко передает содержание выступления Гольдберга. Но что совершенно точно – она доносит до нас его волнение, предчувствие каких-то событий, которые будут иметь роковые последствия. Какие, нам хорошо известно.

Пожалуй, такой откровенности, такого открытого взгляда на собственное творчество не было ни у одного сибирского писателя той поры. Нервическая нота в самоанализе, попытка подвести итоги и одновременно оправдать какие-то свои творческие взгляды явно превалирует над всеми остальными темами.

15 апреля И. Г. Гольдберг арестован на основании обвинения в том, что он играл руководящую роль в повстанческой эсеровской организации, затем стал японским шпионом и поставлял в Японию секретные сведения, сотрудничал с правотроцкистской организацией. Апофеозом стало обвинение в подготовке организации покушения на наркома путей сообщения Л. М. Кагановича во время пребывания того в феврале 1937 года в Иркутске. Эти сведения приводил иркутский журналист С. Семенов в материале «История одного "теракта"», написанного по материалам архива Иркутского КГБ. (Восточно-Сибирская правда. 1992. 30 мая).

Почему Гольдбергу дали возможность сделать публичный творческий отчет? Одна из версий – ожидание «погрома» именно во время его выступления. Скорее всего, надеялись на сценарий «товарищеской» критики, когда бы на его творчестве не оставили камня на камне и прямо обвинили бы во вредительстве. Но, вероятно, что-то пошло не так, погрома не случилось, а даже наоборот – были слова одобрения, профессиональной критики.

27 апреля состоялось общее собрание членов и кандидатов Союза Советских писателей (Иркутское отделение). По протоколу отмечены Балин, Губанов, Жилкина, Луговской, Лист, Молчанов, Седых и два представителя обкома партии. Вопросов было ровно два. Первый пункт повестки гласил: «О членах Союза писателей Петрове и Гольдберге» (их на собрании не было, оба к тому времени находились под арестом). Без особого обсуждения обоих исключили из членов Союза за связь с контрреволюционными организациями.

Атмосфера в писательской организации была очень тяжелой. Сказалась общая обстановка в литературных кругах Сибири – везде шли аресты известных писателей. Вероятно, с разницей в несколько дней в мае 1937 г. были арестованы редактор журнала «Будущая Сибирь» М. М. Басов, поэт Александр Балин, художник краевого издательства Н. А. , директор местного издательства А. Н. Губанов.

Все складывалось и шло к разоблачению «подпольной контрреволюционной организации», в которую якобы входили многие

известные иркутские литераторы, и в частности руководитель иркутской писательской организации М. Басов (зав. Облоно). Все они были арестованы за «пособничество врагам народа – троцкистам, за засорение педагогических кадров чуждыми людьми». И. Гольдберг и П. Петров, «зачинатели» сибирской советской литературы, арестованы за связь с контрреволюционными организациями, Лист и Балин как «явные антисоветчики». В справке для Иркутского обкома ВКП(б) разные люди и эпизоды были уже объединены в антисоветскую группу Басова, Балина, Петрова и Гольдберга.

23 мая на страницах газеты «Восточно-Сибирская правда» появляется статья «В писательской организации Восточной Сибири» П. В. Михайлова. Статья сообщала: «На состоявшемся 11–12 мая собрании начинающих писателей Восточной Сибири подверглась резкой и справедливой критике работа областного правления Союза советских писателей. До недавнего времени в нашей областной писательской организации видную роль играли писатели Гольдберг и Петров, и поэт Балин. Правление возглавлял бывший заведующий областным отделом народного образования Басов. Теперь эти литературные "корифеи" разоблачены как враги народа. Собравшиеся на совещание молодые начинающие писатели дали исчерпывающую характеристику "работе" этих преступников». (Восточно-Сибирская правда. 1937. 23 мая).

2 октября была арестована жена Ис. Гольдберга Любовь Ивановна Исакова. Она родилась в Ленинградской области, в деревне Трошково Лужского района. Работала учительницей Иркутской школы № 5. Л. И. Исакова получила пять лет лагерей как член семьи врага народа. 9 ноября 1938 года она прибыла в Карлаг, затем осенью 1939 г. в Соликамбумстрой. Ее реабилитировали 25 января 1957 г. Спустя три месяца реабилитировали и ее мужа, писателя Гольдберга. Всю оставшуюся жизнь Любовь Ивановна будет биться за восстановление доброго имени Исаака Григорьевича и популяризировать его литературное наследие.

Вместо эпилога

Вероятно, нужен был именно заговор с участием литераторов и эсеров. И его придумали, раздули, возвели в ранг общероссийского масштаба. Одним из обвинений было такое: «В 1936 году во время пребывания в Иркутске секретаря ЦК ВКП(б) и наркома путей сообщения т. Кагановича, он (Гольдберг – С. Г.) организовал покушение на его жизнь, направил двух

членов ПСР (партия социалистов-революционеров – С. Г.) Петелина и Морозова в качестве террористов с заданием убить т. Кагановича». (Восточно-Сибирская правда. 1992. 30 мая).

Журналист Анатолий Семенов, который работал с архивным делом Гольдберга, писал: «Следователей УНКВД Рождественского, Верещагина, Славного, Егорова и других интересовало только одно: как литератор Гольдберг стал на путь контрреволюции, занял руководящее место в рядах "повстанческой эсеровской организации", сомкнулся с "правотроцкистской организацией" Восточной Сибири, а вдобавок стал ещё поставлять секретные сведения японским разведывательным организациям. Изучая сфабрикованные следственные материалы, нетрудно прийти к выводу, что трагическая участь известного писателя была предопределена задолго до его фактической гибели». (Там же)

Есть сведения, что на Гольдберга показывал при допросе один из братьев Петелиных. Михаил Петелин, по данным А. Семенова, на допросе 2 февраля 1937 года указывал на то, что Гольдберг сохранил свои эсеровские убеждения. Иван Харлампьевич Петелин обвинялся в непосредственной связи с лидером партии А. Гоцем, который в это время был в заключении.

Следователи плели заговор, объединяя бывших эсеров в одно дело. На одном из допросов Николай Морозов, до ареста – старший инспектор при уполномоченном заготовок СНК по Восточно-Сибирской области, показал: «3 февраля 1936 г. Гольдберг Исаак позвонил по телефону мне на службу и сказал, что в два часа дня он будет ждать меня на Большой улице вблизи типографии газеты "Восточно-Сибирская правда". В 2 часа дня я встретил Гольдберга, и мы пошли с ним по улице, не доходя до Набережной Ангары мы встретили Петелина Николая. Гольдберг сообщил нам, что через два дня в Иркутск возвращается с Дальнего Востока Каганович, что нам нужно во что бы то ни стало совершить теракт, хотя бы это стоило жизни кому-либо из нас. Я и Петелин ответили, что мы готовы». (Там же).

В число заговорщиков вписали и ряд ответственных работников Иркутска вплоть до председателя горсовета Н. Камбалина.

5 июня 1938 года состоялось заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством военного юриста Ионы Никитченко. Заседание, как установил А. Семенов, длилось 20 минут. «В протоколе отмечено, что подсудимый подтвердил собранные на него

доказательства и суд удалился на совещание». Гольдберга приговорили к расстрелу.

22 июня 1938 года Гольдберг был расстрелян. «В застенках Иркутского УНКВД приведен в исполнение приговор "тройки" в отношении бывших работников городского Совета Н. В. Камбалина, В. Д. Здеткова, А. Д. Прохорова и М. И. Хацкевич, писателя И. Г. Гольдберга. Покоятся на "полигоне смерти" в Пивоварихе». (Иркутская летопись 1661–1940. Составитель Ю. П. Колмаков. Иркутск. 2003. С. 659).

1957 год

15 февраля. Из письма Исаковой Л. И., жены И. Г. Гольдберга, в Иркутское отделение Союза советских писателей: «Ставлю Вас в известность, что дело Гольдберга Исаака Григорьевича пересмотрено военной прокуратурой Забайкальского военного округа и военным трибуналом ЗАБВО. По определению военного трибунала И. Г. Гольдберг "был осужден необоснованно", "его дело представлено в суд" органами "на предмет прекращения за отсутствием состава преступления"…

В отношении же моего дела вопрос был окончательно разрешен во второй инстанции, т. е. в военном трибунале ЗАБВР, и я получила справку о полной реабилитации». (ГАНИИО. Ф. 2862. ОП. 1. Д. 110. Л. 65–65 об.).

Решением Правления Союза Писателей СССР писатель Исаак Григорьевич Гольдберг был восстановлен в правах члена Союза писателей СССР с 1934 г.

В начале 70-х гг. XX века благодаря неустанной деятельности жены Гольдберга Л. И. Исаковой завершилась работа над книгой избранных сочинений писателя. Вступительную статью написал доцент Иркутского университета П. В. Забелин, который в 1971 г. в Восточно-Сибирском книжном издательстве выпустил первую исследовательскую литературоведческую работу «Путь, не отмеченный на карте»…

П. В. Забелин, кажется, сделал все, что мог для того времени. Еще были живы многие из тех, кто лично знал Гольдберга, и иркутскому исследователю удалось побеседовать с ними.

Приложение 5

«Книжная Сибирь – 2022» в фотографиях

Автограф-сессия Дмитрия Емеца

Нашел интересную книгу!

В зоне свободного чтения

Книги байкерам нужны!

Увлекательный книжный обзор

Колоритные звонарь (А. Талашкин)

и коробейник на презентации книги

«Ширь да высь колокольная»

«Китайская грамота» от института Конфуция